

Эдна Фербер

Плавучий театр

Глава первая

Ким Равенель -- особа своеобразная, как и ее имя, -- часто заявляла: "Как я благодарна судьбе за то, что она не позволила родственникам дать мне имя еще более нелепое!" И было за что благодарить судьбу. Ее чуть не называли "Миссисипи".

-- Миссисипи Равенель! Можете ли вы представить себе что-нибудь более ужасное? -- говорила она. -- Уменьшительное имя было бы, конечно, Мисси или Сиппи. Мне пришлось бы бросить сцену или, в крайнем случае, взять псевдоним. В самом деле, разве можно требовать серьезного отношения к актрисе с именем Сиппи? Уж и Ким звучит достаточно скверно!

Впрочем, она привыкла к своему "скверному" имени. Это нелепое односложное имя было составлено из первых букв названий трех штатов - Кентукки, Иллинойса и Миссури. Как это ни неправдоподобно, она действительно родилась во всех этих трех штатах одновременно, если, разумеется, исходить из того, что она вообще родилась в каком бы то ни было штате. Мать ее всегда утверждала противное. Если в девяностых годах прошлого столетия вам случалось бывать в Чикаго, вы, может быть, вспомните мать Ким, Магнолию Равенель, пользовавшуюся в то время известностью. Правда, она была знаменита не до такой степени, чтобы ее портреты красовались на папиросных коробках. Не надо забывать, что то была эпоха, когда женскую красоту оценивали пропорционально пышности форм. Будучи тоненькой и хрупкой, Магнолия Равенель не удостоилась звания красавицы и дивы.

И только благодаря тому, что эта самая Магнолия Равенель лишилась на некоторое время дара речи, новорожденную Ким не назвали именем, содержащим больше гласных и согласных, чем какое-либо другое имя. Матери хотелось назвать ее Миссисипи, в честь дикой, необузданной реки, на которой она провела свою раннюю юность и которая имела над ней такую громадную власть.

Роды Магнолии походили на средневековую пытку еще больше, чем обыкновенные роды. Ким Равенель появилась на свет в пять часов ужасного апрельского утра тысяча восемьсот восемьдесят девятого года прямо на середине реки Миссисипи, разлившейся и затопившей побережье на протяжении нескольких миль. Плавучий театр стоял в это время в так называемом Малом Египте, близ Каира, в Иллинойсе, там, где желтые воды Миссисипи встречались с оливково-зелеными водами Огайо.

Из окна своей комнаты на "Цветке Хлопка" Магнолия Равенель могла бы видеть туманные очертания побережий целых трех штатов: Иллинойса, к глинистым берегам которого все время прибывало театр; Миссури, спрятавшегося за густой пеленой дождя, и, наконец, Кентукки. Но Магнолия ничего не видела. Она лежала с закрытыми глазами, потому что

не в состоянии была поднять веки. Штаты и берега не интересовали ее. И уж если какие-то берега и были ей близки в эту минуту, то это были берега той страны, откуда не возвращаются и куда она, отнюдь не желая этого, чуть не попала. В измученном лице ее не было ни кровинки. В эту минуту она удивительно напоминала цветок, название которого стало ее именем. Только сейчас этот белый цветок готов был увянуть.

Потоки дождя вливались в гневно пенившуюся реку. В мрачном сумраке рассвета она рвалась, кружилась и прыгала, подкатываясь к плавучему театру; волны как будто отвечивали ему сумасшедшие поклоны, на которые он в свою очередь величественно отвечал, покачиваясь на якорях. Гонимые бурей, мимо него проносились громадные деревья, вырванные с корнем и судорожно цеплявшиеся за воду окоченелыми мертвыми руками; бревна летели с такой быстротой, словно ими выстрелили из какого-то гигантского лука; трупы животных, страшные в своей неподвижности; разломанные паромы; рояль, белые клавиши которого напоминали оскал мертвеца; целая хижина, трепеща отплясывавшая фантастический менуэт; заборы; изящное кресло; живой баран, жалобно блеявший, а потом замолкший; курятники; кровать, по прихоти наводнения сохранившая свой первоначальный вид. Будто разъяренная, бешеная, кровожадная тигрица, Миссисипи била громадным хвостом, рвала зубами все, что попадалось на ее пути, и глубоко вонзала когти в берег. В ее бездонной пасти исчезали дома, животные и даже люди. Воздух дрожал от ее ужасного рева.

В комнате Магнолии Равенель было тихо, тепло и светло.

В маленькой пузатой печке весело потрескивали дрова. Склонившись над нею, пожилая женщина, типа Сары Гемп, размешивала в кастрюльке какую-то горячую и ароматную жидкость. Делала она это очень шумно, все время разговаривая сама с собой и время от времени поглядывая на бескровное лицо больной. Грузная фигура ее казалась еще тяжеловеснее от того тряпья, которое она напялила на себя. Основной деталью ее туалета была, по-видимому, серая фланелевая фуфайка, рукава которой торчали из-под рукавов накинута сверху мужской куртки. Форменная же двубортная куртка из синего сукна, с золотыми пуговицами и галунами, несомненно, принадлежала моряку. Кроме того, поверх красного бумазейного платья женщина нацепила легкую пеструю кофточку с сомнительной свежести кружевами и широкую кашемировую юбку. В сочетании с капитанской курткой этот наряд производил впечатление в достаточной степени комическое.

Волосы пожилой женщины были свернуты на затылке небрежным узлом. Из-под чепца выглядывали папильотки. В длинном лице ее было что-то лошадиное, оно выглядело нелепо на таком массивном торсе. Сразу чувствовалось, что особа эта весьма энергична и решительна и способна испортить настроение всякому, кто окажется хоть в малейшей мере зависимым от нее. Она принадлежала к тем людям, которые гремят всем, чем только можно греметь, швыряют все, что только можно швырять, разбивают все, что только можно разбить. Имя как нельзя более подходило к ней. Ее звали Партинья Энн Хоукс [от англ. hawk -- ястреб]. Она была

женой Энди Хоукса, капитана и владельца "Цветка Хлопка", и матью Магнолии Равенель, которая только что разрешилась от бремени и теперь неподвижно лежала на постели.

Размешивая что-то в кастрюльке, она все время скребла ложкой дно, да так, что нервы всякого, даже здорового человека, недолго вынесли бы эту пытку. Ей самой, впрочем, это было нипочем, ибо нервы у нее были железные.

-- Ну-ка! -- начала Парти Энн Хоукс свойственным ей повелительным тоном, который вызывал инстинктивный протест даже у самых покладистых людей. -- Ну-ка, сударыня, маленькое усилие воли! Изволь немедленно выпить хоть несколько ложек этого вкусного горячего крепкого бульона! Посмотри на себя! Ты похожа на выжатый лимон.

Держа в одной руке тарелку, а в другой ложку, Парти Энн Хоукс так стремительно направилась к кровати, что умудрилась задеть несколько стульев и подняла в маленькой комнате настоящий ветер, от которого заколыхались кисейные занавески на окнах. Как и следовало ожидать, кровать она основательно тряханула.

По бледному лицу Магнолии пробежала тень страдания, но глаза она так и не открыла. Запах горячего бульона вызвал у нее невольную гримасу отвращения.

-- Ну вот! Я буду кормить тебя с ложечки. Попробуй, как это вкусно! Открой рот! Открой глаза! Ну, хоть раз-то открой! Говорят тебе, открой рот! Силы небесные! Что прикажете делать с женщиной, которая даже не...

Быстро и совершенно неожиданно высунув из-под одеяла руку, Магнолия Равенель оттолкнула ложку, уже приблизившуюся к ее бледным губам. Ложка, звеня, покатилась по полу. Больная облегченно вздохнула и спрятала руку под одеяло. Глаза ее по-прежнему оставались закрытыми, но на лице появилась легкая улыбка удовлетворения.

-- Прекрасно, нечего сказать! Наградил меня Бог дочкой! Дикая ты кошка, вот ты кто! Зачем ты это сделала? Ты должна была поблагодарить меня за то, что я предлагаю тебе такой чудесный бульон. А знаешь ли ты, что Джо варил его несколько часов, что на него пошло целых два фунта прекрасного мяса, не говоря уже о зелени и всяких иных приправах? Знаешь ли ты, что твой отец рисковал жизнью, чтобы достать это мясо, -- ему пришлось ездить в Каир в самый момент наводнения, когда вода поднималась по крайней мере на фут в час? Тебе, очевидно, мало того, что мы застряли тут? Один Господь знает, выберемся ли мы отсюда живыми! А тут еще твои фокусы! В течение всей ночи ты никому не дала сомкнуть глаз своими криками и стонами. Точно рожать так уж трудно! Производя тебя на свет, я даже не пикнула. Да, не пикнула! Какое позорное малодушие! Я нахожу, сударыня, что вы вели себя во время родов совершенно неприлично. К тому же ваш супруг все время торчал у вас в комнате! Черт знает что такое!

Легким подергиванием век Магнолия дала понять матери, что считает присутствие мужа во время родов вполне естественным, в том случае, конечно, если речь не идет о непорочном зачатии.

-- Если бы ты могла только посмотреть на себя сейчас! Ты выглядишь как утонувшая крыса, только что вытащенная из воды. Ну, будь пайнкой, красавица моя, съешь хоть немного этого бульона, не то...

Партинья Энн Хоукс прервала свою угрозу, чтобы наполнить бульоном ложку, которая лежала рядом на столе. Подув на нее, она поднесла ложку к губам, проглотила содержимое, громко причмокнула и, изобразив на своем суровом лице удовольствие, повторила ту же процедуру вторично.

-- Перестань капризничать, Маджи Хоукс!

Никому, кроме матери, не приходило в голову называть Магнолию Равенель "Маджи Хоукс". К ее прелестному хрупкому облику так не подходило это вульгарное имя!

Подняв брошенную Магнолией ложку, Парти Энн вытерла ее о кружева своей блузки и, с ложкой в одной руке и тарелкой в другой, вторично подошла к постели дочери. На лице больной тотчас же появилось выражение неприступности.

-- Экая фокусница! -- проворчала Партинья.

В эту минуту дверь открылась, и в каюту, громко разговаривая, вошли две женщины, одетые так же нелепо, как и миссис Хоукс. Первая из них двигалась решительно и быстро, и в наружности ее было что-то тяжеловесное, игривое и одновременно угрожающее. Последнему немало способствовали жесткие черные усики над верхней губой. В руках она держала какой-то сверток, покрытый фланелевым одеяльцем. Ее спутница все время заглядывала под одеяльце, поправляла его и нежным голосом что-то неразборчиво бормотала.

-- Девчонка на славу! -- воскликнула женщина с усиками, направляясь к Магнолии. -- И миссис Минс находит это и...

Она оглянулась на бледного и крайне взволнованного молодого человека, стоявшего в дверях. Несмотря на бороду, лицо его казалось совсем юным.

-- ...и доктор!

Слово "доктор" она произнесла каким-то особенно язвительным тоном. Очевидно, вполне сочувствуя ей, миссис Минс тихонько рассмеялась, а миссис Хоукс пренебрежительно фыркнула. Не могло быть никаких сомнений в том, что женщина со свертком в руках была акушерка. Как и все ее коллеги, она была преисполнена чувства собственного достоинства и требовала к себе уважения со стороны окружающих. Подбодренная поддержкой, с которой отнеслись к ее тону, она продолжала еще более ядовито:

-- Вы думаете, я шучу? Несколько минут тому назад этот самый доктор уверял меня, что ему еще никогда не случалось производить на свет более здорового и красивого ребенка.

Хихиканье миссис Минс перешло в смех. Фыркание миссис Хоукс стало оглушительным. Бледный молодой человек залился румянцем и стал смущенно теребить массивную золотую цепочку с дешевыми никелированными часами. Взгляд доктора скользнул по бледному лицу больной -- бледному и нежному, как цветок, имя которого ей досталось. Между этой тоненькой, хрупкой, изящной женщиной и тремя мегерами

(такими они казались ему) не было ничего общего. Вид пациентки придавал мужества бедному врачу. Заложив руки за спину, он уверенно направился к кровати. И, повинаясь чуть заметному движению его руки, подергиванию плеч и, наконец, словам, все три женщины принуждены были уступить ему место.

-- Одну минутку, голубушка... Пожалуйста, миссис Хоукс... будьте добры соблюдать тишину.

Акушерка со свертком в руках подвинулась к дверям. Миссис Хоукс, все еще держа в руках тарелку с бульоном, прислонилась к столу. Миссис Минс перестала хихикать и посторонилась. Достав из внутреннего кармана сюртука стетоскоп, доктор приложил его к груди больной, внимательно выслушал ее и выпрямился. Потом вынул часы, простые никелированные часы, свидетельствовавшие о его молодости и бедности, взял в свою грубую руку (он был, очевидно, сыном какого-нибудь фермера) нежную худенькую ручку Магнолии и нащупал ее пульс.

-- Отлично! -- сказал он. -- Великолепно!

Громкое фырканье акушерки сразу лишило юношу его самоуверенности. Он весь съежился. Нежная ручка, доверчиво лежавшая в его ладони, ощутила происшедшую в нем перемену. Глаз Магнолия не открыла, но ее тонкие пальцы подбадривающе пожали его руку. Вздвогнув, юный эскулап посмотрел на нее. На бескровных губах Магнолии Равенель светилась улыбка. Что-то горестное и в то же время бесконечно светлое было в этой улыбке. Она скрадывала широковатые скулы больной, придавала особую прелесть большому рту и делала ее ослепительно красивой. Эта солнечная улыбка выражала одновременно и сочувствие, и предостережение. Женщина, только что перенесшая муки родов, старалась подбодрить человека, неопытность и неловкость которого едва не стоили ей жизни. То, что она нашла в себе силы улыбнуться,шний раз доказывало, что дух способен одерживать победы над плотью. Казалось совершенно невероятным, что она сочла необходимым сделать такое усилие ради незнакомого и к тому же явно неопытного врача. Но такова уж была Магнолия Равенель. Если бы в последующие годы она дарила улыбки кому следует, жизнь ее сложилась бы совсем иначе. Но расчет и благоразумие были чужды Магнолии. И в этом отношении она была похожа на свою любимую Миссисипи.

А Миссисипи словно сорвалась с цепи. Она уничтожала все на своем пути, она, забавляясь, сметала препятствия, воздвигнутые руками людей, погребая в своих водах города, пристани и берега, и неудержимо, весело и бесшабашно мчалась вперед. Она как будто издевалась и над природой, и над жалкими человеческими существами: над Магнолией Равенель, только что пережившей ужасные муки и так близко заглянувшей в лицо смерти, над ее отцом, капитаном Энди Хоуксом, над ее матерью, Партиньей Энн Хоукс, над мужем, Гайлордом Равенелем, над всей трупой "Цветка Хлопка" и в особенности над самим плавучим театром, жалкой скорлупкой, мотавшейся из стороны в сторону и жалобно стонавшей в мощных объятиях яростных волн. В этот день все обитатели "Цветка

Хлопка" чувствовали себя вконец измотанными. Виною этому были необычный разлив Миссисипи и роды Магнолии -- два вот таких явления природы. Впрочем, говоря по правде, главной причиной несчастий этого дня была, как и всегда, просто человеческая глупость.

Имея за плечами тридцатипятилетний стаж командования парусными судами и пакетботами, капитан Энди Хоукс в совершенстве изучил и великую Миссисипи с ее притоками. После того как сгорел старый "Цветок Хлопка", Энди заказал кораблестроительному заводу в Сент-Луисе новый, который предполагалось спустить на воду в феврале. Но произошла задержка. Энди был вне себя. В марте он рассчитывал уже быть со своим новым театром в Новом Орлеане. Все было готово к турне: труппа, оркестр, новые красные куртки музыкантов, новая паровая сирена, пронзительный звук которой был слышен на расстоянии нескольких миль. Капитан Энди предполагал начать регулярные спектакли от селения Тэш. Ему просто не терпелось пуститься в путь. Буксирный пароход "Молли Эйбл" тоже, по-видимому, с нетерпением ждал той минуты, когда ему, наконец, придется толкать "Цветок Хлопка". Если бы завод в Сент-Луисе исполнил заказ своевременно, плавучий театр несся бы уже по реке, с развевающимися флагами, щеголяя пронзительной сиреной, гремя оркестром, останавливаясь в каждом маленьком городишке, начиная от Нового Орлеана и кончая Батон-Ружем. Оттуда капитан Энди рассчитывал направиться в угольный район, на реки Мононгаэллу и Канауа, а потом опять вернуться в Новый Орлеан. Маршрут плавучего театра был составлен с учетом времени сбора урожаев: сперва он объезжал хлебный район, потом хлопковый, потом районы сахарного тростника, потом опять возвращался на север, где к тому времени уже желтела пшеница, поспевали помидоры, яблоки, персики и груши.

На этот раз "Цветок Хлопка" двинулся в путь только в апреле. Зато какой он был нарядный! Он так и сиял, по борту шла надпись высотой в два фута:

"ЦВЕТОК ХЛОПКА"
Плавучий Театр капитана Хоукса

При виде своего нового плавучего театра капитан Энди Хоукс пришел в такой восторг, что совершенно забыл о благоразумии и решил проделать весь тот маршрут, который был намечен в расчете на раннее отплытие. Капитан Энди Хоукс, маленький, подвижный и нервный, постоянно подергивал свои темные бачки, торчавшие, словно щетина, по обеим сторонам его лица, которое оказывалось погребенным под белой полотняной фуражкой с большим козырьком, слишком большой для него и напозавшей даже на уши. Костюм его состоял из белых полотняных брюк и двубортной синей куртки. Красотой Энди Хоукс отнюдь не блистал, но был весьма привлекательным: его большие черные глаза весело поблескивали, движения были ловки и быстры. Говорил он почти скороговоркой. Признаться, он был очень похож на забавную маленькую обезьянку.

Своим "Цветком Хлопка" он любовался, как мало кто из женихов любит невестой. И, яростно теребя бачки, он заявлял:

-- Река не разольется раньше июня!..

Под рекой он разумел красно-бурую тигрицу Миссисипи, которую он знал как свои пять пальцев.

-- На севере в этом году почти не было снега, -- объявил он. -- Ни снега, ни дождей. Да-с! Если мы сейчас же двинемся по направлению к Новому Орлеану, нам удастся обогнать "Сенсацию" Френча. (Френч был главным конкурентом Хоукса.) Вот будет здорово! Ему придется все время наслаждаться видом нашей кормы!

Итак, плавучий театр двинулся в путь в апреле. Тигрица казалась такой смирной и кроткой! Легкая рябь на поверхности реки напоминала игру мускулов под золотистой шкурой. И то, что капитан Энди доверился этому предательскому спокойствию, было первой роковой ошибкой.

Вторая ошибка была несколько иного рода. Все обитатели "Цветка Хлопка" были твердо убеждены в том, что у Магнолии Равенель родится мальчик. Миссис Хоукс и остальные замужние женщины в театре уверяли, что видят много соответствующих признаков. Их вычисления, во время которых пускались в ход пальцы на обеих руках -- август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и так далее, -- неизменно приводили к одному и тому же выводу, а именно, что ребенок родится не раньше самого конца апреля. А к концу апреля плавучий театр уже должен был быть в Новом Орлеане, где Магнолию можно будет поместить в лучшую больницу. В течение двух-трех недель ее должна была заменить одна из актрис "Цветка Хлопка". Окрепнув немного, Магнолия собиралась играть по-прежнему.

С самого начала их плавания начались дожди. Не короткие апрельские дожди, а страшные ливни, размывающие берег и увлекающие за собой громадные глыбы глины, от которой с каждым днем река становилась все желтее. Дни и ночи напролет шел дождь. И дни, и ночи напролет таял на севере снег, образуя ручьи, потоки, реки, которые стремительно неслись по прибрежной местности, неизменно находя дорогу к матери своей Миссисипи, призывно рокочущей вдалеке. И Миссисипи ширилась, росла, вздувалась и становилась с каждым днем все более дикой и грозной.

Жители маленьких городов Иллинойса и Миссури, ничего не видевшие в течение зимы, кроме своих ферм, лавок и школ, изголодавшиеся по развлечениям, с трудом все-таки, но решились на посещения плавучего театра. Весть о прибытии "Цветка Хлопка" распространялась задолго до его остановки в определенном местечке. Когда раздавался пронзительный вой паровой сирены и на реке появлялся, наконец, плавучий театр, подталкиваемый кудхтающим, словно курица, буксирным пароходом "Молли Эйбл", города и селения начинали волноваться. Но этой весной дороги превратились в непроходимые болота. Телеги вязли в жидкой грязи. Повсюду виднелись шесты с надписями "Опасно!". Музыканты "Оркестра из Десяти Парней" (на самом деле их было только шесть) не решались идти в своих новых красных куртках с золотыми галунами и пуговицами по залитым водой улицам, по которым и местные-то жители ходили с трудом.

Уныние царило в плавучем театре. Даже по вечерам, когда в зрительном зале на шестьсот человек (Тысяча мест! Роскошный плавучий театр! Вне конкуренции!) зажигали целых сто ламп, уныние не рассеивалось. Обыкновенно факелы на длинных шестах, которые устанавливались на берегу для удобства публики, горели ярко и торжественно. Теперь они были едва видны. Даже в тех случаях, когда на афишах были "Сент Эльма" и "Ист Линн", пьесы, пользовавшиеся обычно громадным успехом и проходившие с аншлагом, в театре были заняты только самые дешевые места. Жители прибрежных районов, умудренные прошлым горьким опытом и столько раз уже страдавшие от причуд буйного желтого чудовища, покорно ждали неизбежной катастрофы.

Капитан Энди Хоукс беспрестанно теребил свои бачки, изучая небо и то и дело посматривая на бурную воду.

-- Надо спешить в Каир, -- сказал он наконец. -- На всех парах! Не нравится мне что-то эта желтая змея.

Капитан Энди отлично знал, что спешить на всех парах в Каир или в какое бы то ни было другое место невозможно, ибо река полна затонувших деревьев, а течение ее и в тихую погоду ежедневно меняет направление. Как бы то ни было, "Цветок Хлопка" осторожно двинулся к Каиру. Жирардо, Грэй, Коммерс... И вдруг, под вечер, ненадолго выглянуло солнце. У всех радостно забилося сердце. Все стали убеждать друг друга, что полоса дождей позади. В этот вечер должны были играть -- удивительное совпадение -- "Бурю и солнце", одну из наиболее популярных пьес. Как того требовала тогдашняя мода, Магнолия туго затянулась в высокий корсет и надела золотистый парик, полагавшийся ей по роли. По скользкому, размытому дождями глинистому берегу, освещенному факелами, спускались горожане, спешившие в театр, фойе и коридоры которого сразу покрылись следами их грязных башмаков. Публика на этот раз собралась довольно дикая. Заходящее солнце бросало на плавучий театр зловещие красноватые лучи, а с северо-запада надвигались угрожающие тучи. Душный воздух был как будто насыщен электричеством. Во время последнего действия послышалось свистящее завывание северного ветра и маленькие волны с белыми гребешками стали яростно биться о корпус судна. Вдруг в небе промелькнул ослепительный зигзаг молнии, раздался гулкий удар грома, и дождь полил как из ведра; тяжелые капли его, словно дробь, грузно падали в реку. Встревоженная публика бегом помчалась из театра на скользкий крутой берег. Говорят, за одни эти сутки вода поднялась на семь футов. Капитан Энди Хоукс, по-прежнему теребивший свои бачки и по-прежнему надеявшийся добраться до Каира, приказал поднять сходни в тот самый момент, когда последний зритель покинул плавучий театр.

-- Надо спешить в Огайо! -- сказал он звенящим от возбуждения голосом. -- Подъем воды в Цинциннати, Сент-Луисе, Эваксвилле и даже в Падьюке еще не доказывает, что разлилась и Огайо. Знаем мы фокусы этой старой желтой змеи! Но дело становится совсем серьезным, когда Огайо выходит из берегов. А это никогда не бывает раньше июня.

И вот они двинулись вниз по реке, по направлению к Огайо, легко скользя над шестами, которые обычно торчали из воды на шесть футов, и свободно перебираясь через пороги. Гром... молния... дождь. В природе царил хаос. Между тем в плавучем театре шла обычная жизнь и после окончания спектакля все стали готовиться ко сну. Миссис Минс, актриса на характерные роли, разогревала на маленькой спиртовке ложку густого сала, которым собиралась растереть грудь своего больного мужа. Модии Ронджер, актриса на вторые роли, допивала последнюю чашечку кофе. Берт Форбуш, без пиджака, в клетчатых брюках и вышитых ночных туфлях, раскладывал пасьянс. Все это происходило на сцене, освобожденной от декораций и превращенной в импровизированную гостиную. Миссис Хоукс успела уже удалиться в свою красивую новую спальню, находившуюся над галереей, и расчесывала свои редкие волосы, закручивая их на папильотки, -- занятие, от которого она не отказалась бы, вероятно, даже накануне Страшного Суда.

Разлив реки, бури, опасности -- все это были привычные явления для обитателей плавучего театра. Правда, капитан Энди редко отправлялся в путь ночью. После окончания спектакля "Цветок Хлопка" и "Молли Эйбл" большей частью спокойно отдыхали у пристани какого-нибудь маленького городка. К полуночи артисты и команда засыпали под баюкающие звуки ласкового хлюпанья воды о судно.

На этот раз, однако, всем предстояло провести бессонную ночь. Хотя "Молли Эйбл" храбро боролась с быстрым течением, положение было очень опасным. Капитану Энди Хоуксу, штурману Марку Хуперу, экипажу и артистам было не до сна. Все это, впрочем, было в порядке вещей.

Полночь застала красавца Гайлорда Равенеля в ночной рубашке и халате около дверей тещиной комнаты. Он был расстроен и взволнован. Из этой комнаты доносились душераздирающие вопли, похожие на крики умирающего животного. Магнолия Равенель не отличалась терпением и не умела молча переносить страдания. Недаром же у нее был большой артистический темперамент.

Благодаря удачным маневрам опытного Хупера, "Цветку Хлопка" удалось кое-как причалить у хлипкой пристани, недалеко от Каира. Поиски доктора в этой местности оказались безуспешными. Приходилось радоваться тому, что капитан Энди привел толстую и грубоватую акушерку, которая согласилась на опасную переправу с набережной на паром только после того, как ей было обещано крупное вознаграждение. С трудом спускаясь со скользкого берега, она не переставала причитать и продвигалась вперед только благодаря моральной и физической поддержке нервного щупленького Энди, напоминавшего маленький речной буксир, волокащий за собой большой и неуклюжий океанский паром.

Энди Хоукс обезумел от тревоги. Между ним и его дочерью Магнолией Равенель существовала та прочная привязанность, то глубокое понимание, которое обыкновенно бывает между мужем и дочерью неимоверно властного существа, каким была Парти Энн Хоукс.

Через час после капитана, весь промокший и забрызганный грязью, вернулся из опасной экспедиции Гайлорд Равенель в сопровождении молодого, бледного доктора, которому первый раз в жизни суждено было присутствовать при родах. Толстая акушерка, чувствовавшая себя уже как дома в комнате больной, готова была прогнать юного выскочку, авторитет которого казался ей весьма сомнительным.

Роды были очень трудные. А самый критический момент, однако, выглядел даже несколько комично. Перед рассветом, видя, что дело приближается к концу, толстая акушерка обратилась к обливающемуся потом молодому доктору со странным вопросом:

-- Не пора ли ей дать табаку?

Крайне удивленный, но не решившись вместе с тем признать в своем невежестве, доктор прибегнул к дипломатии:

-- Гм... рановато. Подождем.

Прошло десять минут.

-- Честное слово, пора ей дать табаку! -- повторила акушерка.

-- Пожалуй, -- согласился доктор.

Не понимая, что она затевает, и проклиная свою неопытность, он со страхом следил за ее движениями. Прежде чем он успел остановить ее, она, к его великому изумлению и ужасу, сунула в каждую ноздрю изящного носика Магнолии по большой понюшке табаку. И тотчас же, под громкие звуки "апчхи", появилась на свет Божий Ким Равенель.

-- Силы небесные! -- в исступлении воскликнул юный медик. -- Вы убили ее!

-- Идите вы к черту, доктор! -- ответила толстая акушерка.

Она сразу почувствовала голод, усталость и смертельное желание выпить чашку кофе.

-- Гм... Девочка! А. все были так уверены, что будет мальчик. Никогда нельзя знать этого заранее.

Она повернулась к матери Магнолии, тяжеловесная и внушительная фигура которой, словно изваяние, стояла в ногах постели:

-- Ну, миссис Хоукс... Хоукс, не правда ли? Ну, миссис Хоукс, теперь мы приведем больную в порядок. А потом я попрошу у вас чашку кофе и что-нибудь перекусить. Я всегда ем на завтрак что-нибудь мясное.

С тех пор прошло больше часа. Магнолия Равенель все еще лежала неподвижно. Она даже не взглянула на ребенка. Ее мать сочла своим долгом пожаловаться на нее присутствующим:

-- Не пожелала даже притронуться к этому чудному питательному бульону! Выбила ложку у меня из рук! Да, представьте себе! Придется мне, видно, силой заставить ее съесть что-нибудь!

Юный врач возмущенно всплеснул руками:

-- Ну что вы! Как можно!

Он наклонился над бледным лицом больной.

-- Хоть одну ложку! -- ласково прошептал он. -- Один глоточек!

Магнолия не удостоила его улыбкой вторично. Он посмотрел на рассерженную миссис Хоукс, стоявшую с тарелкой в руках, и перевел взгляд на двух других женщин...

-- Может быть, кому-нибудь...

Он знал, что все мужчины, как актеры, так и служащие "Молли Эйбл", находятся на палубе и отталкивают длинными шестами всевозможные предметы, несущиеся по реке. Должно быть, с ними был и Гайлорд Равенель. Ночью он часто заходил в комнату жены. Его молодое красивое лицо (слишком красивое! -- отметил про себя врач) было искажено от ужаса, жалости и угрызений совести. Магнолия не переставала кричать и в присутствии мужа. Но когда он прикоснулся к ее холодным пальцам, положил руку ей на лоб и дрожащим от внутренней боли голосом сказал: "О, Нола, Нола! Я не знал, что это так страшно! Я не знал..." -- она сделала усилие над собой и, призвав на помощь ту мудрость, которая перешла ей по наследству от всех женщин, имевших детей, ответила:

-- Не бойся, Гай... всегда так... все благополучно... не волнуйся... все...

Тут в первый раз юный медик увидел на губах ее ту лучистую улыбку, которая показалась ему потом такой пленительной. Говоря: "Может быть, кому-нибудь...", он думал, что молодому красивому мужу следует бросить на несколько минут свой шест и прийти на помощь больной; риск налететь на какое-нибудь бревно казался ему ничтожным в сравнении с пассивным отношением к усиливающейся слабости Магнолии.

-- Что за вздор вы мелете! -- не слишком вежливо воскликнула миссис Хоукс. За исключением той, которая имела на это право, все были очень резки с бедным малым. -- Если уж родная мать не сможет...

Она взяла в одну руку тарелку с бульоном, в другую ложку и в третий раз подошла к Магнолии. В это время акушерка положила свой сверток на подушку, чуть ли не прямо в руки больной.

-- Ведь вы будете не в силах кормить ребенка, -- сказала она, -- если не будете ничего есть.

Магнолия Равенель ничего не ответила. Этот вопрос, по-видимому, не интересовал ее.

Как раз в эту минуту дверь открылась и в комнату вошли те два человека, которых Магнолия Равенель любила больше всего на свете. Первым появился красивый и бледный Гайлорд Равенель, ухитрившийся казаться изящным, элегантным и веселым в такую минуту, при таких обстоятельствах и в костюме, в котором всякий другой выглядел бы непрезентабельно. За ним мелкими шажками вошел капитан Энди. Вид у него был такой же, как и двадцать четыре часа тому назад. На нем были те же мешковатые брюки, та же синяя куртка, та же фуражка с козырьком, и он все так же нервно подергивал свои бачки. И он, и его супруга, вырядившаяся в одну из его курток, выглядели в достаточной степени воинственно. Миссис Хоукс повторила мужу и зятю жалобы на Магнолию:

-- Не желает бульона! И главное, ей вовсе не так плохо! Она притворяется! Если бы она была действительно так слаба, у нее не хватило бы сил быть настолько упрямой!

Гайлорд Равенель молча взял у нее тарелку и ложку. Поставив тарелку обратно на стол, он указал взглядом капитану Энди на чашку, которую, входя, заметил на умывальнике. Капитан Энди опорожнил эту чашку, тщательно вымыл ее и наполнил горячим бульоном. Потом оба, и отец и муж, подошли к кровати. Движения их были полны неловкой и трогательной нежности. Капитан Энди Хоукс поднес чашку к самым губам Магнолии. Гай Равенель взял в ложку бульона и тихонько, каплю за каплей, влил его в рот больной. При этом он все время говорил что-то, но так тихо, что никто из присутствующих не расслышал ни слова. Шепот его был похож на ласку. За первой ложкой последовала вторая, потом третья, потом четвертая. Наконец он осторожно опустил голову Магнолии на подушку. На мертвенно-бледном, восковом лице появился легкий румянец. Она открыла глаза и посмотрела на мужа. Магнолия боготворила его. Ее измученные глаза лишней раз сказали ему это. Губы ее чуть шевельнулись. Он наклонился ближе. Она шаловливо улыбнулась:

-- Всех подвела!

-- Что она сказала? -- с тревогой в голосе спросила миссис Хоукс, горячо любившая дочь.

Гай повернулся к ней и повторил слова Магнолии.

-- О! -- воскликнула Парти Энн Хоукс, смеясь. -- Она хочет сказать этим, что подвела нас всех, родив девочку вместо мальчика.

Магнолия тихонько покачала головой, снова посмотрела на Равенеля, подняла указательный палец и сделала вид, что прислушивается к чему-то. Следуя ее примеру, Гайлорд поднял руку, как бы прося всех соблюдать тишину, но он так же, как и все, был в недоумении. И в наступившей тишине все ясно слышали рев, вой и шум реки, разлив которой причинил столько бед, задержав плавучий театр и ускорив роды Магнолии. Равенель сразу понял, что она хотела сказать. Первая сознательная мысль Магнолии была не о ребенке, который лежал рядом с нею. Губы ее зашевелились снова. Гай опять склонился над ней. На этот раз она произнесла только одно слово. И слово это было:

-- Река.

Глава вторая

Трудно себе представить детство более бесшабашное и вольное, чем детство Магнолии Равенель, урожденной Хоукс. В восемь лет она уже могла похвастаться тем, что ей случалось тонуть (правда, ее каждый раз вытаскивали) и в самой Миссисипи, и во всех притоках ее от Мексиканского залива до Миннесоты. Делала она почти исключительно то, что обычно детям строго запрещается. Она переплывала бурные потоки, ложилась спать после полуночи, читала романы, валявшиеся в комнатах артистов, лишь изредка посещала школу, ловила рыбу, пила воду прямо из реки, самостоятельно бродила по улицам всяких экзотических городов и, наконец, постигала науку хвастовства и плутней у негров (пристани усеяны черными физиономиями так же густо, как строчка музыкальной партитуры

нотными знаками). Все это Магнолия умудрялась проделывать несмотря на неизменную бдительность, а также чисто стародевические придирки и нравоучения своей матери. Парти Энн Хоукс была, вне сомнения, замужней женщиной, однако это не помешало ей остаться в душе старой девой; она осталась бы ею даже в случае, если бы судьба пожелала сделать ее любимейшей из жен сладострастнейшего турка. И хотя она проплавала много сезонов вместе с плавучим театром своего мужа, всемерно стараясь навести свои порядки повсюду, начиная с рубки и кончая кухней, -- ей суждено было навсегда остаться непричастной к той веселой, беззаботной кочевой жизни, которую вели "плавучие" актеры. Сам факт ее присутствия в театре уже был парадоксом. По глубокому убеждению Парти Энн Хоукс, жизнь заключалась в пестрых ситцевых занавесках на кухонных окнах, выпечке хлеба, обедне по воскресеньям, всенощной по четвергам и сплетен. Представление ее о мужчинах сводилось к тому, что эти двуногие животные вечно пачкают грязными сапожищами только что вымытый пол кухни и курят трубку; последнее она находила крайне непристойным.

В юности Партия была учительницей в Массачусетсе, жила с отцом-рыбаком, в одной руке держала бразды правления домом, а другой управляла школой. Соседи считали ее образцом женских добродетелей. Но молодые парни провожали из церкви не ее, а веселых хохотушек, которые готовили, конечно, неважно, но зато умели так кокетливо опоясать голубым кушачком свою соблазнительную тоненькую талию. Партия Энн приходилось довольствоваться обществом отца.

Заехав как-то в Массачусетс, жизнерадостный щупленький Энди Хоукс попал на вечеринку к одному из своих родственников, тоже рыбаку, и познакомился сначала с отцом Партии, а потом и с ней самой. Он отведал ее воздушные булочки, румяные и хрустящие, нежные студни, острые, пикантные соленья и пышные пироги. Он выстоял немало часов у кухонных дверей, застенчиво, но пылко глядя на нее, в то время как она суетливо сновала от стола к плите и от плиты к кладовой. Желтые щеки ее покрылись легким румянцем от жара плиты, а может быть и оттого, что на нее был устремлен горячий мужской взгляд. Маленькому пылкому Энди чудилось, что она является воплощением всего хорошего, доброго, о чем он мечтал в продолжение своей скитальческой жизни: порядка, женственности, уюта. Партия была на семь лет старше его. Поэтому та сдержанность, с какою женщины типа Партии Энн относятся к мужчинам вообще, в данном случае граничила с откровенным презрением. Но все же старая сводница-природа успела бросить дрожжи в пресное тесто, каким была душа Парти Энн. Энди поведал ей, что его настоящее имя -- Андрэ, ибо по материнской линии он происходит от рыбаков-басков, что его родина в Сен-Жан-де-Люсе, в Нижних Пиренеях. По всей вероятности, так это и было и сказывалось в смуглости его кожи, в яркости карих глаз, в его непосредственности и живости. Когда он впервые поцеловал свою солидную, костлявую англо-саксонскую невесту, его поразила та энергия, с какою она возвратила ему поцелуй.

Поженившись, они поехали в Иллинойс и поселились в маленьком городке Фивы, на берегу Миссисипи. В родном поселке Партины обратили внимание на то, что после их отъезда старик отец ее пустился в истинную вакханалию распущенности, завалил кухню грязной посудой, закоптил все котлы и сковородки, целую неделю спал на неприбранной постели, без устали жевал табак и плевался, где хотел и сколько ему было угодно. Один из его соседей будто бы даже видел, как он, сидя за маленьким органом, трубы которого привыкли воспроизводить только церковные гимны, наигрывал одним пальцем какие-то непристойные песенки. Прожив свободно и счастливо целый год, старый рыбак умер.

Поначалу штурману, а впоследствии владельцу и капитану грузопассажирского парохода, капитану Энди сравнительно редко доводилось испачкать чистые полы и прокоптить табачным дымом оконные занавески. В течение навигационного сезона кокетливый маленький коттедж в Иллинойсе видел его лишь изредка. Парти Энн Хоукс вполне могла вести ту стародевическую жизнь, которая ей была, очевидно, предназначена судьбой. Когда капитан Энди возвращался домой, между ним и женой постоянно происходили стычки. Со временем подвижному веселому маленькому Энди жена стала чужим человеком, а привычка теревить бачки -- попросту проявлением нервозности, жестом, выражающим раздражение и отчаяние.

Через семь лет после свадьбы родилась Магнолия. Манерами, темпераментом и чертами лица девочка была вылитый Энди. Отец и дочь так любили и понимали друг друга, что всей разрушительной силы миссис Хоукс (а сила эта была довольно велика) не хватало на то, чтобы сколько-нибудь испортить их отношения. Со дня рождения Магнолии маленький капитан стал приезжать домой часто, как мог, жертвуя для этих поездок временем, сном, деньгами -- всем, за исключением сохранности и безопасности парохода и находящихся на нем пассажиров.

Прошли годы, прежде чем капитану Энди удалось убедить свою супругу проехать на его пароходе к Новому Орлеану и обратно. Разумеется, цель этих уговоров заключалась в том, чтобы быть рядом с ребенком. Как правило, капитанская жена мало интересуется команду судна, которым командует муж. Но Парти Энн внушила команде настоящий ужас. Экипаж не бунтовал ежедневно лишь потому, что капитан Энди неустанно прибегал к лести, мольбам и угрозам.

Не прошло и получаса с момента вступления Парти Энн на пароход, как она сунула нос на камбуз и заявила коку, что владения его находятся в позорном беспорядке. Кок этот был негр с густыми и курчавыми, как у барана, волосами; его быстрые глаза навывкате всегда сверкали, и он обладал живым темпераментом, вполне соответствующим его званию.

Надо признаться, что, следуя освященной временем традиции, он вступил в должность, будучи несколько навеселе. Он не был пьян настолько, чтобы лезть в драку или отказаться от исполнения своих прямых обязанностей, -- нет, он ограничился тем, что перемежал разговоры о собственном величии долгими паузами, во время которых погружался в зловещее молчание.

Из опыта прошлых лет капитан Энди, зная, что на протяжении всего плавания кок будет совершенно трезв, относился к нему с пониманием и очень дорожил им.

В тот момент, когда Парти Энн появилась на кухне, один из поварят, сидя на опрокинутом ведре, чистил картошку с фантастической быстротой, но совершенно не заботясь об экономии.

Зоркий взгляд Партины незамедлительно остановился на толстых очистках, падавших изящной спиралью из-под ножа поваренка. Она не любила терять золотое время.

-- Вот так так! Много я повидала в жизни! Но такой наглой расточительности мне еще видеть не приходилось!

Негр, стоявший у плиты, повернулся в ее сторону и на минуту застыл в полном недоумении. На камбузах не слишком-то приветливо относятся к посетителям. Кок без всякого энтузиазма смотрел на костлявый указующий перст, грозно направленный на ни в чем не повинную миску с картофельной кожурой.

-- Что вам, мисси?

-- Я тебе не мисси! -- набросилась на него Парти Энн Хоукс. -- А что мне от тебя надо? Да ведь я тебе уже сказала! Такой наглой расточительности я никогда в жизни не видела! Посмотри-ка на эти очистки! Ни один порядочный повар не допустил бы этого!

Негр был так же всемогущ в своих маленьких владениях, как капитан Энди в своих. Вокруг него толпились его помощники, тоже негры, круглоглазые и толстогубые, готовые наброситься на незваную гостью, явно оскорблявшую их повелителя.

-- Вы кто, мисси, пассажирка?

Парти Энн презрительно оглядела кухню:

-- Нет, я не пассажирка! Впрочем, пассажирка я или кто другой, это не имеет значения. Более запущенной и грязной кухни я не видела никогда! Знай, я сочту своим долгом довести это до сведения капитана. Выбрасывать на помойку половину картофеля!..

Из круглых глаз высокого негра посыпались красные искры. Губы его растянулись в дикую и мрачную гримасу, блеснули крупные четырехугольные зубы и даже обнажились синеватые десны. В один прыжок, достойный пантеры, он очутился подле миски с очистками, протянул свою большую черную лапу, схватил миску и швырнул в Парти Энн всю мокрую и липкую шелуху. Спирали из очисток повисли на ее плечах, затылке, платье и голове, сразу сделав ее похожей на Медузу.

-- Покажитесь-ка капитану, мисси!

И он мрачно вернулся к плите. Остальные негры стали еще мрачнее кока. Все они чувствовали нечто зловещее в той яростной поспешности, с какой женщина, украшенная очистками, метнулась по направлению к палубе.

В Мемфисе на пароход был нанят другой кок.

Следует, правда, сказать, что, узнав о том, что его враг не кто иной, как супруга капитана, рассчитанный негр от души пожалел о своей расправе над Парти Энн. Веселый маленький капитан пользовался всеобщей

любовью. И когда старый кок сходил на берег, жалость мелькнула в его блестящих глазах, в последний раз устремленных на капитана. А на лице капитана, тоже следившего взглядом за уходящим, нетрудно было прочесть плохо скрываемое волнение. Ходили даже слухи -- ручаться за их достоверность, конечно, невозможно, -- что кто-то видел, как из маленькой смуглой руки капитана в громадную черную руку наглеца скользнуло нечто маленькое, круглое и золотое.

Миссис Хоукс утвердилась в должности домоуправительницы: ее постоянно можно было видеть снующей по коридорам, кают-компания и кладовой. Она отравляла существование резвым темнокожим уборщицам, устремляясь к ним, словно ястреб, всякий раз, как только они собирались поболтать между собою.

На пассажирок Парти Энн смотрела с подозрением, а на пассажиров -- презрительно. Карточная игра была в то время такой же неотъемлемой частью жизни на пароходе, как еда и питье. Нередко партия в покер, начатая ранним вечером, была еще в полном разгаре, когда первые лучи восходящего солнца начинали чуть золотить реку. То было время длинных усов, широкополых шляп, отложных воротников и бриллиантовых запонок, время, когда Америка еще не совсем утратила свою былую живописность, которая теперь уже давно погребена под пеплом однообразия. Особенно шикарный и воинственный вид был у южан. Даже Партия Энн Хоукс, особа в известном смысле невозмутимая, не могла, должно быть, не испытать некоторого волнения, проходя мимо карточного стола, за которым сидели эти романтические и, по ее понятиям, развратные пассажиры. Согласно ее суровым принципам, волнение такого рода было греховным. Она принадлежала к числу фанатиков, считающих, что природа -- враг, с которым необходимо бороться; вино ее жизни давно уже перебродило, скисло и превратилось в уксус. Если бы было возможно прочесть тайные мысли Парти Энн, то мы обнаружили бы следующее: "Я нахожу этих мужчин красивыми, обаятельными, они волнуют меня, и это отвратительно. Я не должна даже признаваться себе в том, что они производят на меня какое-то впечатление. Вот почему я стараюсь думать и говорить, что они отвратительны, смешны и достойны презрения".

Ее положение осложнялось тем, что те самые мужчины, проявлять презрение к которым она вменила себе в правило, считали долгом относиться к жене своего капитана с истинно рыцарской любезностью. А их дамы были вежливы и сердечны с ней.

Раскланиваясь с Парти Энн, южане особенно эффектно взмахивали перьями широкополых шляп и большею частью заговаривали с ней. В протяжном говоре их было что-то очень нежное.

-- Путешествие на великолепном судне вашего достойного супруга доставляет вам много удовольствия, не правда ли, мэм?

Южноамериканское произношение придавало особенную ласковость этим любезным словам.

-- Путешествие на ве-л-и-и-колепном...

В памяти всплывали яркие шелка, шпаги, красные каблуки и кружевные манжеты.

-- Полагаю, что пароход в исправности, -- отвечала Парти Энн. -- Но разве добрый христианин может смотреть спокойно на ваши ночные кутежи и постоянное швырянье деньгами? Путешествие наше не кончится добром. Всех нас ждет ужасная кара!

По ее тону можно было подумать, что ей и впрямь очень хочется какого-нибудь несчастья. Сладкоречивый южанин откланивался. Через секунду слышался нежный голос:

-- Драная кошка!

К счастью, мрачные предсказания Парти Энн не сбывались. Путешествие было приятным и спокойным. Пароход капитана Энди, уступавший по размерам многим другим, славился отличной кухней, комфортом и обходительностью экипажа. Вкусные обеды и приветливое обращение играли роль бальзама, помогавшего пассажирам сносить присутствие миссис Хоукс. Команда терпела ее ради маленького капитана, которого все любили и который платил жалованье.

Партинья Энн Хоукс рассматривала великую реку -- если вообще удостоивала ее какого-либо внимания -- как некий, к сожалению мокрый, путь, по которому можно с удобствами доехать до Нового Орлеана. Ее воображение не волновала загадочность реки, не трогало ее величие, не смущала ее зловещая мощь. И все-таки, против воли, конечно, и в очень слабой степени, она постепенно стала поддаваться ее очарованию. Эта поездка оказалась лишь первой из длинной череды плаваний. Впоследствии Парти Энн проводила на пароходе семь месяцев из двенадцати и плавала не только по Миссисипи, но и по Огайо, Миссури, Канауа и Биг-Сэнди. Возрастающая приверженность Парти Энн к кочевой жизни и пыл, с которым она старалась ее упорядочить, привели к тому, что многие путешественники стали отдавать предпочтение другим пароходам.

Возможно, что поведение некоторых пассажирок по отношению к маленькому капитану, а также поведение самого капитана по отношению к некоторым пассажиркам сильно подогревали воинственность Партиньи.

До того как Энди Хоукс вошел в ее жизнь, на ней не задержался взгляд ни одного мужчины. Она была типичной старой девой, и тот факт, что она сделала женой и матерью, по всей вероятности, нередко казался ей удивительным и неправдоподобным. Искусство кокетства было ей совершенно недоступно. А вокруг нее -- и капитана Энди -- все время вертелись женщины, обольстительные и коварные. Среди них были жены южных плантаторов, смуглые, томные и кокетливые креолки из Нового Орлеана, дочери и жены богатых купцов, юристов, фабрикантов, пользующиеся случаем проделать веселое путешествие, необходимое их отцам и мужьям из деловых соображений.

Эти женщины не умели молчать ни минуты.

-- О капитан Энди!

И тотчас же:

-- О капитан Энди! Будьте милы, пойдите сюда и объясните нам, почему этот звоночек так раззвонился?

-- Почему эта палуба называется верхней?

-- О капитан Хоукс! Неужели у вас на руке вытатуирована змея? Ну, конечно, змея... Смотри, Эммелина! Эммелина, смотри же! У этого гадкого капитана змея!

У капитана Энди была предательская манера обращения с женщинами: он держал себя с ними очень почтительно, но в то же время позволял себе говорить весьма рискованные вещи.

Тонкий белый пальчик, розовый ноготочек которого отважно скользил по свернувшейся колечком татуированной змее, тотчас же оказывался пленником маленькой, жесткой и смуглой руки капитана.

-- Теперь, -- задумчиво говорил маленький капитан, -- теперь эта татуировка скоро исчезнет бесследно. Да, мэм! У меня не будет больше змеи.

-- Но почему?

-- Я ее вытравлю.

-- Но... но... я не понимаю! Меня ведь так легко озадачить. Я...

Маленький капитан становился умильным:

-- Я буду все время целовать то место, которого коснулся ваш милый пальчик.

-- О-о-о-о!

Далее кокетливый удар пальмовым листом, исполняющим роль веера.

-- Какой вы нахал! Эммелина, ты слышишь, что сказал мне этот гадкий капитан?

Львиной долей той свободы, которой наслаждалась Магнолия, она была обязана тому, что эти прелестные особы доставляли много забот ее матери.

Если чары реки подействовали даже на миссис Хоукс, вполне вероятно, что маленькая Магнолия всецело подпала под ее волшебное обаяние. Со времени первой поездки по Миссисипи девочка просто влюбилась в нее. На протяжении всего долгого путешествия от Сент-Луиса до Нового Орлеана миссис Хоукс раз двадцать в день прогоняла свою дочку с капитанского мостика или вытаскивала из машинного отделения. Не обращая внимания на отчаянное сопротивление девочки, Партинья смывала грязь с ее лица и рук, надевала на девочку чистый передник и усаживала ее в одно из красных плюшевых кресел кают-компаний. Черные волосы Магнолии нисколько не вились. Это обстоятельство очень огорчало миссис Хоукс, она часами возилась с ними, смачивала их, накручивала на свои пальцы и расчесывала частой гребенкой в несбыточной надежде, что ее утенок превратится в лебедя. Строптивой девочке приходилось покорно стоять зажатой в тисках материнских колен. После этого на беспокойные ножки надевались белые чулки и черные туфельки, детская фигурка стягивалась туго накрахмаленным пышным платьищем. Парти Энн строго наказывала дочке вести себя соответственно возрасту и высокому положению в обществе.

-- Ты должна слушать то, что говорят между собой леди и джентльмены, - строго проповедовала миссис Хоукс, -- а не грубую болтовню грязных кочегаров и рулевых. Не понимаю, что, собственно, думает твой отец, допуская это!.. Или почитай!.. Где твоя книжка?.. Та книжка, которую я купила именно для того, чтобы ты читала ее во время этой поездки! Ручаюсь, что ты ни разу даже не раскрыла ее... Принеси ее сюда! Да не вздумай застрять где-нибудь по дороге!

Через некоторое время девочка возвращалась с книгой в руках. Но это была не материнская нравоучительная книжка, вызывавшая у девочки кошмары, а роман из жизни речных разбойников вроде Мюреля, злую волю которого немедленно приводила в исполнение банда из десяти тысяч головорезов, по сравнению с которыми Джеймс Джемс был настоящим филантропом. Подобными книгами ее снабжали матросы. Она обожала эти кровавые истории и глотала книжки с жадностью, которую обнаруживала, впрочем, ко всему, что имело хоть какое-нибудь отношение к реке. Стоило такому роману попасть на глаза ее бдительной матери, как та немедленно выбрасывала книгу за борт.

Магнолия ненавидела красную плюшевую раззолоченную кают-компанию. Она ей нравилась только вечером, когда зажигались подсвечники и керосиновые лампы на стенах, -- в эти часы девочке чудились в ней какой-то блеск, какая-то роскошь. Пассажирки, сменившие свои скромные дневные платья на вечерние туалеты, приходили туда почитать, поболтать или заняться рукоделием. При их появлении мужчины начинали с ожесточением крутить усы, стараясь при этом сделать так, чтобы бриллиантовое кольцо на среднем пальце блестело как можно ослепительнее. Все это доставляло Магнолии удовольствие.

Порою одна из пассажирок пела что-нибудь под аккомпанемент рояля, звучавшего так, как будто в его струнах навсегда поселилась речная сырость. Южанки выбирали преимущественно звучные сентиментальные баллады. Женщины с запада предпочитали разливаться в своих песнях на более серьезные темы. Одну из таких песен Магнолия яростно ненавидела, хотя и не смогла бы объяснить почему. Она называлась: "Учись, дитя, учись быть бережливой".

В Линкольне детство золотое

Я провела среди полей;

В душе навек запечатлелись

Заветы матери моей.

Когда случалось мне, играя,

В ее объятьях засыпать,

Одно и то же мне твердила

Моя заботливая мать:

Хор.

Учись, дитя, учись быть бережливой,

Чтоб стать впоследствии хозяйкою счастливой.

От этого припева девочку сводили судороги.

С наступлением вечера убежать на палубу или в рубку становилось невозможным. Поэтому Магнолия старалась использовать все преимущества кают-компаний. Это ведь все-таки было много лучше, чем идти спать. И так в течение всей этой беспорядочной жизни Магнолия шла спать только тогда, когда ей больше ничего не оставалось делать. По, даже оказавшись в своей маленькой каютке, она ложилась не сразу, а начинала вертеться перед кривым зеркалом, передразнивая разряженных дам, которых она только что видела в кают-компаниях. Ударяя по воображаемому мужскому плечу воображаемым веером, она, оживленно гримасничая, щебетала: "Милый, да!", "Милый, нет!". При этом она проводила смоченным слюной пальчиком по своим прямым черным волосам, приглаживая несуществующие завитушки.

Днем отцу и дочери частенько удавалось обманывать зоркую бдительность Парти Энн. Держась ручонкой за маленького капитана, Магнолия бродила по всему пароходу от носа до кормы, от машинного отделения до рубки. Так отрадно было залезть в машинное отделение и слушать, как вымазанный в саже машинист ругает рулевого: проклятый меднолобый питтсбуржец! -- за то, что тот дает иногда гораздо больше звонков, чем полагается.

Но больше всего Магнолия любила светлую, веселую застекленную рубку, которая возвышалась над всеми остальными частями парохода и на которую надо было карабкаться по узкой лесенке. Оттуда хорошо были видны быстрые воды причудливой реки.

Невозможно было угадать, как будут выглядеть места, по которым будет проплывать пароход. По крайней мере, Магнолия никогда не угадывала. В этом было какое-то особое очарование. Река все время изгибалась и кружила. И за каждым поворотом ее скрывалось что-то таинственное.

Но для ее отца не существовало ничего таинственного. Он знал все. И мистер Пеппер, штурман, тоже знал. Трудно было даже поверить, чтобы в человеческом мозгу умещалось столько сведений. Магнолия очень любила экзаменовать капитана и штурмана.

-- Что будет сейчас?

-- Дровяной склад Киннея.

-- А дальше?

-- Поворот Илера.

-- А на повороте?

-- Плантация Петри.

-- А за поворотом?

-- Старое дерево, расщепленное молнией.

-- А потом?

-- Мыс Хиггенса и пень, торчащий из воды.

Все их предсказания сбывались. Это было волшебно. Это было невероятно. Они знали также глубину реки. Они могли показать на какое-нибудь место и сказать:

-- Прежде тут был остров Бокля.

-- Да ведь здесь вода! Как же здесь мог быть остров? Мы уже проехали это место.

-- Тут был остров, -- хладнокровно повторял мистер Пеппер.

И иногда пояснял:

-- Два года тому назад я обогнул его вон там.

-- Но ведь там земля! Вы смеетесь надо мной, мистер Пеппер! Как вы могли провести пароход по земле? Я же отлично вижу, что там, куда вы показываете, -- земля! На ней даже растут деревья!

-- Два года тому назад тут была вода. Одиннадцать футов.

Разумеется, Магнолия с самого раннего детства подпала под обаяние змееподобного чудовища, одного взмаха хвоста которого было достаточно, чтобы стереть с лица земли целый остров и которое могло одним движением своего громадного тела соорудить сушу там, где прежде была вода.

Мистер Пеппер с величайшим почтением относился к своей реке.

-- Нда... Миссисипи, да еще Нил, там, в Египте, это сущие старые ведьмы. Правда, Нила я не видел. Да и незачем. Человеку совершенно достаточно иметь дело с одной такой рекой. Это все равно что брак. Ведь изучив хорошенько одну бабу, знаешь и всех остальных.

Мистер Пеппер вовсе не был тем старым морским волком с седой бородой, каким обыкновенно изображают штурманов романисты. Это был красивый молодой человек двадцати четырех лет, хладнокровный, молчаливый и легкомысленный. В его светло-карих глазах, особенно в те минуты, когда он, не мигая, смотрел на воду, прыгали крошечные золотые искорки, казалось, дух реки овладел им и сделался частью его самого. Родись он на пятьдесят лет позже, из него вышел бы прекрасный авиатор.

Иногда, в удобных местах, мистер Пеппер разрешал Магнолии держать в руках и даже поворачивать рулевое колесо, которое было вдвое больше ее самой. Конечно, в таких случаях он всегда стоял рядом с нею.

Девочка училась различать звонки. У "Хода вперед" было, несомненно, сопрано. Мистер Пеппер называл его "Звоночком".

-- Когда я даю кочегару "Звоночек", -- объяснял он, -- он знает, что надо накормить машину досыта.

Привычная к речному жаргону, Магнолия понимала его с полуслова и радостно кивала ему только что завитой головкой.

-- Я называю его "Сопрано". У "Стопа" -- что-то вроде альты. У "Хода назад" бас. Вы называйте его "Бум-бумом".

Какой чудесный чичероне этот мистер Пеппер! Какое восхитительное место эта рубка! Магнолии нравился изумительный порядок, царивший в ней, хотя сама она и была весьма несобраным маленьким созданием. На фоне мрачной реки и прибрежных лесов стеклянная рубка казалась особенно уютной. Пол был устлан линолеумом. В ящике маленького стола лежал револьвер мистера Пеппера, зловещий и блестящий. Рядом с ним покоилось "Руководство для штурманов". Магнолия долго любовалась заглавием, вытисненным на переплете кирпично-красного цвета:

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ШТУРМАНОВ ПО РЕКАМ, ВПАДАЮЩИМ В МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ, ИХ ПРИТОКАМ И КРАСНОЙ РЕКЕ СЕВЕРА

"Красная река севера"! В этих словах было что-то завораживающее. Мурашки восторга пробежали по спине Магнолии.

Посетители редко допускались в рубку. Пассажиры могли только с любопытством поглядывать на нее через стеклянную стенку. Путь туда был прегражден надписью: "Вход посторонним воспрещается". Находясь в рубке, Магнолия чувствовала свое превосходство и с некоторым презрением смотрела с высоты своего величия вниз. Во время средней вахты появлялся черный слуга-техасец в белоснежном накрахмаленном фартуке, неся для мистера Пеппера поднос с кофе, пирожными и мороженым. Штурман всегда угощал Магнолию, и, чтобы продлить удовольствие, она ела мороженое крошечными кусочками и облизывала ложку кончиком языка, с наслаждением глотая сладкий холодок, приятно щекочущий горло.

-- Съешьте еще пирожное, мисс Магнолия, -- упрасивал ее мистер Пеппер. -- Я посоветовал бы вам вот это -- розовое.

-- Я боюсь, что мама...

Мистер Пеппер (ко всеобщему удивлению, он был отцом двух близнецов) уверял Магнолию, что мама ничего не имела бы против и даже, вероятно, сама стала бы уговаривать ее. Магнолия не долго заставляла себя просить и быстро принималась за пирожное. Сознание собственной самостоятельности наполняло ее радостью. Она чувствовала себя такой же свободной, как река, по которой скользила "Прекрасная Креолка".

Магнолии бывало всегда очень грустно, когда нужно было уходить из рубки. Ей все время мерещилась за углом злобная фигура матери. В любой момент этот призрак мог превратиться в действительность. Непрерывное сознание возможной опасности сделало для Магнолии ее первую поездку по Миссисипи необыкновенно романтической.

Глава третья

Парти Энн Хоукс, вне сомнения, являла собою грозную силу. Однако предположение о том, что дела капитана Энди пошатнулись исключительно благодаря неустанному воздействию этой силы, не выдерживает критики. Большую роль сыграло в этом другое чудовище -- железная дорога, с ее гремящими колесами и бесконечной сетью рельсов. Приговор над речным пароходством был произнесен. Джентльмены в сюртуках покроя принца Альберта и леди в платьях из альпаки выбирали более скорый, хоть и менее романтический, способ передвижения из Натшеза в Мемфис и из Каира в Висконсин. Дельцы Миннесоты, Иллинойса и Айовы отдавали явное предпочтение новому и менее рискованному способу доставки к месту назначения своих товаров. Фермеры начали

перевозить продукты в товарных вагонах. Речное пароходство скоро превратилось в анахронизм.

Капитан Энди был душою связан с рекой. В ней заключалась вся его жизнь. Он не знал иного окружения, иного пейзажа, иного рода деятельности. Все большие и маленькие реки Севера, Среднего Запада и Юга, с их резкими, но все же музыкальными индейскими названиями -- Каскаския, Каокия, Ятсо, Мононгаэлла, Канауа -- были для него старинными друзьями. Он изучил течения и глубины каждой, знал все пристани, побережья и опасные места. Капитан Энди, казалось, не брал в расчет существование коттеджа в Фивах и своим домом называл пароход. Он полагал, что города и поселки, расположенные по берегам рек, существуют исключительно для того, чтобы снабжать пароходы пассажирами и грузом. Он знал каждую доску на каждой пристани между Сент-Полем и Батон-Ружем.

Но лучше всего он знал все-таки Миссисипи. Ее он любил, боялся и почитал. Поклонники и возлюбленные один за другим покидали ее ради горластой змеящейся железнобрюхой выскочки. Энди был в числе немногих, сохранивших верность реке.

Изменить ей и начать приискивать какое-нибудь сухопутное занятие казалось ему совершенно невыносимым. На реке он занимал видное положение. На суше ему пришлось бы сделаться чем-то вроде некоего маятника, размах которого неизбежно был бы ограничен с одной стороны домашним очагом, а с другой -- какой-нибудь грязной работой в городе. Энди было ясно, что капитан и владелец "Прекрасной Креолки" -- ее полновластный господин, скоро превратился бы просто в супруга Парти Энн Хоукс, госпожи кружевных занавесок, жрицы салонных ковров и блюстительницы кухонного пола.

Он пораскинул умом и, когда в голове его созрел коварный план, осторожно приступил к его выполнению -- сила сопротивления Парти Энн была ему достаточно известна.

-- Тут пишут, что старик Олли Пигрем собирается продать свой плавучий театр.

Капитан Энди сидел на кухне, с трубкой в зубах, и был, казалось, всецело погружен в чтение местной газеты.

-- Он называется "Цветок Хлопка".

Парти Энн никогда не притворялась заинтересованной тем, что ее не интересовало. К тому же плита и чулан, в котором хранилась провизия, полностью поглотили ее внимание, поэтому слова мужа едва дошли до ее сознания.

-- Что же из этого?

Капитан Энди громко зашелестел газетой, медленно перевернул страницу и лениво покачал головой. Все манипуляции его были рассчитаны на то, чтобы придать разговору характер случайного.

-- Олли нажил целое состояние на плавучем театре. Во всех городах с нетерпением ждут его представлений. Нда... тот, кто купит "Цветок Хлопка", не останется в дураках.

-- Мало ли на свете мошенников!

Высказав свое резкое суждение, Партинья решила, что разговор должен прекратиться сам собой.

-- Нечего сказать, мошенники! Владельцы плавучих театров -- самые уважаемые люди на реке. Посмотри на Пигрема, Финигена, Хозе Уотса!

Заявив, что этих "уважаемых" людей она не подпустит к себе и на десять шагов, и назвав их еще раз мошенниками, миссис Хоукс сочла разговор на эту тему исчерпанным.

Дня через два Энди так же ненавязчиво и небрежно возобновил разговор. Но на этот раз ему не удалось провести Партинью. Проницательная особа угадала, что все мысли капитана сосредоточены на плавучем театре.

Дело происходило за ужином. Энди начал с восхваления домашней кухни. Она была действительно хороша. Все подавалось вовремя и было отлично приготовлено. Партинья не утратила свой кулинарный талант. Но по большей части капитан Энди ел рассеянno и не воздавал должного ее стряпне. Возможно, что ему не хватало той атмосферы праздничности, оживления, болтовни, благодаря которой он с таким удовольствием обедал и ужинал в столовой "Прекрасной Креолки". В его жилах текла кровь латинской расы, а по складу души он, сам того не осознавая, был артист. Он не мог думать о себе иначе как о капитане, неотъемлемой принадлежностью которого была синяя куртка с золотым галуном и пуговицами; ему нравилось восседать во главе длинного стола, внимая прелестным особам в платьях с басками, которые постоянно спрашивали его: "Что вы думаете об этом, капитан Хоукс?", и джентльменам в сюртуках покроя принца Альберта, которые почтительно обращались к нему с вопросом: "Каково ваше мнение на этот счет, сэр?", в то время как подбострастные негры в белых накрахмаленных куртках бегали взад и вперед с дымящимися блюдами.

Партинья не признавала болтовни за обедом. И все-таки Энди все время переговаривался с Магнолией. Как это ни странно, они совершенно не ощущали разницы в возрасте. Отец не задавал вопросов вроде: "что ты делала сегодня в школе?" или "Была ли ты сегодня пай-девочкой?". Энди и Магнолия весело болтали между собой, как два проказника, постоянно навлекая на себя неудовольствие Партиньи. В промежутке между двумя блюдами капитан Энди любил выскочить из-за стола и усесться в свое кресло. Может быть, он приобрел эту привычку из-за того, что на пароходе его то и дело отрывали от обеда. Дома же это вызывало бурю негодования. Вообще, участие миссис Хоукс в разговоре сводилось приблизительно к следующему:

-- Ради Бога, успокойся, Хоукс! Нет еще и пяти минут, как мы сели ужинать, а ты уже третий раз вскакиваешь из-за стола... Ешь картофель, Магнолия! Иначе не получишь пирожного!.. Что за глупости ты вздумал рассказывать ребенку, Энди Хоукс?.. Неужели ты умеешь говорить только об этих ничтожных и вечно пьяных головорезах-моряхах?.. Пей молоко, Маджи!.. Да угомонись же ты, наконец, Хоукс!.. Пожалуйста, не срезай

жир, Магнолия! Ты ведь такая худышка, что мне прямо стыдно за тебя! И так уж соседи поговаривают, что тебя держат впроголодь!

Эти замечания, словно жужжание целой стаи комаров, служили своеобразным аккомпанементом к разговору отца и дочери.

В описываемый вечер Энди был всецело поглощен пожаром на "Сенсации", о котором рассказал ему штурман погибшего парохода. Яркие карие глаза капитана лихорадочно горели. Он то и дело вскакивал из-за стола, чтобы дополнить свой рассказ жестами. С неотступным вниманием следила за каждым его движением и словом Магнолия. Ей еще не доводилось присутствовать на представлениях плавучего театра. Если какой-либо из этих веселых путешественников, гремя оркестром, с развевающимися флагами, с пыхтящим впереди буксиром, появлялся на реке и останавливался на два-три дня или порою на целую неделю в Фивах, Магнолии запрещалось даже подходить к нему. Другие дети целыми днями вертелись у плавучего театра, очарованные его магией, замирая при виде разгуливающих по улицам музыкантов в красных костюмах, а по вечерам смотрели спектакль и даже оставались на концерт, за который полагалось платить добавочные пятнадцать центов.

Магнолии страстно хотелось хоть одним глазом заглянуть в этот запретный мир. Из окон их белого домика открывался вид на реку и мыс Жирардо. Ночью она видела окна пароходов -- мерцающие желтые огоньки -- и факелы на берегу, освещавшие путь счастливым, до нее доносились громкие звуки оркестра. В детстве ей часто случалось выстаивать у окна своей комнаты целые ночи. Весною плавучие театры спускались вниз по реке: осенью возвращались обратно. Щеки девочки пылали, несмотря на то что голые ножки были холодны как лед. Она напрягала слух, чтобы уловить веселые мелодии, и зрение -- чтобы рассмотреть лица, мелькавшие в волшебном свете факелов. Большей частью она не слышала грузных шагов и вовсе не думала об опасности, до тех пор пока грозный окрик: "Сию же минуту в постель, Магнолия Хоукс!" не долетал до ее очарованного слуха. Иногда она встречала актеров плавучего театра на Главной и Третьей улицах -- они делали покупки или просто лениво прогуливались взад и вперед. В городе к ним относились с легким презрением и называли комедиантами.

Их легко можно было узнать по одежде, мимике, даже по походке. Далеко не все женщины блистали молодостью и красотой. Магнолия обратила внимание на то, что многие из них были даже старше ее матери (Партинье стукнуло тогда тридцать девять лет.) И все-таки, несмотря на морщины, они казались красивыми и даже молодыми. Они выглядели всегда беззаботными и веселыми.

Однажды трое актеров -- две женщины и один мужчина -- прошли мимо дома Хоуксов. Они уплетали фрукты из бумажного мешочка, сплевывали косточки и все время смеялись. Одна из женщин была молода и очень красива. Магнолия подумала, что такого изящного туалета она не видела еще никогда. На ней была синяя юбка с фижмами, обшитая сутажем, а ее

синяя шляпка была украшена кружевом с блестками и очаровательными нежными розами.

Вторая актриса была много старше. Лицо ее, изборожденное глубокими морщинами, свидетельствовало о том, что ей пришлось многое пережить. Магнолия, конечно, еще не могла понять это. У актрисы были глубоко запавшие, темные, потухшие глаза. Одета она была небрежно; трен ее черного платья придавал ей какой-то экзотический и таинственный вид. Их спутник был молод, высок и довольно красив, но не слишком-то элегантен. Небрежность его костюма подчеркивалась отсутствием галстука.

Повиснув на калитке, Магнолия внимательно смотрела на проходящих. Старшая актриса перехватила ее взгляд и улыбнулась. Магнолия тотчас же решила, что она нравится ей больше, чем другая, молодая и красивая. И, серьезно посмотрев на нее, девочка улыбнулась ей в ответ сияющей улыбкой.

-- Взгляните на эту девочку, -- сказала старшая актриса. -- Она вдруг стала красавицей!

Молодая актриса и актер лениво посмотрели на Магнолию. Улыбка на детских губах тотчас же погасла. И они увидели тоненькую девочку с большими глазами, с резко очерченным подбородком, с довольно большим лбом: ее черные волосы никак нельзя было заподозрить в том, что они выются от природы.

-- Вы бредите, Джули, -- холодно заметила красивая девушка, отворачиваясь.

Но между старшей актрисой и Магнолией словно зажглась искра симпатии.

-- Здравствуй, девочка!

Магнолия пристально смотрела в глубокие глаза.

-- Ты не хочешь поздороваться со мной? -- спросила актриса. На лице ее снова появилась улыбка.

Магнолия тоже улыбнулась.

-- Смотрите же! -- торжествующе воскликнула Джули. -- Я говорила вам!

-- Девчонка, видно, язык проглотила, -- заметил актер.

-- Да идемте же, -- сказала молодая актриса, набивая рот вишнями.

Но старшая продолжала стоять у калитки.

-- Когда ты вырастешь большая, -- серьезно сказала она, обращаясь к Магнолии, -- не улыбайся слишком часто. Но всякий раз, как ты будешь сильно желать чего-нибудь, или кто-нибудь будет нравиться тебе, или ты захочешь понравиться кому-нибудь, -- улыбайся непременно. Впрочем, ты поймешь все это и сама... Но почему же ты не здороваешься со мной? А?

Магнолия растаяла.

-- Не могу! -- объяснила она.

-- Не можешь? Почему?

-- Потому что вы комедиантка из плавучего театра. Мама запрещает мне разговаривать с комедиантками.

-- Вот чертенок! -- заметила молодая актриса, выплевывая косточку. Актер засмеялся.

Неуловимым движением старшая актриса сорвала с головы шляпу, сунула ее в руки своего спутника, свернула густые волосы в тугий узел, поджала рот так, что губы ее превратились в две узенькие полоски, прижала локти к бокам, чопорно сложила руки и подняла плечи.

-- Твоя мама выглядит так? -- спросила она.

-- Откуда вы знаете? -- воскликнула Магнолия. Она была ошеломлена. Все трое артистов громко расхохотались.

И тотчас же в дверях появилась Парти: ощетинившись, она приготовилась защищать свое дитя:

-- Сию же минуту домой, Маджи Хоукс!

Продолжая смеяться, артисты медленно пошли дальше.

И вот об этих-то удивительных людях, общение с которыми было строго-настрого запрещено Магнолии, капитан Хоукс рассказывал теперь:

-- Они давали представление в Китайской Роще. После спектакля был концерт, на котором выступала Ла Берн. Когда она заканчивала свой номер, начался пожар. Через несколько минут пламя охватило бедняжку. Ничего нельзя было поделать!

Менее привычному слушателю трудно было разобрать, когда капитан Хоукс говорил о женщине, а когда о пароходе:

-- Бедняжке было тридцать лет. Ужасно сгореть так, словно листок бумаги! Харт Гарри побежал было в машинное отделение, но пламя преградило ему дорогу. Пытаясь влезть на грот-мачту, он сломал ногу. Буксир удалось спасти. Но "Сенсация" сгорела дотла. Гарри перенесли на буксир и послали за доктором. Угадай-ка, что было дальше?

-- Что? -- крикнула Магнолия. Она крикнула вовсе не из-за того, что ее взволновала эта трагедия, а просто потому, что ей не терпелось услышать продолжение.

Капитан Энди встал из-за стола, размахивая вилкой:

-- Увидев весьма странные туалеты спасшихся от пожара, доктор заявил, что приступит к осмотру сломанной ноги Харта только в том случае, если ему заплатят двадцать пять долларов вперед. "Ничего вы не получите! -- сказал Харт Гарри, хватаясь за ружье. -- Если высию же минуту не займетесь моей ногой, я прострелю вашу ногу, да так, что вам больше никогда не придется совершать прогулок... Сукин сын вы этакий!"

-- Капитан Энди Хоукс!

С помощью вилки, заменившей ему ружье, капитан Энди Хоукс успел изобразить только что описанную им сцену. И отец, и дочь с испугом посмотрели на миссис Хоукс. Но их страх был вызван вовсе не ее гневом - они опасались, что Парти не даст закончить рассказ.

-- Дальше! -- крикнула Магнолия, вертясь на стуле. -- Дальше!

Но повествовательный пыл капитана уже погас. Энди снова уселся за стол и стал рассеянно доедать свинину с картошкой. Может быть, он был несколько смущен тем выражением, которое он позволил себе употребить в своем рассказе.

-- Не знаю, как это у меня вырвалось, -- пробормотал он.

-- Я тоже не знаю! -- язвительно заметила Парти. -- Впрочем, можно ли ожидать лучших выражений от человека, который вечно якшается со всяким театральным сбродом!

Магнолия во что бы то ни стало желала узнать, чем кончилось дело.

-- Ну, что же дальше? Прострелил он ему ногу? Или только прицелился? Или что?

-- Доктор сделал все, что от него требовалось. Ему заплатили требуемые двадцать пять долларов и предложили убираться к... ну, словом, предложили ему убираться с парохода, что он и не замедлил сделать. Пассажиры попали в очень затруднительное положение: спасенным пароходом необходимо было управлять, а штурман-то выбыл из строя! Пришлось вытащить его на верхнюю палубу. Дождь лил как из ведра, поэтому над ним устроили брезентовый навес, и, представь себе, какой молодец этот Харт! С помощью двух рулевых он довел пароход до Батон-Ружа, то есть проделал целых семьдесят пять миль! Это с больной-то ногой! Да-с!

Магнолия облегченно вздохнула.

-- Кто это, интересно знать, рассказал тебе всю эту галиматью? -- спросила миссис Хоукс.

-- Сам хвастун Гарри. Ну да... Ведь его иначе не называют как Харт Гарри-Хвастун. (При этих словах раздраженная Партия начала барабанить по столу.) Я встретил его сегодня. Последнее время он служил на "Сенсации". А прежде был штурманом на "Цветке Хлопка". Он ушел оттуда только тогда, когда старик Пигрем решил сбить с рук эту посудину. Знаешь, он уверял меня, что в плавучем театре бывает не менее пятисот зрителей, а по воскресным дням, в городах с густо заселенными окрестностями, даже по восьмьсот. Подсчитав, я понял, что предприятие это крайне выгодное.

Тут капитан Энди стал высказывать целый ряд самых радужных предположений относительно возможных доходов.

Однако Парти Энн вовсе не была глупа. К тому же она сразу почувствовала, что в данном случае ей придется отстаивать свое мнение с еще большей твердостью, чем она это делала обычно.

-- Я, может быть, многого не понимаю... (Это было одно из ее любимых выражений. Правда, тон, которым произносилась эта фраза, резко противоречил ее смыслу: он ясно показывал, что она понимает не только многое, но решительно все...) Я, может быть, многого не понимаю. Но уж одно-то я знаю наверняка! У вас, сударь, есть дела поважнее этого вечного шатания по пристани! Можно подумать, что вы какая-то жалкая водяная крыса! Скажите на милость, зачем вам понадобилось болтать с этим негодным хвастуном Гарри? Ручаюсь, что свое прозвище он заслужил! И по всей вероятности, это единственное, что ему удалось заслужить в жизни, по крайней мере, честным путем! Как вам не стыдно! Говорить при ребенке о плавучем театре! Да еще в таких выражениях!

-- А что же плохого в плавучих театрах?

-- Все! Плавающие театры -- это сборище бездельников и мерзавцев. Да, все они таковы, и мужчины и женщины! Подонки! Сволочи!

Как видит читатель, Парти при случае тоже умела вставить крепкое словечко.

Капитан Энди ухватился за свои бачки и стал нервно, по-обезьяньи теревить их.

-- В таком случае ваш собственный муж тоже сволочь, сударыня! Мне ведь случалось работать в плавающем театре.

-- В качестве штурмана!

-- К черту штурмана!

Энди встал.

-- Не штурманом, а актером я был, миссис Хоукс. К тому же хорошим актером! Мне было тогда лет восемнадцать. Жаль, что вы не видели меня! Водевиль, в котором я был занят, назывался "Красный кофе". Я исполнял в нем роль негра. Да еще играл на барабане, который был больше меня самого!

Магнолия пришла в восторг. Она вскочила со стула и стала вертеться около отца.

-- Это правда? Ты был актером? Ты никогда не говорил мне об этом! Мама, а ты это знала? Ты знала, что папа был актером в плавающем театре?

Парти Энн гневно выпрямилась. Она вообще была выше мужа, а в эту минуту, казалось, стала еще больше. Но у маленького капитана был крайне задиристый вид, и он смотрел на жену, как породистый фокстерьер на большую дворняжку.

-- Что вы там мелете, Энди Хоукс? Вероятно, вы меня дразните и стараетесь рассердить в присутствии ребенка, удивляюсь вам. Хотя, признаться, не думала, что вы сможете меня чем-либо удивить!

-- Все, что я сказал, -- правда. Театр назывался: "Солнечный юг". Владельцем и капитаном его был Джек Бофингер. То были золотые денечки и...

-- Ни слова больше, капитан Хоукс! Позвольте мне сказать вам одно: хорошо, что вы все это скрывали от меня! Иначе бы я ни за что не вышла за вас замуж! Подумать только!.. Актер плавающего театра!

-- И еще как вышла бы, Парти!

Укоры. Упреки. Перебранка.

-- Я буду очень благодарна вам, если вы не будете говорить при ребенке о плавающих театрах! Я не желаю, чтобы вся эта грязь коснулась девочки! Пойди в сад и поиграй там, Магнолия... Это последний разговор о плавающем театре в нашем доме!

Энди перевел дыхание, вцепился обеими руками в свои бакенбарды и бросился с головой в воду:

-- Нет, Парти, далеко не последний. Я купил у Пигрема "Цветок Хлопка".

Глава четвертая

Супруги Хоукс часто ссорились. Но эта ссора была серьезнее всех остальных. В Партинье пробуждалась пуританка. Как, Энди собирается опозорить ее перед целым светом? Хочет испортить жизнь ее ребенку? Нет, это ему не удастся. Она уедет на родину, в Новую Англию. Он никогда больше не увидит Магнолию. Энди стал объяснять ей, что ему придется теперь проводить много времени вне дома. Вот если бы Парти и девочка пожелали жить с ним в его плавающем театре... хоть летом... приятное путешествие... новые места... новые впечатления...

Тут разразилась целая буря, но Энди решил твердо отстаивать свою позицию. И в конце концов он победил.

Всем, что было в жизни Партиньи красочного, запоминающегося, романтического, она была обязана мужу. Не будь его, она все еще месила бы грязь на той дороге, по которой ей приходилось ходить в неудобную маленькую школу у себя на родине. Не будь его, она осталась бы старой девой и все еще жила бы со своим старым отцом в том грязном городишке, где Энди разыскал ее. А с мужем ей удалось полюбоваться увитыми виноградом склонами Луизианы, изъездить все большие реки Каролины, Теннесси, Миссисипи, туманные берега которых серебрились плакучими ивами; услышать грустные и протяжные песни негров, вышивавших на порог своих хижин, когда пароход проезжал мимо них; узнать вкус экзотических плодов, увидеть много странных и необыкновенных людей, которые то появлялись на пароходе, то исчезали, словно тени в каком-то волшебном сие. Правда, она всегда противилась и каждому яркому впечатлению, и обаянию каждого нового человека.

После ошеломляющего признания Энди Партинья целых три дня грозила бросить его, но, принимая во внимание, что все это происходило еще в те годы, когда узы, связующие мужа и жену, считались священными и что сама Партинья была пуританкой, это была совершенно пустая угроза. В течение последующих трех дней миссис Хоукс делала вид, что муж для нее не существует, и переговаривалась с ним исключительно через третье лицо, которым, в силу необходимости, всегда являлась Магнолия.

-- "Скажи твоему отцу то-то и то-то". -- Это в его присутствии! -- "Спроси у отца то-то и то-то"!

Магнолия уже привыкла не удивляться подобным поручениям, она забавлялась ссорой родителей, как игрой. Но в конце концов эта игра стала удручать ее. Несмотря на свой юный возраст, она заметила, как осунулось лицо отца. И однажды она, топнув ногой, заявила:

-- Я больше ничего не намерена передавать папе! Сначала я думала, что это только шутки. А теперь понимаю, в чем дело! И нахожу, что это очень глупо! Ведь вы взрослые! Вам сто лет!

Энди пропадал по целым дням и часто возвращался домой поздно ночью. На "Цветке Хлопка" шел ремонт. Энди все время сновал между пристанью и городом. У него была масса дел: необходимо было следить за ремонтом, закупить продукты, набрать экипаж, пригласить труппу. Он все время что-то высчитывал. Карман его и фуражка вздулись от листков бумаги, на которых он вел свои расчеты.

Прошла целая неделя, прежде чем Парти Энн стала проявлять некоторый интерес к делам своего супруга. Главным образом ее интересовали детали. Сколько же заплатил Энди за это старое корыто? (Так она называла "Цветок Хлопка".) На какое количество публики рассчитан театр? Сколько приглашено актеров? Какой намечен маршрут? Один повар будет или два? Все эти вопросы были обильно сдобрены сердитым ворчанием по поводу расточительности Энди, предсказаниями, что на старости лет они останутся без куска хлеба, и намеками на то, что следовало бы назначать опекунов людям, в головах которых гуляет ветер. И все же Партинье все происходящее было чрезвычайно любопытно.

-- Знаешь что, -- сказал Энди тоном, который показался ему самому очень убедительным, -- надевай-ка шляпу и пойдем на пристань.

-- Ни за что! -- отвечала Партинья, развязывая передник.

-- Ну так отпусти со мной Магнолию. Она так любит пароход! Правда, Нола? Ты ведь вся в папу!

-- Так я и отпустила ее! -- иронически проворчала Парти.

Энди решил испытать другое средство:

-- Неужели тебе не хочется посмотреть, где будет жить твой папа все те месяцы, когда он будет в разлуке с тобой и мамочкой?

Обнаруживая великолепное актерское чутье, Магнолия подняла отчаянный рев. Однако чело Парти не разгладилось.

-- Угомонись! -- приказала она.

Тело Магнолии сотрясало от рыданий. Энди безжалостно использовал момент:

-- За то время, что меня не будет с вами, ты, наверное, забудешь даже, как выглядит твой папа!

Магнолия отлично понимала, что такое предположение совершенно лишено оснований. Это не помешало ей, однако, броситься к отцу, обвить его ручонками, завывать, затопать ногами и умолять его о том, чтобы он не покидал ее. Ей не терпелось посмотреть на плавучий театр. Но жить на "Цветке Хлопка" -- воспоминание о чудесном путешествии на "Прекрасной Креолке" было еще свежо в ее памяти -- ей хотелось так, как еще ничего не хотелось в жизни! Зрачки ее глаз расширились, пальцы судорожно сжались, тело стало извиваться в ужасных корчах. Она все время выпускала раздирающие душу стоны. Одним словом, свою роль в этом спектакле Магнолия исполнила блестяще.

Энди старался успокоить ее. Рыдания усилились. Парти попыталась прибегнуть к строгим мерам. Девочка закатила истерику. Тогда отец и мать начали действовать совместно. Скоро крики сменились уговорами, уговоры обещаниями, и наконец все трое успокоились. Энди обнял одной рукой Магнолию, другой Партинью, Партинья обняла одной рукой Энди, другой Магнолию; Магнолия вцепилась в обоих сразу.

После того как девочка пришла в себя и переоделась, все трое, с Парти Энн во главе, вышли на улицу. Рубикон был перейден! Партинья признала себя женой владельца театра и бывшего актера. Пуританка в ней трепетала от страха, но любопытство пересиливало страх. Они шли по Дубовой

улице, ведущей к пристани. Магнолия прыгала и вертелась от волнения. В походе Энди тоже чувствовалось, пожалуй, какое-то возбуждение. Если бы он не видел все время надутого лица жены, если бы ее цепкая рука не покоилась на его руке, он бы запрыгал вместе с дочкой и, того и гляди, бросился бы к реке бегом. Партия же своей осанкой и выражением лица напоминала христианскую мученицу, влекомую на растерзание львам.

"Цветок Хлопка" стоял на якорях. Это был вместительный, комфортабельный пароход или, вернее, дом-непоседа, позволивший себе увлечься веселой жизнью на воде, а пока наслаждавшийся покоем на широком лоне реки. Он был весь белый с зеленым; большое количество зеленой краски пошло на надпись в фут вышиной, при виде которой Партия застонала от ужаса, а Магнолия завизжала от радости. Надпись гласила следующее:

"ЦВЕТОК ХЛОПКА"

Плавучий палас-театр капитана Хоукса

Партия теснее завернулась в тальму -- казалось, ей сразу стало холодно.

Для удобства пешеходов глинистый скользкий берег был посыпан песком и золой. Этот крутой берег, по которому Энди, Партия и Магнолия с трудом сползли вниз и на который им предстояло вскарабкаться на обратном пути, стал для них впоследствии привычной дорогой.

Тент над верхней палубой, образуя подобие веранды, придавал большому пароходу удивительно уютный вид. Средняя палуба представляла собой галерею, поддерживаемую резными колоннами. Недалеко от сходней, полуоткрытое, словно рот, приготовившийся произнести приветствие, чернело окошечко кассы, через которое видны были пачки оранжевых, голубых и красных билетов, аккуратно разложенных на полках. Широкая дверь вела в холл. Двойные двери из холла открывались на лестницу.

-- Это лестница на балкон, -- объяснил Энди, -- и в верхние ложи. Мест сто пятьдесят -- двести. Большей частью, конечно, туда ходят негры.

Партия вздрогнула.

За лестницей открывался зрительный зал. В нем было все, что полагается: ряды кресел, оркестровая яма, сцена, ложи, наполовину спущенный занавес, позволявший любоваться нижней частью декорации, которая должна была изображать что-то венецианское -- по крайней мере, на ней были нарисованы ноги гондольеров, приторно-голубая лагуна и лестница дворца. Магнолия почувствовала разочарование. Правда, у лож были блестящие бронзовые перила, и кресла их, из красного бархата, показались ей великолепными.

-- Я думала, что театр светится огнями и сверкает, и вообще похож на волшебную сказку, -- сказала она.

-- Вечером это так и будет, -- успокоил ее Энди. Теплые, гибкие пальчики держались за его руку. -- Вечером театр действительно похож на волшебную сказку. Тогда все лампы зажжены, много публики и играет музыка.

-- Где кухня? -- спросила миссис Хоукс.

Энди проворно открыл маленькую дверцу под сценой и сделал знак рукой. Партинья, грузно ступая, последовала за ним. Последней шмыгнула Магнолия. Кают-компания и камбуз помещались под самой сценой. Поперечные балки были настелены так низко, что даже Энди принужден был нагибаться, проходя под ними, а Магнолия могла свободно достать до них пальцами. Впоследствии казалось совершенно естественным, что команда и актеры "Цветка Хлопка" входят в кают-компанию, почтительно согнувшись, как бы заранее принося благодарность за предстоящую трапезу.

В кают-компании стояли два больших стола, каждый примерно человек на десять, и в самом конце третий, поменьше, человек на шесть.

-- Это наш стол! -- смело заявил Энди.

Партинья фыркнула. Но чуткий Энди сразу заметил, что в ее фыркание несколько меньше неудовольствия, чем полагалось бы ждать от жены.

По пути из кают-компания на камбуз капитан Хоукс позволил себе несколько пояснений:

-- Джо и Кинни -- она стряпает, он подает, моет посуду и тому подобное, - - обещали приехать к апрелю. Оба служили на "Цветке Хлопка" не меньше десяти лет. Камбуз только что отремонтировали. Какая в нем чистота! Просто игрушечка! Посмотри на плиту!

Хитрец Энди!

Партинья Энн Хоукс посмотрела на плиту. Что это была за плита! Широкогрудая, вместительная, просторная, напоминающая какое-то громадное черное млекопитающее, готовое кормить своей грудью бесчисленное множество голодных горшков и кастрюль. Она действительно сияла чистотой. Всякому должно было быть ясно, что на ней и в ней могут приготавливаться только нежные, питательные, вкусные вещи. Над плитой и по трем остальным стенам висели на особых крюках кастрюли, сковородки и котелки всевозможных размеров. В углу стояла запасная керосиновая плита.

-- Для горячей закуски после спектакля, -- объяснил Энди, -- кофе, яйца. Чтобы не топить зря большую.

Казалось, Парти Энн усиленно соображала что-то. Потом на лице ее появилось выражение радостной задумчивости. Заметив это, она попыталась замаскировать свое настроение:

-- И все это для каких-то бездельников! Ваше хозяйство будет стоить уйму денег! Вот что!

-- Оно и даст уйму денег! -- радостно возразил Энди.

Пробежавшая по камбузу черная кошка, гибкая, сытая, с лоснящейся шерсткой, посмотрела на супругов Хоукс янтарно-желтыми глазами, остановилась подле Партиньи и, выгнув спину, потерлась об ее юбку.

-- Для мышей, -- сказал Энди.

-- Брысь! -- крикнула Парти. Но в голосе ее слышались мягкие нотки, и кошка не двинулась с места.

Впервые перед ее взором было царство, о котором до сих пор она могла лишь грезить во сне. Джо и Кинни -- ее подданные. Массовая закупка

провизии. Сделай это! Сделай то! Может быть, Энди даже переусердствовал.

-- Но где же ребенок? Где? О господи, Хоукс!

Партинья уже вообразила, что дочь упала в реку. Впоследствии ей суждено было беспрестанно дрожать за Магнолию, которая иногда в самом деле падала в воду, просто из озорства, подобно тому как другие дети убегают играть в то место, которое, в силу тех или иных соображений, считается запретным.

Энди стрелою вылетел из кухни. Подобрав юбку, миссис Хоукс поспешно проплыла за ним, выкарабкалась из оркестровой ямы и услышала, наконец, звук голоса, похожего на голосок Магнолии. Девочка стояла на сцене и говорила что-то:

-- Неужели вы действительно так думаете?.. Моя девочка ужасно непослушна... О дорогая, мы так богаты! Мороженое подается у нас за завтраком, обедом и ужином!..

На ней была материнская тальма и неизвестно откуда взявшийся берет с черной эгреткой. Тальма волочилась по пыльным подмосткам. Черная эгретка раскачивалась с такой же важностью, с какой относилась к своему дебюту юная артистка. Магнолия плавным движением подняла правую руку, изящно согнув при этом мизинчик.

-- Изволь сию же минуту убраться оттуда, Маджи Хоукс!

Партинья повернулась к Энди:

-- Вот что случается, когда ребенок попадает в нечестивое место! Тоже актриса!

Энди покрутил усы. Подойдя к сцене, он протянул руки Магнолии. Девочка улыбалась со сцены. Она раздурманилась и вся сияла.

-- Ты была так же хороша, как когда-то был хорош твой отец! Это не комплимент.

Он снял ее со сцены и поставил на пол. Когда Партинья сорвала с нее тальму и вперила гневный взор в эгретку, Энди почувствовал, что для сохранения только что завоеванной позиции необходимо использовать новый маневр. Ведь он был прирожденный актер!

-- Где ты взяла этот берет, Магнолия?

-- Там.

Она указала рукой на ряд дверей, расположенных за сценой:

-- Я нашла его в одной из этих комнаток. Что это за комнатки, папа?

-- Уборные актеров, детка. И в то же время -- спальни. Не хочешь ли взглянуть на них, Парти?

В сопровождении насупившейся Партиньи он поднялся на подмостки и распахнул одну из дверей. Парти Энн увидела крошечную каютку, в которой помещались, однако, узкая кровать, маленький шкаф и умывальник. Над кроватью были приколочены удобные полки. На окне висели ситцевые занавески. Из окна открывался вид на реку и берег. На стене красовались: цветной календарь и несколько пожелтевших от времени фотографий и картинок, вырезанных из журналов. В маленькой комнатке было опрятно, уютно и, как это ни странно, просторно. Должно

быть, впечатление простора создавалось благодаря открытому окну, в которое видны были вода и небо.

-- Во время спектакля -- это уборные артистов, -- пояснил Энди. -- В остальное время -- спальни.

Окинув быстрым взглядом каюту, миссис Хоукс сделала презрительную гримасу.

-- Неужели ты воображаешь, что я буду жить в такой конуре?

В первый раз, и притом бессознательно, заговорила она о такой возможности.

Держась за юбку матери, Магнолия широко раскрытыми глазами осматривала каюту:

-- Мне здесь ужасно нравится! Я бы так хотела жить здесь! Здесь есть все -- и кроватка, и шкафчик, и...

Энди поспешил остановить ее:

-- Я вовсе не думал, что ты станешь жить здесь, Парти. Пойдем-ка дальше. Но пока помолчи. Успеешь поворчать и потом, если захочешь. Положи на место берет, Магнолия.

Они снова прошли через сцену и направились к лестнице, ведущей на балкон. Впереди шел Энди, за ним с похоронным видом шествовала Партия, а за ними, кружа между рядами кресел, бежала Магнолия. На балконе девочка снова едва избежала неминуемой, как утверждала Парти Энн, смерти: желая хорошенько рассмотреть сверху зрительный зал и сцену, она все время перевешивалась через барьер.

-- Присматривай же за ребенком, Хоукс! Клянусь, ноги моей не будет больше на этом пароходе!

Однако в тоне ее не чувствовалось твердости. Когда же она увидела две верхние комнаты, прилегающие к балкону, две квадратные комнаты, из которых каждая была ничуть не меньше ее собственной спальни в Фивах, капитану Энди стало ясно, что крепость вот-вот капитулирует. Кухня пробила броню. Комнаты довершили победу. Между комнатами была устроена маленькая ванная. В каждой комнате было по два окна и свободно умещались кровать, шкаф, качалка и печка. На окнах висели занавески. Полы были устланы циновками. И тут Парти сделала нечто, вообще говоря, удивительное, но для нее характерное. Подойдя к шкафу, она провела по нему пальцем, потом критически посмотрела на этот палец и издала языком тот прищелкивающий звук, которым у всех народов выражают неодобрение.

-- Ну и пыль! -- сказала она. -- Основательной уборки требует твой пароход! Каждую занавеску необходимо выстирать или выгладить!

Руководимый инстинктом самосохранения или внезапным наитием сверхчеловеческой мудрости, капитан Энди не возразил ни слова. Из соседнего помещения послышался радостный крик:

-- Неужели это моя комната?

Парти сделала еще несколько шагов:

-- Посмотрим! Посмотрим!

Энди шел за ней на цыпочках, боясь нарушить очарование.

-- Говори же скорей! Моя ли это комната? Посмотри, здесь вместо окна - дверь! По лесенке можно спуститься прямо в реку!

-- Чрезвычайно удобно, чтобы упасть в воду и утонуть без свидетелей!

Но девочка была вне себя от волнения. Она не могла терпеть дольше. Подбежав к нахмуренной Парти, она стала теребить ее за тальму:

-- Мама, скажи, мы будем жить здесь?

-- Посмотрим.

Отец и дочь обменялись взглядом, выражающим комическое отчаяние. У Магнолии стало вдруг не по годам взрослое выражение лица.

"Ну и женщина! Но ведь мы справимся с нею? Если ты готов продолжать борьбу, я буду бороться тоже", -- казалось, говорили ее глаза.

-- Можно выкрасить стены и мебель в любой цвет, -- заметил Энди.

-- В синий! -- воскликнула Магнолия.

-- И сделать новые занавески в тон комнате. -- Помимо всех прочих талантов, у капитана Энди было прекрасное чувство цвета и линии.

Парти безмолвствовала. Губы ее были плотно сжаты. В отчаянном взгляде, которым снова обменялись Энди и Магнолия, не было больше ничего веселого. Они печально вышли из комнаты, прошли через балкон и спустились по лестнице, храня молчание, как на похоронах. Внизу, у средней палубы, похожей на галерею, послышался женский смех. Перед глазами Парти Энн мелькнули два видения, несомненно женского пола, в ярком оперении. И не успела она опомниться, как оба видения набросились на ее законного супруга, капитана Энди Хоукса, и принялись целовать его. Младшая, красивая, поцеловала его в левую бакенбарду. Старшая, некрасивая, -- в правую.

-- О дорогой капитан Хоукс! -- застрекотали они. -- Вы удивлены, не правда ли? И рады? Скажите же, что рады! Мы приехали из Каира только для того, чтобы посмотреть на вас и на ваш театр. С нами Док!

Энди любезно обнял за талию обеих:

-- Рад... это не то слово!

И в самом деле, это было не "то слово", ибо рядом с ним и дамами стояла Партия, сразу сделавшаяся выше, шире, внушительнее и сильно напоминавшая грозовую тучу. В ответе Энди звучали одновременно бравада и боязнь.

Магнолия сразу узнала красивую молодую актрису в шляпке с розами и ту другую, темноглазую, давшую ей совет не улыбаться слишком часто. Она вспомнила, как они несколько раз прогуливались мимо дома Хоукса в обществе неряшливого молодого актера и все время смеялись над чем-то, лениво сплевывая косточки от вишен прямо на грязную улицу.

Выбравшись из-за широкой материнской юбки, девочка сделала шаг вперед и легкое, нерешительное движение рукой в сторону немолодой актрисы.

Та сразу узнала ее.

-- Господи! Посмотри-ка, Элли! Ведь это та самая девочка!

Элли посмотрела на Магнолию.

-- Какая девочка?

-- Девочка, которая так чудно улыбалась.

Как только она сказала это, Магнолия, не думая ни о чем и удивляясь самой себе, подбежала к ней, схватила ее за руку и улыбнулась, пристально глядя на ее странное, усталое лицо.

-- Ведь я говорила вам! -- воскликнула актриса. У нее были те же интонации голоса, что и прошлый раз.

-- Маджи Хоукс!

-- Великий Боже! -- воскликнула Элли. -- Это... -- Почувствовав в воздухе назревающую грозу, она сначала засмеялась, а потом замолкла.

Энди освободился от обнимавших его рук и сделал попытку исправить положение.

-- Позвольте вам представить мою жену, миссис Хоукс. Парти, это Джули Дозье, одна из лучших актрис на свете и очаровательная женщина, в обществе которой каждый день кажется праздником. А это -- юная красавица, Элли Чиплей, или, как гласят афиши, Ленора Лавери, наша инженю и любимица публики от Дулута до Нового Орлеана. А где же Док?

Как раз в тот момент на тропинке, усыпанной золой, показался Док; можно было подумать, что для своего появления он только поджидал соответствующей реплики. Док благополучно поднялся по сходням и, раскинув руки, запел: "Тра-та-та!" Это был человек лет пятидесяти пяти; его лицо с резкими чертами лица дышало добротой, но во впалых глазах чувствовалась усталость.

-- Очень рад вас видеть, Док! Парти, позволь тебе представить Дока. У него, кажется, есть другое имя, да оно никому не известно. А Дока -- знают все. Он у нас мастер на все руки -- и суфлер, и кассир, и администратор. Вся черная работа на нем. Не правда ли, Док?

-- Все зависит от точки зрения, -- заметил Док как будто небрежно, но вместе с тем старательно сплевывая через борт в реку какую-то коричневую жидкость. -- Очень рад познакомиться.

-- Это моя дочь Магнолия, о которой я говорил вам.

-- Вот как! Что за глаза у нее! На сцене она будет выглядеть очень эффектно.

Парти, дотоле неподвижная, как могильный памятник, издала какое-то восклицание. Повернувшись в ее сторону, Док учтиво и мягко продолжал:

-- Надеюсь, вы поедете с нами, сударыня, и принесете нам удачу?

Миссис Хоукс посмотрела на поразительное лицо Джули Дозье, одной из лучших актрис на свете и очаровательной женщины, в обществе которой каждый день кажется праздником. Затем посмотрела на Элли Чиплей (Ленору Лавери, как гласили афиши), юную красавицу и любимицу публики от Дулута до Нового Орлеана. Грудь миссис Хоукс бурно вздымалась.

-- Да. Поеду.

Итак, двумя коротенькими словами Партия Энн Хоукс порвала с сушей и светскими приличиями, отреклась от мещанского уклада своего белого домика в Фивах, пренебрегла неизбежными сплетнями любящих

скандальные истории соседей, связала свою жизнь с рекой и невольно приняла звание владелицы плавучего театра.

Глава пятая

В апреле плавучий театр двинулся в путь, в сказочное и беззаботное путешествие. В то время когда разоренная страна была занята залечиванием ран, нанесенных гражданской войной, "Цветок Хлопка" плыл, словно заговоренный: казалось, законы жизни не имеют власти над ним. Мили, сотни миль, тысячи миль -- берега, окаймленные ивами, словно бахромою, вода цвета аквамарина на солнце и оливковая в тени. Жимолость на фоне черных стволов. Мулы. Негры. Деревянные хижины, такие же унылые и тусклые, как песчаная почва, на которой они построены. Сонная деревенька на берегу речушки -- забытого отпрыска Миссисипи. Железная дорога не ближе чем в двадцати пяти милях. А следом буксирный пароход "Молли Эйбл", подталкивающий "Цветок Хлопка", как жирная надутая гусыня несмышленого глупого гусенка.

Для жителей городов, плантаций и деревушек, расположенных на притоках Миссисипи и Огайо, театр типа "Цветок Хлопка" давно уже не был новинкой. С тысяча восемьсот семнадцатого года, когда первый -- разумеется, довольно примитивный -- плавучий театр совершил турне по реке Камберленд, каждый такой театр был желанным и почетным гостем. Для фермеров и крестьян Среднего Запада, мелких -- белых и чернокожих -- плантаторов Юга плавучий театр был олицетворением красочности, и романтики, и веселья. Ему случалось останавливаться в глухих, заброшенных, как могильные склепы, местечках, куда никогда не долетал пронзительный вой паровой сирены, и даже деревнях, жителям которых никогда прежде не случалось бывать на театральных представлениях: по-детски доверчивые, они не умели отличить реальность от вымысла и принимали за чистую правду и комические, и героические эпизоды, ту любовь и те приключения, которые разыгрывались перед ними. Простодушие это иной раз доставляло труппе "Цветка Хлопка" немало неприятностей.

Первое лето, проведенное Магнолией на "Цветке Хлопка", протекало как волшебный сон, лишь слегка омраченный призраком осени, с которой была связана необходимость возвращения в Фивы и возобновления обычной и скучной жизни. Девочка чувствовала себя Золушкой на балу и дрожала при мысли о том, что часы неизбежно пробьют двенадцать.

С каждым годом магия реки притягивала ее все более властно, и беспечная легкость кочевой жизни захватывала все сильнее. И с каждым годом миссис Хоукс и ее дочь проводили все больше времени в плавучем театре. О регулярном посещении школы не могло уже быть речи. Чтобы Магнолия не осталась круглой невеждой, Партия решила использовать собственный педагогический опыт и стала учить ее сама. Эти уроки почти всегда заканчивались дурным настроением, слезами и бесконечными упреками.

-- Девятью семь, говорят тебе... Да нет же. Пятьдесят шесть быть не может уж хотя бы потому, что ты только что сказала мне, что восемь -- пятьдесят шесть. Пожалуйста, смотри в книжку, а не в окно... Маджи Хоукс, право, мне кажется иногда, что ты просто-напросто идиотка!

Магнолия хмурилась.

-- Мне нисколько не интересно, сколько будет девятью семь, -- отвечала она. -- Элли тоже не знает этого. Я ведь спрашивала ее. Она сказала, что у нее никогда не бывает ничего по девять штук сразу, а тем более по девятью семь. Элли самая прекрасная женщина. За исключением Джули, впрочем, и меня -- когда я улыбаюсь. Кстати, я вовсе не Маджи Хоукс.

-- А кто же ты, в таком случае?... Если вы еще раз позволите себе говорить со мной таким тоном, юная леди, я вас непременно высеку!

-- Я Магнолия... Магнолия... гм... Фамилия должна быть очень, очень красивая. Ни в коем случае не Хоукс.

Магнолия жестом пыталась показать, как красива должна быть ее будущая фамилия.

Что касается географии, то Магнолия, скорее, не учила ее, а, если можно так выразиться, переживала. Плавая по рекам, она тем самым изучала родную страну. Она изучала также живущих в ней людей. Девочка узнала многое: всевозможные легенды, негритянские песни, голоса птиц, штурманские правила, изрядное количество ругательств, нравы закулисной жизни и репертуар театра, в котором были: "Ист Линн", "Тайны леди Одлей", "Буря и солнце", "Испанские цыганки", "Мэдкеп Марджери" и "Хижина дяди Тома".

Да, то были чудесные дни! Они были бы, конечно, еще чудесней, если бы не Партинья, женщина с каменным сердцем, считавшая своим долгом следить за тем, чтобы ребенок был сыт, опрятно одет и спал достаточно часов в сутки. Правда, внимание Парти Энн то и дело отвлекалось от Магнолии. Без тени смущения миссис Хоукс вмешивалась решительно во все, а надзор за поведением и нравственностью команды "Молли Эйбл" она просто вменила себе в обязанность. Никто не мог безнаказанно выкурить последнюю трубку или в задумчивости поплевать в реку. Благодаря этому, Магнолия пользовалась на воде значительно большей свободой, чем на суше.

На всех реках утвердилось мнение, что "Цветок Хлопка" -- театр, где царят дисциплина и порядок, прекрасно ведется хозяйство и что кормят на нем превосходно. Рассказывали также, что за кулисами и на дверях каждой уборной красуется надпись: "Актрисам выходить на палубу в капотах строго воспрещается" и что служащий на "Цветке Хлопка", уличенный в пьянстве, немедленно получает расчет и что, наконец, супруга капитана Энди Хоукса -- сушая чума. Все это, впрочем, была чистая правда.

Жизнь Магнолии представляла собой очаровательную смесь безалаберности и порядка, реального и вымышленного. Плавающий театр стал для нее родной стихией. И только благодаря Партинье артистам труппы не удалось окончательно испортить Магнолию.

Миссис Хоукс не могла попасть в такт лениво-безалаберному ритму жизни плавучего театра. Это было ясно даже Магнолии. В первую же неделю первого путешествия она слышала, как мать ее спрашивала Джули:

-- Который час?

Миссис Хоукс бегала с одного конца парохода на другой, поглощенная какими-то делами. Джули полулежала в низком кресле, задумчиво смотрела на желтоватую и бурную воду Миссисипи.

-- Не все ли равно? -- произнесла она своим глубоким и томным голосом, не подняв даже глаз на жену капитана.

В этих четырех словах заключался весь божественно-беспечный символ веры театральной труппы.

В некоторых городах плавучий театр останавливался только на один вечер, в других -- стоял по неделям. Были и такие, куда он возвращался из года в год и где, благодаря этому, стал добрым старым знакомым. Его встречали радостно и провожали с искренним сожалением.

Плавучий театр редко путешествовал по ночам. Вот почему команда буксирного парохода "Молли Эйбл" вела беспрестанную войну с артистами "Цветка Хлопка". Покончив с дневной работой и зная, что им придется встать с рассветом, матросы ложились спать рано. Завтрак подавался им в половине пятого или в пять. Актеры же ложились не раньше двенадцати и даже часа, а завтракали в девять. Они постоянно жаловались на то, что буксир и его команда мешают им спать по утрам своими свистками, гудками, грохотом громкими криками и отчаянной возней. Команда буксира, в свою очередь, высказывала неудовольствие по поводу того, что ей приходится засыпать под шум расходящейся публики и полуночные разговоры актеров. Нервы же участников спектакля, разумеется, бывали слишком возбуждены, чтобы они могли разойтись по своим спальням тотчас же после окончания представления.

-- Проклятые комедианты! -- ворчали члены экипажа, пытаясь заснуть.

-- Мерзкие горлодеры! -- возмущались актеры, разбуженные на заре. -- Они так стучат и галдят потому, что просто не умеют говорить по-человечески!

Эта вражда вносила некоторую остроту в атмосферу, которая без этого могла бы показаться несколько пресной.

За исключением репетиций и спектаклей, в которых она, разумеется, не участвовала, жизнь Магнолии была тесно слита с жизнью артистов. Как для них, так и для нее, плавучий театр был родным домом. В нем они ели, спали, работали. Они обязаны были вовремя завтракать, обедать, ужинать, репетировать и давать спектакли. Все остальное несколько не касалось их.

Завтрак подавали в девять часов утра. Поскольку за этим следила Парти Энн, об опозданиях не могло быть и речи. По утрам артисты выглядели, скажем менее эффектно, нежели вечером. Тот, кто смотрел накануне вечером спектакль и восхищался Элли, иначе говоря мисс Ленорой Лавери, в роли златокудрой, прекрасной и невинной Бесси, которая, как выяснилось в последнем акте, вовсе не дочь дровосека, а леди Кларисса Трелоуни, тот, по всей вероятности, был бы несколько разочарован, увидав

ее утром в столовой "Цветка Хлопка"... Детски наивный взгляд ее больших голубых глаз, придававший ей на сцене необычайную привлекательность, объяснялся сильной близорукостью, из-за которой в обыденной жизни она принуждена была носить очки в серебряной оправе. Ее утренний туалет, хоть и не без претензии на изящество, отнюдь не отличался свежестью и чистотой. Из-под шелкового чепчика, украшенного кружевами, торчали папилютки. Несмотря на некоторую неряшливость и своеобразие туалета, она все же была, бесспорно, и очаровательна, и красива. Муж ее, в частной жизни Шульци, а по сцене Гарольд Уэстбрук, играл героев-любовников и исполнял обязанности режиссера. Это был довольно застенчивый молодой человек, носивший очень узкие брюки и высокие, всегда слишком широкие воротнички.

Парти Энн, тоже в чепчике, из-под которого тоже торчали папилютки и который сильно смахивал на боевой шлем, разумеется, являлась в столовую раньше всех и первая усаживалась за свой небольшой стол. Так, должно быть, сидела она за учительской кафедрой в Новой Англии, поджидая мальчишек, задержавшихся из-за холода или других, менее уважительных причин.

Магнолия была из тех детей, для которых завтрак не представляет никакого интереса. Будь на то ее воля, она никогда не ела бы вовремя. Большей частью она появлялась в столовой одной из последних, на черных волосах ее сверкали капельки воды, попавшей на них во время умывания, а глаза горели нетерпением поскорей поделиться с кем-нибудь очередными новостями.

-- Док говорит, что за нами идет грузовой бот, а на нем крохотный ребеночек! Ну, не больше, чем...

-- Пей молоко.

-- ...кукла. Док говорит, что ребеночек этот родился на боте, и клянется, что ему не больше недели! Ах, как мне хочется, чтобы они остановились где-нибудь по...

-- Ешь поджаренный хлеб с яйцом.

-- Я не хочу яйца!

-- Ешь!

Энди опаздывал еще больше, чем Магнолия. Он ел быстро и рассеянно. Пока он пил кофе, его быстрый ум поспевал всюду, и можно было только удивляться тому что его маленькое, упругое тело остается более или менее неподвижным, а не уносится вслед за его мыслями в рубку, в машинное отделение, в город или даже к следующей пристани. Кончал он завтракать всегда первым и тотчас же вставал из-за стола, поглаживая на ходу бачки.

Вовремя или с опозданием, но всегда вместе появлялись Джули и Стив. Стиву, при его высоком росте, приходилось сильно нагибаться, чтобы не ушибиться о поперечные балки, которые, как читатель помнит, были расположены очень низко. И Джули и Стив -- оба были артисты на характерные роли. Джули большей частью играла авантюристок или старших сестер, это была очень талантливая и тонкая актриса, несомненно лучшая в труппе. Порою, когда она смотрела на малоосмысленную,

невыразительную игру Элли, что-то похожее на презрение пробежало по ее выразительному лицу.

Стив играл злодеев, и настолько плохо, что всегда сидел бы без работы, если бы не Джули. Он был высок, белокур и почти совершенно лишен художественного чутья. Его добродушное спокойствие, светлые волосы и доверчивые синие глаза делали неправдоподобными совершаемые им злодеяния. Джули натаскивала его с неиссякаемым терпением. Со временем он стал играть лучше. Но все-таки оттенки, акценты -- так и остались совершенно недоступны ему.

Джули и Стив очень любили друг друга. Остальные актеры иногда поддразнивали их. Очень редко впрочем, ибо влюбленные выслушивали такого рода шутки не слишком благосклонно. Отношения между ними были вообще таковы, что посторонний человек чувствовал себя в их присутствии немного неловко. Когда они смотрели друг на друга, между ними пробежал какой-то ток, который невольно ощущался и третьим лицом. В глазах Джули, глубоко посаженных и совсем черных, было какое-то особенное, не передаваемое словами выражение. Магнолия любила смотреть в их нежную и бездонную глубину.

Однажды девочка видела, как они целуются. Это было на палубе, в темноте. Стив долго держал в своих объятиях Джули. Они молчали. Ее хрупкое тело как будто слилось с его высокой фигурой. Глаза Джули были закрыты. Когда он наконец отпустил ее, она выглядела совершенно отрешенной, затуманенный взгляд не отрывался от любимого. Вскоре они заметили рядом с собой маленькую девочку, которая была настолько поражена, что не могла двинуться с места. Джули тихонько рассмеялась. Она не зарделась от стыда, нет. Но ее бледные щеки сделались на тон теплее и ярче, как янтарь, сквозь который вдруг стало просвечивать золото. И без того большие глаза ее стали огромными.

-- Почему вы такая смешная? -- спросила Магнолия.

Эта маленькая особа вообще отличалась прямолинейностью.

-- Смешная? -- отозвалась Джули.

-- Да.

-- От любви, -- просто сказала Джули.

Магнолия не поняла смысла ее слов, но запомнила их.

Кроме инженю Элли, первого любовника Шульци, характерных актеров Джули и Стива, были еще мистер и миссис Минс, Фрэнк и Ральф. Мистер Минс играл банкиров, скряг, старых охотников и иногда простаков. Его жена исполняла роли знатных вдов, матерей, дуэний и кумушек. Фрэнк и Ральф были на вторых ролях. Элли и Шульци обедали за одним столом с Хоуксами. Остальные -- за длинным столом в середине.

У Джули была обезьянка, которую она купила в Новом Орлеане у какого-то смуглого матроса с серьгой в ухе, только что вернувшегося с экватора. Она часто приносила зверька в столовую, держала его все время на руках и кормила с собственной тарелки. Кроваткой обезьянке служила старая муфта, из глубины которой выглядывала ее мордочка, похожая на личико

старого-престарого ребенка; темные глаза обезьянки были всегда печальны.

-- У каждого порядочного человека пропадет аппетит, -- ежедневно заявляла Парти Энн, -- при виде того, как она ест из одной тарелки с этой отвратительной крысой.

-- Что ты, мама! Да ведь это вовсе не крыса! Это обезьянка! Ты сама отлично это знаешь! Джули говорит, что Шульци может привезти мне такую же, если я пообещаю хорошенько заботиться о ней.

-- Пусть только попробует! -- резко оборвала Партинья размышляющую дочь.

О приближении плавучего театра возвещал вой сирены, которой капитан Энди гордился. И действительно, звук, издаваемый ею, был так громок, что его слышно было за целых пять миль. Когда плавучий театр приближался к пристани, выстроившиеся на палубе музыканты начинали свою программу.

К одиннадцати часам утра они надевали ярко-красные куртки с великолепными золотыми галунами и медными пуговицами. Обычные, будничные брюки, составлявшие нижнюю часть костюма, по эстетическим представлениям были неприемлемы для Магнолии. Контраст между этими брюками и ярко-красной, расшитой золотом курткой был разителен. Несуразность костюма особенно бросалась в глаза при взгляде на барабанщика, голова которого в отличие от других музыкантов была увенчана не простой шапкой, а внушительных размеров и придававшей ему свирепый вид черной, косматой (правда слегка потертой) меховой папашой, удерживаемой с помощью ремешка, который застегивался под подбородком. Барабанщик Пит работал в машинном отделении. Он вылезал оттуда в последнюю минуту, весь покрытый сажей, хватал барабан, на ходу застегивал куртку и моментально превращался из невзрачной вороны в ту яркую птицу, которую называют кардиналом.

Состав оркестра был таков: два рожка, кларнет труба, альт (особенно нравившийся Магнолии: умп-а-умп-а-та-та-та, умп-а-умп-а-та-та-та!), литавры и большой барабан. Когда город спускался к самому причалу, музыканты (они же команда на "Молли Эйбл") ничего не имели против исполнения своих обязанностей. Но если город находился на расстоянии мили, или даже больше, от места стоянки плавучего театра и оркестру приходилось долго шагать по пыльной дороге, концерт превращался для музыкантов в настоящую пытку. Расстегнув куртки, сняв шапки, обливаясь потом, тащились они, изнемогая под тяжестью инструментов. Перед тем как войти в город, музыканты застегивали куртки, утирали пот с лица, надевали шапки и выпрямляли усталые плечи. Ноги в серых, коричневых и черных брюках начинали двигаться в такт музыке. Из утомленных, забитых, унылых работяг они превращались в каких-то романтических героев. Барабанщик гордо выпячивал грудь и вызывающе поднимал голову и плечи.

При появлении музыкантов в окнах гостиниц показывались женские лица; с сильно бьющимися от восторга сердцами дети гурьбой высыпали

из школ; приказчики, в черных сатиновых фартуках и клеенчатых нарукавниках, выходили на порог лавок; хозяйки бросали свои кастрюли и спешили к окнам; бездельники выбегали из кафе и, разинув рты, шурились на солнце. Громкая и радостная музыка пробуждала маленький городок от летаргического сна, и в течение часа он жил яркой жизнью. Даже старые, заморенные, искушенные мухами лошади двигались по улицам как-то бодрее, в их потухших глазах появлялся блеск, и они весело прядали ушами. Выискав самое людное место на главной улице оркестр останавливался и давал концерт. Лучи полуденного солнца сверкали на блестящей поверхности медных инструментов.

Капитан Энди никогда не уходил с парохода вместе с музыкантами, но в городе он всегда оказывался одновременно с ними. В этом было нечто таинственное, можно было подумать, что он переносится в город по воздуху, но тот факт, что к началу концерта он бывал тут как тут, неоспорим. В синей куртке, измятых полотняных брюках, в белой парусиновой фуражке с кожаным околышем, веселый, взволнованный, оживленный, блестя глазами, он стоял подле музыкантов и теребил свои бачки, а в руках обыкновенно держал пачку афиш. После того как оркестр исполнял несколько веселых номеров, капитан Энди произносил речь. Он умел и любил говорить. Что-то очень привлекательное было в его стройной маленькой фигурке, а остроумные шутки часто вызывали громкий смех.

-- Бесподобная труппа... Такой труппы на реке еще не было... Замечательные декорации и костюмы. Мисс Ленора Лавери... необыкновенный талант... только что имела колоссальный успех на Востоке... После спектакля концертное отделение... пение и танцы... спешите покупать билеты!..

По окончании речи оркестр снова начинал играть. Протискиваясь через толпу, капитан Энди с необыкновенной быстротой раздавал направо и налево театральные афиши, здоровался со случайными знакомыми, гладил мимоходом по щеке какую-нибудь детскую мордашку и все время во всеуслышанье расхваливал назначенное на вечер представление. Через полчаса оркестр, не переставая играть, пускался в обратный путь.

В четыре часа на "Цветке Хлопка" подавали обед, который обычно проходил оживленно. Перед обедом и непосредственно после него артисты принадлежали себе и могли заниматься чем угодно. Актрисы читали или занимались рукоделием. Им часто приходилось шить себе новые костюмы или переделывать и подновлять старые. Злостная авантюристка, строившая на утреннем спектакле всевозможные козни, мирно штопала носки своего супруга. После обеда многие уходили в ближайший городок погулять или купить что-нибудь: катушку ниток, мятных лепешек или зубную щетку. Беспечные актеры редко действовали по заранее обдуманному плану. Иногда, особенно весной, они бродили по лесам, любуясь молодой, распускающейся зеленью, удили рыбу -- правда, кроме пескарей, им редко что удавалось поймать. В жаркие дни много купались. Для большинства из них вода была почти родной стихией. Все они были веселы и никогда не

унывали. Почти каждый из них играл на каком-нибудь инструменте -- на рояле, скрипке, флейте, банджо или на мандолине.

Около шести часов вечера в плавучем театре начинало чувствоваться легкое волнение, казалось, электрический ток пробежал с одного конца судна на другой. Из леса, из города, с набережной возвращались артисты. Они сновали в проходах, входили в свои уборные, выходили на сцену. Несмотря на долгие годы работы, пульс каждого артиста перед началом спектакля бился учащенно. Слышались звуки настраиваемых инструментов. Когда половина публики была уже в сборе, музыканты давали небольшой концерт на верхней палубе, музыка частенько прерывалась звуками сирены.

Дневной спячки как не бывало. На сцене устанавливались декорации. Раздавались крики:

-- Поднимай выше!.. Спусти!.. Отодвинь назад! Ближе!

Наконец наступали сумерки. Док начинал зажигать в зрительном зале керосиновые лампы со сверкающими металлическими рефлекторами. Магнолия особенно любила этот час. Она радовалась шуму, яркому свету, музыке, толпе. И как раз в это время она должна была идти спать. В продолжение первых месяцев их жизни на воде между миссис Хоукс и Магнолией происходили по этому поводу ежедневные стычки. Сначала миссис Хоукс неизменно одерживала победу.

-- Позволь мне посмотреть только первый акт, тот где Элли так громко кричит!

-- Ни за что!

-- Ну хоть дождаться, пока поднимется занавес!

-- Если вы сейчас же не отправитесь в постель, сударыня, я не отпущу вас завтра с Доком в разбойничью пещеру. Это мое последнее слово!

Рассказы Дока из жизни речных пиратов, хоть и жуткие, доставляли Магнолии удовольствие, от которого мурашки то и дело пробегали по спине. В поисках следов кровавых преступлений они совершили ряд экспедиций по всему берегу между Малым Египтом и Луизианой.

Лежа в постели с широко раскрытыми глазами, девочка пыталась уловить слова диалога, доносившегося с балкона и, как правило, отличавшегося необыкновенной наивностью. Зрители смотрели с неослабевающим вниманием такие пьесы, в которых воспроизводились все основные человеческие чувства -- ненависть, любовь, месть, отчаяние, надежда, радость, ужас.

-- Вы будете еще валяться у меня в ногах, моя гордая красавица!

-- Никогда! Я скорее умру, чем приму помощь от человека, руки которого обгарены кровью.

Однажды, руководимая, несомненно, материнским инстинктом, Партия тихонько пробралась в комнату Магнолии и, к своему великому ужасу, нашла клетку пустой и птичку упорхнувшей. Девочка ухитрилась открыть замок, который миссис Хоукс считала абсолютно надежным, и пробралась на верхнюю палубу, находившуюся как раз над ее комнатой. Оттуда она пролезла на узкий и шаткий выступ, едва защищенный низкой

загородкой, стоя на котором можно было смотреть из окна на сцену. У этого-то окна, в платке, накинутом поверх ночной сорочки, и в ночных туфлях, и нашла ее миссис Хоукс. В довершение несчастья, Магнолия была не одна, а в обществе нескольких ободранных мальчишек, которые, не имея денег, чтобы заплатить за удовольствие, ухитрились пробраться на это, правда несколько опасное, но зато бесплатное место.

Однако запрет присутствовать на спектаклях был постепенно отменен. Миссис Хоукс поняла, что в плавучем театре девочку невозможно воспитывать, как в маленьком провинциальном городке.

Магнолия никогда не уставала смотреть наивные и кровавые драмы из репертуара "Цветка Хлопка". К тринадцатилетнему возрасту она знала все пьесы наизусть и могла бы сыграть все, что угодно, начиная от Симоны Легри и кончая Леной Риверс.

Но больше всего любила она наблюдать за публикой. Не отдавая себе отчета в этом, ее детский ум пытливо изучал людей, населяющих родную страну. Впрочем, столь своеобразную публику вряд ли можно было бы встретить в каком-нибудь ином месте. Здесь рядом сидели фермеры, земледельцы, негры, женщины, дети, влюбленные парочки, шалопаи, грузчики, жители лесов и побережий, матросы, профессиональные игроки. Угольные районы поставляли самых грубых и неотесанных зрителей. Актеры побаивались публики из городов Виргинии и Пенсильвании; в местечках на реках Мононгаэлле и Канауа публика устраивала иной раз такие кровавые потасовки, что перед ними бледнели ужасы, разыгрываемые актерами.

В половине седьмого берег и пристань бывали, обыкновенно, усеяны зеваками, нищими и босоногими мальчишками, жаждущими перехватить хоть какие-нибудь крохи от того пиршества, которое было им не по карману. Они с жадностью слушали музыку, любовались ярким освещением, наблюдали за суматохой, словом, ловили все, что долетало к ним из того, другого мира, сверкавшего в окнах плавучего театра.

От сходней парохода до верхней части обрывистого берега дорога освещалась факелами. Магнолия знала, что это простые керосиновые факелы, и все-таки их дымно-пурпурный свет каждый раз создавал приподнятое настроение. На фоне темных деревьев на темном небе, а также зловещей загадочной рекой, они действительно производили впечатление какого-то варварского великолепия. Их вид пробуждал в девочке что-то первобытное и дикое, унаследованное от далеких предков. Она, конечно, не сознавала этого и безотчетно любила причудливо пляшущие тени и оживлявшие их языки пламени. В этом слиянии света и мрака скользили, карабкались, неслись человеческие фигуры. Белки у негров казались еще белее. Черная кожа их приобретала оттенок, в котором смешались медь, бронза и красное дерево. Покрытые сажей углекопы и их истощенные жены в платочках, фермеры, мукомолы и дровосеки, рабочие с хлопковых плантаций Теннесси, Луизианы и Миссисипи, мелкие торговцы, разносчики, влюбленные парочки -- все, словно по мановению волшебного

жезла, превращались в великанов, сказочных принцесс, ведьм, гномов, добрых и злых духов.

За маленьким окошком кассы обыкновенно сидел или Док, или сам капитан Энди. Впоследствии роль кассирши часто брала на себя миссис Хоукс. У нее были большие коммерческие и административные способности. Все было для нее равно. Черные физиономии. Белые лица. Загрубелые, мозолистые руки. Мужчины в блузах. Женщины в ситцевых платьях. Девочки, мальчики.

-- "Ваш билет?" -- "У меня только пятнадцать центов".

Многие никогда не бывали в театре.

Большей частью публика вела себя до странности тихо. Только изредка слышался смех. Только изредка кто-нибудь повышал голос. Попав в плавающий театр, эти люди становились застенчивыми, смотрели на все широко открытыми глазами и по-детски удивлялись всему. Двое матросов из команды буксирного парохода исполняли роль контролеров. После конца первого действия им часто приходилось разъяснять публике, что представление еще не окончено.

-- Это только антракт. Через несколько минут вы должны снова вернуться на свое место. Да нет, это еще не конец! Вам предстоит еще много удовольствия!

После спектакля начинался концерт. Док, Энди и контролеры прохаживались в антрактах между рядами зрителей и предлагали билеты на концерт стоимостью в пятнадцать центов. Каждый из членов труппы "Цветок Хлопка" должен был уметь петь, танцевать, играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, прочесть какой-нибудь монолог -- словом, участвовать по мере сил в концерте.

Самой напряженной минутой была та, когда оркестр начинал играть и в керосиновых лампах на стенах убавляли свет. Наступала напряженная тишина. Бледные лица. Морщинистые лица. Темные. Грубые. Тупые. Наивные. Изможденные. Порою поразительно резко выступал в этом полумраке профиль какого-нибудь исхудалого южного пахаря или жителя девственных лесов, как будто уже виденный в какой-то картинной галерее или на иллюстрациях исторической книги. Орлиный нос с тонкими ноздрями, чувственный, надменный рот, вызывающий взгляд впалых глаз. Испанец, француз, англичанин? Может быть, в нем течет кровь Стюартов или Плантагенетов? Кто знает, может быть, это отпрыск королевского рода? Может быть, это потомок великих авантюристов?

И вдруг поднимался занавес. Музыка внезапно обрывалась. Зрители тотчас же превращались в детей, внимающих волшебной сказке. Перед ними раскрывался чудесный мир вымысла. Быстро разворачивались события. Зрители знали, что в жизни все произошло бы по-другому. И все-таки были очарованы и счастливы. У невинных были золотые кудри. У злых -- черные. Любовь побеждала. Правда торжествовала. Добродетель получала награду. Порок влек за собой кару.

Зрители забывали о земле, которую им предстояло обрабатывать, о сборе урожая, обо всех своих житейских делах. Они забывали о шахтах,

огородах, конюшнях, скотных дворах, мастерских. Они забывали об изнуряющей работе под безжалостным зноем полуденного солнца, о пронизывающем зимнем холоде, о потрескавшейся коже, о трудных дорогах, о ветре, снеге, дожде наводнениях. Женщины забывали о стирке, стряпне, о муках, в которых они производили на свет детей, о грязи, усталости, разочарованиях. Здесь было совсем иное. Наслаждение, любовь, страсть. Здесь было тепло, светло, радостно, ярко. Здесь было утоление печалей. Здесь была Лета. Здесь было Забвение. Здесь был -- Театр.

Глава шестая

Да, это был театр -- место, где чей-то вымысел облекается в плоть и кровь; место, где каждый может пережить вместе с действующими лицами пьесы жизнь, полную роскоши, богатую подвигами; место, где любовь торжествует, а злодеи всегда посрамлены; место, где можно плакать, не стыдясь своих слез, смеяться от души, дать волю долго сдерживаемым чувствам.

Когда в последнем действии занавес опускался, оркестр окончательно умолкал и угасал свет керосиновых ламп, зрители расходились, немного пошатываясь и дико озираясь, как будто грубо разбуженные от сладкого сна.

К одиннадцати часам все бывало кончено. Но актеры не могли разойтись тотчас же после конца спектакля. Нервное напряжение было слишком велико. В тысячный раз обсуждали они пьесу, которую только что в тысячный раз играли.

Много говорилось о публике.

-- Сначала они казались совершенно равнодушными. Можно было подумать, что они так и не оттают.

-- Много смеялись над моим трюком с подушкой. Ты обратил на это внимание?

-- Еще бы! Но очень прошу тебя впредь предупреждать меня, что ты собираешься вводить новый трюк. Я совсем сбился. Хорошо бы я был, если бы Шульци не выручил меня!

-- Да ведь это была импровизация! Я случайно посмотрел на подушку и вдруг сообразил, что недурно бы взять ее в руки и начать нянчиться с ней, как с младенцем. Я вовсе не хотел подводить тебя!

-- Во всяком случае, каждый трюк должен предварительно репетироваться!

-- Боже, сколько ребят было сегодня в зале! Капитан, советую вам принять какие-нибудь меры. Уж лучше бы сыграть разок для какого-нибудь приюта!

Поболтав немного, Джули начинала варить кофе на спиртовке. Артисты пользовались сценой как гостиной. Без декораций, полутемная, она казалась им очень уютной. Миссис Минс, в капоте и ночных туфлях, готовила мазь для натирания груди вечно больного мужа. Энди, Парти, Элли и Шульци -- иногда к ним присоединялись капитан и штурман

"Молли Эйбл" -- ужинали после спектакля в столовой, куда Джо и Кинни заранее приносили холодную закуску.

В это время наверху, на сцене, актеры курили трубки, а женщины приводили в порядок только что снятые костюмы. В городке, на берегу, постепенно угасали огни. Лишь в кабачках до глубокой ночи горел свет. Иногда Джордж -- пианист оркестра -- наигрывал на рояле какой-нибудь новый романс, а Элли, Шульци или Ральф пели. То была неурочная репетиция к следующему концерту. Звуки рояля и голоса певцов разносились далеко по сонной реке. А там, на берегу, в маленьком городишке, кто-нибудь, проснувшись и не совсем еще понимая, во сне это или наяву, внимал песне и удивлялся, должно быть, тому, что эти странные комедианты поют по ночам; к удивлению примешивалась, по всей вероятности, и зависть.

На самом деле в этом существовании, как и во всяком другом, были свои недостатки и определенная монотонность. Но все-таки оно было красочным, богатым на сюрпризы. Перед Магнолией мелькали один за другим города, набережные которых состояли сплошь из кабачков, открытых целые сутки. Детские впечатления ее складывались из всевозможных эпизодов речной жизни. Города и люди ассоциировались в ее памяти с тем или иным происшествием. Так, город Кетлетсберг, у слияния Огайо и Биг-Сэнди, был памятен Магнолии тем, что в день стоянки "Цветка Хлопка" в нем происходило торжественное открытие кабачка "Черный Алмаз", хозяева которого, Большой Уайн Демрон и Маленький Уайн Демрон, были люди довольно своеобразные. С палубы "Цветка Хлопка" Магнолия наблюдала толпу, ожидавшую открытия "Черного Алмаза". Когда Большой Уайн распахнул двери, толпа отхлынула, а великан-хозяин направился к берегу с ключом в высоко поднятой руке. Подойдя к реке, он бросил этот ключ в желтые воды.

Магнолия смотрела, училась, запоминала. Ей случалось видеть много грубого, жестокого, но также и прекрасного, яркого. Она знала смерть доблестную и смерть низкую. Она проплывала мимо громадных полей, засеянных пшеницей и маисом, мимо фруктовых садов, хлопковых плантаций, девственных лесов. Жизнь на реке текла так же переменчиво, как сама река. Пароходы. Остановки. Ход назад. Важные пакетботы. Гонки, часто кончавшиеся катастрофой и смертью. Угольные баржи. Целые флотилии плотов. Сплавной лес. Сплавляя лес по Огайо, широкоплечие, мускулистые сплавщики пели, сгибаясь и выпрямляясь в такт песне. Док выучил Магнолию словам этой песни, и, издали завидев гребцов, девочка начинала петь тоже, очарованная мрачным и вместе с тем бодрым напевом:

Вышла река
Из своих берегов,
Ветер бушует над ней!
Каждый из нас к смерти готов,
Но все же -- гребите скорей.
Вниз по реке.

Вниз по реке.
Вниз по О-гай-о!
Вниз по реке,
Вниз по реке,
Вниз по О-
гай-
о!

Три медленных взмаха веслами служили аккомпанементом трем последним протяжным нотам. Магнолия очень любила эту песню. Док раскрыл ей тайну происхождения слова "Огайо". Когда-то на Огайо жили индейцы. Желая переправиться с одного берега на другой, они рупором прикладывали руки ко рту и звали товарищей с другого берега: "Огэ! О!"

-- Вы думаете, это правда? -- спрашивала девочка.

Дело в том, что миссис Хоукс называла все рассказы Дока глупыми побасенками.

-- Чего тут думать! Я знаю, что это правда. Руку готов отдать на отсечение!

Очень характерно, что Магнолия была влюблена именно в бурные и дикие реки. Иллинойс, который так очаровывал Тонти, Джолиэта, Маркетта и бесчисленное множество других путешественников, оставлял ее совершенно равнодушной. Его прозрачная вода, спокойное, ровное течение, зеленые холмы и чистенькие поля на берегах -- все это нагоняло на нее скуку. Когда "Цветок Хлопка" скользил по спокойным водам Иллинойса, она большей частью углублялась в какую-нибудь книгу.

-- Если бы мне предложили стать рекой, -- заявила девочка, -- я бы не хотела быть такой, как этот Иллинойс. Мне бы хотелось быть Миссисипи.

-- Почему? -- спрашивал капитан Энди.

-- Потому что Иллинойс всегда одинаковый, а Миссисипи всегда разная. Она, как человек, про которого никогда не знаешь, что он сейчас сделает. Это гораздо интереснее.

Когда "Цветок Хлопка" останавливался где-нибудь и Магнолия сходила на берег, ее спутником большей частью бывал Док. Он знал решительно все. Голова его была набита рассказами о речных пиратах и искателях приключений. Чаще всего возвращался он к истории кровожадного и хищного Мюрреля, который, не довольствуясь грабежом и разбоем, сдирал со своих жертв кожу, четвертовал их и в таком виде бросал в реку.

-- О Боже! -- восклицала Магнолия, поглядывая с некоторым отвращением на воду. -- А каков он был собою? Вроде Стива в роли Легри?

-- Он совсем не был похож на висельника. Большой частью он разгуливал в одеянии пастора, ездил из города в город и читал проповеди. Язык у него был прекрасно подвешен. В то время как глупая паства внимала ему, разинув рот, и углублялась в мысли о спасении души, молодцы Мюрреля уводили из города всех лошадей.

Следовал рассказ о попытке Мюрреля захватить Новый Орлеан и поднять восстание негров. Док говорил не об одном Мюрелле. Он рассказывал

также о Криншоу, больше известном под кличкой "Ястреб", и о Мейсоне, грозе Натчеца. Во время вылазок на берег Док показывал девочке пещеры, в которых когда-то жили пираты, заброшенные кладбища, всевозможные тайные убежища в лесу. Они посетили тайник Сэма Грити и видели знаменитый железный котел, наполовину зарытый в каменистую почву, в котором Сэм прятал награбленные сокровища. Это был громадный, но обыкновенный котел, вроде тех, которые употребляются для кипячения белья при стирке. Впоследствии, когда Магнолии случалось видеть подобные котлы на кухнях, мурашки восторга пробежали по ее спине. Такие впечатления и не снились маленьким девочкам ее возраста, читающим одни лишь нравоучительные книжки.

Доку доставляло такое же удовольствие рассказывать все эти кровавые легенды, как Магнолии -- их слушать. В то время как он говорил, его резко очерченное лицо беспрестанно меняло выражение. Недаром он когда-то был актером. Втроем -- он, Магнолия и его старый, толстый, белый с черными пятнами терьер Кэтчим -- они использовали все леса, города, холмы, поля и кладбища между Каиром и Мексиканским заливом.

Иногда, весною, девочка совершала прогулки с Джули. Элли вообще никогда не гуляла и часто по целым дням не покидала "Цветок Хлопка". Она была очень кокетлива и чистоплотна. Почти ежедневно она занималась стиркой чулок и носовых платков. Искусная рукодельница, она умела смастерить бальное платье из метра атласа, кусочка тюля и каких-нибудь лент. Она никогда не читала. Постоянная возня Элли раздражала Джули. Элли, в свою очередь, злила вечная праздность Джули.

-- Ну скажите на милость, Джули, как вы можете сидеть так, сложа руки и уставившись на эту скучную реку? Видеть я этого не могу! Честное слово, вы когда-нибудь помешаетесь.

-- А что мне делать, по-вашему?

-- Мало ли что! Для начала заштопайте, например, ваш чулок.

-- Только для начала! -- говорила миссис Хоукс, когда ей приходилось бывать свидетельницей подобного разговора.

Взгляд Джули равнодушно скользил по длинной, стройной ноге в рваном башмаке.

-- Разве у меня на чулке дырка?

-- Да, дырка! И вы отлично знаете это, Джулия Дозье! Она была уже вчера!

Джули улыбалась своей прелестной улыбкой.

-- Знаю! Но я твердо надеялась, что ее сегодня не будет. Проснувшись утром, я подумала, что, может быть, добрые феи догадались заштопать ее ночью.

Голос Джули был такой же томный, как она сама. Она говорила нараспев, с сильным южным акцентом.

Слушая Джули, Магнолия улыбалась. Она боготворила Джули. Ослепительно белая кожа и прекрасные голубые глаза Элли вызывали в ней просто восхищение -- смуглой черноволосой девочке красивая актриса казалась сказочной принцессой. Но симпатии между ними не было. В

минуты плохого настроения Элли часто называла Магнолию "исчадием ада". Вместе с тем явное восхищение девочки, несомненно, льстило ей. Но она никогда не позволяла ей надевать свои старые костюмы. Элли искренне считала себя великой актрисой, талант и красота которой, словно жемчужина, погребенная в речном иле, гибнут из-за разини-мужа. Несмотря на прекрасные внешние данные, она пользовалась сравнительно небольшим успехом у мужчин. Как это ни странно, им нравилась гораздо больше Джули, не прилагавшая к этому никаких стараний. В ее усталом лице, печальных глазах, в ее томности, в безыскусственности ее манер и даже в небрежности ее туалета было что-то притягивающее. Стив сильно ревновал ее. В плавучем театре частенько говорили о том, что Пит, машинист на "Молли Эйбл", он же барабанщик, безумно влюблен в Джули и хочет во что бы то ни стало отбить ее у Стива. Он постоянно провожал ее в город, ходил за ней как тень по "Цветку Хлопка" и болтался за кулисами. Он часто делал ей подарки: искусственные украшения, пестрые носовые платки, шкатулочки. Она все это дарила Кинни. Мирок, в котором они жили, был настолько невелик, что Пит скоро узнавал о судьбе своих подарков.

Однажды между Стивом и Питом произошла драка, внезапная и грубая. Проклятия во мраке ночи... зловещий шепот... тишина... глухой удар... громкое, прерывистое дыхание... пронзительный крик боли, ужаса, бешенства. Пит за бортом и барахтается в быстром течении Миссисипи.

Он был хорошим пловцом, но все-таки спасти его было нелегко. Хорошо еще, что "Молли Эйбл" и "Цветок Хлопка" стояли на якоре. Разбитый и продрогший, вернулся Пит в машинное отделение. Прикладывая примочки к ушибленным местам и просушивая перед огнем мокрую одежду, он клялся отомстить Стиву в выражениях, до смешного похожих на те, которые ему часто приходилось слышать во втором акте одной из пьес репертуара плавучего театра. С этого дня он не смел больше открыто ухаживать за Джули, но продолжал потихоньку угрожать ее мужу. Стив запретил жене сходить на берег одной.

Весною, когда между темными стволами сосен и елей белели подснежники, напоминающие веселый свадебный кортеж среди колонн громадного мрачного собора, Джули надевала шляпу с опущенными полями и уходила с Магнолией в лес за цветами. На некотором расстоянии от берега, кроме ив, дубов и вязов, растущих у реки, им попадались и другие виды деревьев. Первыми расцветали опаловые гвоздики и жимолость. Осенью Джули и Магнолия собирали орехи. Грецкие, конечно, им и в голову не приходило трогать. Каждый, хоть немного поживший на реке, знал, что они обладают свойством притягивать непогоду. Иногда им случалось находить необыкновенной красоты голубой цветок, и тогда Магнолия чувствовала себя счастливой.

Уход Джули и Магнолии с парохода сопровождался обыкновенно хором наставлений и критических возгласов.

Роль запевалы брала на себя миссис Хоукс:

-- Изволь надвинуть шляпу на глаза, Магнолия. Иначе, того и гляди, схватишь солнечный удар. Ты и так достаточно черна! Не смей бегать. Не смей есть никаких ягод и вообще ничего не бери в рот... Возвращайся к четверем, не позже... Ядовитые растения... змеи... непроходимая чаща... цыганки.

Ей вторила Элли, прятаясь в тень и большей частью занимавшаяся маникюром:

-- Джули! У вас разорвана юбка! Поправьте волосы! Нет, с другой стороны.

Джули и Магнолия спускались на берег, проходили через маленький городишко и углублялись в лес. Отойдя на почтительное расстояние от "Цветка Хлопка", они оглядывались и, убедившись, что с парохода их не могут увидеть, не говоря ни слова, снимали шляпы и поворачивались друг к другу лицом. Лицо Джули освещалось мягкой улыбкой, и на смуглом, резком, словно вылитом из бронзы лице Магнолии тоже зажигалась улыбка, сразу преображавшая ее и делавшая неожиданно красивой. Джули подкалывала булавками свою длинную юбку. Подняв таким образом знамя восстания, они весело шли дальше и возвращались разгоряченные, потные, в разорванных платьях, грязные, с охапкой цветов и гораздо позже указанного срока. Ворчание Парти Энн и упреки Стива обе выслушивали с веселым равнодушием.

Иногда Магнолия ездила с отцом и Доком в селения, расположенные далеко от прибрежной полосы. Капитан Энди сам делал закупки провизии. Он любил хороший стол, считал, что вкусная пища -- необходимое условие удачи, охотно говорил о еде и, подобно многим морякам, сам был отличным кулинаром. В чтении поваренной книги он находил большое удовольствие. Ему, а не Партинье, был обязан "Цветок Хлопка" славой судна с первоклассным столом.

Магнолия любила большой низкий камбуз. Здесь можно было научиться многому. Джо рассказывал ей негритянские легенды. Кинни учила ее стряпать. Много лет спустя, Ким Равенель, знаменитая актриса, подавала на своих субботних вечеринках ветчину "а ля Кинни".

Камбуз был перегороден пополам деревянным брусом в шесть дюймов вышиной и приблизительно такой же ширины. Джо и Кинни привыкли справляться с этим препятствием -- Кинни перепрыгивала через брус грузно, а Джо без всякого усилия. Магнолии он служил скамейкой. Обхватив руками коленки, она внимательно следила за всем большими глазами. Здесь было чисто светло, уютно. Джо сидел, скрестив ноги и зацепившись одной из них за перекладину стула. На его коленях покоилось банджо. Поверхность инструмента, когда-то белая, была теперь так же черна, как лицо Джо. Это объяснялось тем, что он очень часто держал ее в своих грязных руках.

-- Что вы хотите, чтобы я спел, мисс Магнолия?

-- "У меня есть башмаки", -- не задумываясь ответила Магнолия.

Джо откидывал назад голову, закрывая свои темные глаза и начинал петь.

Вся тоска босоногой, полураздетой и притесняемой расы выливалась в трагически-наивных словах о башмаках, белых платьях и крыльях.

-- А теперь что?

Пальцы Джо еще перебирали струны.

-- "Сойди на землю, Моисей".

Магнолия любила эту песню -- самую патетическую и жалобную из всех негритянских народных песен того времени, любила ее за то, что она всегда вызывала у нее слезы. Иногда Кинни, стоя у плиты или кухонного стола, присоединяла к пению Джо свой высокий сильный голос. У Джо был тенор непередаваемого характерного негритянского тембра. Магнолия выучила все песенки из его репертуара. Совершенно бессознательно подражая Джо и Кинни, она слегка откидывала голову назад, закатывала или щурила глаза и одной ногой отбивала такт. Голосок у нее был маленький, но слух хороший. Со временем она приобрела свойственную неграм бархатистую сдавленность на верхних нотах.

Глубокая и верная взаимная привязанность Джо и Кинни носила порой весьма воинственный характер. Можно было усомниться в законности связующих их уз, но не в их прочности. По окончании сезона они покидали плавучий театр с тремястами долларов в кармане, и тотчас же Кинни покупала новый ситец на платье, Джо приобретал новую каламянковую блузу, и оба обзаводились башмаками и шляпами. К началу сезона они возвращались в театр без гроша, в лохмотьях и слегка навеселе. Тем не менее они были очень довольны проведенной зимой. На "Цветке Хлопка" они никогда не употребляли спиртного. Но осенью снова возвращались к старым привычкам. Капитан Энди любил их и доверял им.

На кухне плавучего театра увлеченные песней черный мужчина, черная женщина и белая девочка переживали втроем глубокую радость. Вдруг раздавалось хлопанье дверьми. Быстрые, тяжелые шаги... Все трое нервно вздрагивали. Появлялась Парти.

-- Ты играла гаммы, Маджи Хоукс?

-- Немножко.

-- Сколько времени?

-- Полчаса. Может быть, больше.

-- Когда?

-- Утром.

-- Я тебя не слышала.

Девочка закусывала губы. Высокий лоб ее нахмурился. Кончено пение! Очарование нарушено!

-- Я играла. Джо, ты слышал, как я играла?

-- Конечно, слышал, мисс Магнолия.

-- Убирайтесь-ка отсюда, сударыня, и поиграйте еще полчаса. Может быть, ты воображаешь, что у твоего отца монетный двор? Мы не настолько богаты, чтобы платить Джорджу по пятнадцать центов в час ни за что ни про что.

Магнолия уходила. Выйдя из кухни, миссис Хоукс считала своим долгом высказать дочери свое мнение о ее любимцах:

-- Я совершенно не понимаю, чем ты руководишься в своих симпатиях. Белые для тебя недостаточно хороши, что ли? Зачем ты вечно торчишь на кухне с этими чернокожими? Ну, усаживайся скорей.

Магнолия училась музыке. Преподавателем ее был Джордж, пианист в оркестре плавучего театра, в круг обязанностей которого входило приведение в действие сирены на "Молли Эйбл" (без добавочного вознаграждения) и обучение дочери капитана (за вышеупомянутое вознаграждение). За старым роялем, стоявшим в оркестре, Магнолия упражнялась ежедневно -- маленькая худенькая, дышащая возмущением фигурка, затерянная в пустоте большого театрального помещения. Она была принуждена играть урывками, в те моменты, когда артисты не репетировали пьесы, а музыканты не готовились к очередному концерту. Как это ни невероятно, она все-таки развилась музыкально, хотя и не приобрела хорошей техники. У нее было врожденное чувство ритма, очень развившееся благодаря Джо, у которого, несомненно, были большие способности.

Родись он на пятьдесят лет позже, из него мог бы выйти певец, которого носили бы на руках в ночных кабачках Бродвея. Разумеется, Магнолия гораздо большему научилась у черного Джо и других негров, чем у бездарного Джорджа, начисто лишенного какого бы то ни было музыкального чутья.

Тот факт, что миссис Хоукс удалось внести в безалаберную жизнь плавучего театра нечто столь убийственно размеренное и скучное, как упражнения для пяти пальцев, служит несомненным доказательством ее административных способностей. В сущности, судьба зло посмеялась над ней, сделав ее женой и матерью. Она родилась, чтобы быть председательствующей. Ее родной стихией должны были бы быть избирательные собрания, предвыборная агитация, общественная жизнь, всевозможные комиссии. Парти Энн никогда не слыхала слова "феминистка", а если бы ей разъяснили это слово, она глубоко возмутилась бы. В то время говорили не о правах женщин, а об обязанностях их. Партия частенько произносила разгромные тирады на эту тему. За отсутствием предохранительного клапана, она отдавала всю свою неисчерпаемую энергию "Цветку Хлопка".

Будучи искусной рукодельницей, Парти Энн часто помогала Джули, Элли и миссис Минс. Когда, склонив свое суровое, неподвижное лицо над грудой весьма легкомысленного тряпья, она быстро работала иглой, вид у нее был очень странный. Натура абсолютно негибкая, она сама чувствовала это.

-- Если бы мне сказали, что я доживу до того, что буду шить костюмы каким-то комедиантам.

-- Брось, Парти! Ты любишь все это, -- отвечал Энди.

Она ни за что не хотела это признать.

-- Люблю или ненавижу, это другой вопрос. Просто я твоя жена и обязана быть с тобою и в хорошем, и в дурном.

Тон, которым она произносила эти слова, ясно свидетельствовал, что брак с Энди привел ее к дурному, а не к хорошему. А на самом деле она жила такой богатой, беззаботной и разнообразной жизнью, которая ей никогда и во сне не снилось и в которую она втайне была просто влюблена.

Неизбежное мало-помалу свершилось. Легкая и беспечная жизнь, постоянное общение со своеобразными и странными людьми -- все это постепенно наложило свою печать даже на нее. Привычки учительницы мало-помалу выветривались. Правда, Парти все еще суежилась и придиралась, ворчала и ругалась, командовала всеми и упрекала всех. Она сохранила способность доводить капитана Энди до иступления и занимала на судне исключительное положение. Только Джули Дозье и Уинди, штурман с "Молли Эйбл", посмели вступить в борьбу с ней. Впрочем, победа Джули была в ее непоколебимой пассивности и праздности. Она никогда не заговаривала с миссис Хоукс, которую особенно бесило то, что Джули оставалась томной, беспечной, ленивой и праздной, в то время как Парти Энн считала ее обязанной что-то делать. Парти злилась, когда в ответ на ее колкие замечания Джули ограничивалась тем, что насмешливо поднимала правую бровь. Миссис Хоукс страшно раздражали беспорядок, всегда царивший в маленькой каюте Джули, томный вид изящной актрисы и неряшливость ее туалета.

-- Ручаюсь, что ты держишь у себя эту желтоглазую кошку только для того, чтобы бесить меня, Хоукс!

-- Она лучшая актриса из всех, каких я знаю.

С удивительным чутьем капитан Энди подметил то внутреннее пламя, которое могло бы осветить жизнь Джули ярким светом, если бы не спалило ее.

-- Она могла бы далеко пойти. В Нью-Йорке я видел ее у Уоллека и Дэли.

-- Шлюха, вот она кто! Будь моя воля, она немедленно убралась бы отсюда со всем своим скарбом.

-- К сожалению, на этот раз по-вашему не будет, миссис Хоукс!

Чувствуя антипатию Партины, Джули иногда злила ее нарочно.

Борьба Уинди с Партиней окончилась весьма драматично. Вначале его оборонительные методы были очень схожи с методами Джули: во время стычек он тоже умел сохранять насмешливое спокойствие. Уинди слыл одним из лучших штурманов на Миссисипи. Он знал малейшие излучины причудливой желтой змеи. Его имя было на реке символом искусного управления судном. Беззвездные ночи и туманные дни, глубокие места и мели -- все было ему нипочем. Хотя он был старше Энди на пятнадцать лет, они были давнишними и близкими друзьями. Капитан Энди глубоко уважал его за профессиональное мастерство и за молчаливость (сам он был болтлив, как сорока). Они просиживали целыми часами на крыше спокойной, светлой рубки, беседуя между собой. На "Молли Эйбл" и "Цветке Хлопка" Уинди имел неограниченную власть. Никому, кроме, конечно, Парти Энн, не пришло в голову задирать его. Штурман был неряшлив и плохо одет. Поселившись на "Цветке Хлопка", миссис Хоукс задумала излечить его от этих недостатков. Но ей суждено было потерпеть

в этом благом намерении быстрое и решительное поражение, навсегда отбившее у нее охоту пытаться перевоспитать мрачного штурмана.

Башмаки Уинди были всегда грязны. Ему необычайно везло в этом отношении. Он даже оказывал большую услугу окрестным фермерам. Стоило ему выйти погулять в период засухи, как начинался проливной дождь. С этих прогулок он возвращался в таком виде, словно вся грязь, какая только встречалась ему на пути, приставала к его тупоносным штиблетам.

Это был высокий, очень худой человек, длинные мускулистые руки которого совсем огрубели и покрылись мозолями от почти полувекового стояния за штурвалом. Брюки его были всегда засалены и потерты, серая рубашка всегда в пятнах, а коричневая фуфайка -- всегда разорвана. На груди он носил тоненькую цепочку, имитирующую якорную цепь. Сквозь его пожелтевшую от табака длинную, шелковистую бороду, посверкивала, точно звезда сквозь тучу, молочно-розовая жемчужная запонка. Должно быть, он выиграл ее когда-то в одном из прибрежных кабачков. Не могло быть сомнений в том, что эта драгоценность знала лучшие времена.

Этому молчаливому и гордому владыке рек Партияня вздумала объявить войну.

-- Вечно бродит взад и вперед по палубе и плюет свою мерзкую жвачку! Всюду оставляет следы своих грязных лап. Настоящий слон, только что побывавший в болоте! Сколько бы раз я ни заставляла чистить ступеньки, ведущие к рубке, толку из этого никакого! Вот, полюбуйся! Я не намерена терпеть это! Почему он не желает пользоваться боковой лестницей, по которой всегда ходят штурманы? Для чего, спрашивается, она существует в таком случае?

-- Но, Парти, не можешь же ты требовать, чтобы все здесь плясали под твою дудку! Судно -- не кухня в Фивах. Уинди -- не первый встречный. Это лучший штурман на Миссисипи, и я счастлив, что он служит у меня. Не забудь, что он много раз проводил нас через такие места, где всякий другой застрял бы.

-- Грязный старикашка! Я не желаю, чтобы он оставался тут пачкать мою чистую...

Парти была не из тех, кто воюет одними только словами. Она всегда приводила в исполнение свои угрозы. Однажды утром, незадолго до того как "Цветок Хлопка" должен был отчалить от Гринвилла, где накануне вечером был спектакль, эта решительная особа, вооружившись молотком и гвоздями, воспользовалась отсутствием Уинди и стала заколачивать тот трап, по которому, как она полагала, штурман не должен был ходить. Десять длинных, толстых, крепких гвоздей вколотила она в дверцу. К сожалению, никто не видел ее. Непобедимая и добродетельная амазонка в папилютках, увлеченная вколачиванием гвоздей, являла собою безусловно замечательное зрелище.

Между тем на палубе появился Уинди. Он вытряхнул пепел из трубки, положил в рот изрядную порцию табака и направился к рубке. Ему пора

было приступить к исполнению своих обязанностей и передать ряд распоряжений Питу, в машинное отделение.

За ним, разумеется, потянулись грязные следы. Он подошел к трапу. К его великому удивлению трап оказался заколоченным. Он попробовал открыть дверцу... Пустил в дело кулак... Нажал плечом.

-- Заколочена! -- коротко произнесла Парти, как будто разговаривая сама с собой.

И так же коротко добавила:

-- Старый черт!

Уинди плюнул и тихонько пошел назад. Он подошел к борту и добродушным взглядом окинул толпу, собравшуюся посмотреть на отплытие плавучего театра. Потом пересек палубу и направился к большому, мягкому, удобному креслу, как будто приглашавшему его к себе. Со вздохом облегчения он опустился в это кресло, вынул из кармана трубку, наполнил ее, умял табак, поднес к нему спичку... Из другого кармана он достал старый номер "Демократической газеты", нашел отдел, озаглавленный "Новости судоходства" и углубился в него, по-видимому, надолго.

Якорь подняли. Приняли на борт швартовы. Звякнула цепь. Сняли сходни. Раздались крики, обычно сопровождающие отплытие судна:

-- Выбирай! Поднимай! Эй, Пит! Помоги-ка! Теперь налево! Правым бортом! Держи! Отпускай!

Лица зевак, стоявших на берегу, выжидательно уставились на пароход. Все было готово. Пит -- в машинном отделении. Капитан Энди -- на мостике. Тишина. Гудков нет. Пара нет. Никто не командует Великий Боже! Да где же Уинди? Уинди! Уинди!

Уинди опустил газету и спокойно посмотрел на мечущегося во все стороны капитана, на пораженный экипаж и озадаченных актеров. На его красноватом, типично библейском носу крепко сидели очки в серебряной оправе. К нему бросился Энди. Потом дамы, щебеча, окружили его.

-- Во имя неба, Уинди, что случилось? О чем вы думаете? Мы же должны...

Уинди пожевал табак, выплюнул длинную струю коричневой слюны, вытер заскорузлой рукой рот.

-- Мы не отплывем, капитан Хоукс. Судно не может отчалить, пока я не скажу "ход вперед". А я этого не сказал. Я -- штурман на этом пароходе.

-- Но в чем дело? Почему? Поче...

-- Трап, по которому я имею обыкновение подниматься в рубку, заколочен. Пока его не откроют, я не пойду вверх. А пока я не пойду вверх, я не скажу "ход вперед". А пока я не скажу "ход вперед", пароход не сдвинется с места, даже если мы простоим у этой пристани до тех пор, пока он не сгниет.

Он спокойно посмотрел кругом и снова погрузился в чтение "Демократической газеты".

Ругательства, упраздненные за время владычества Партины, сверкающим гейзером хлынули из уст Энди. Слова всплывали на

поверхность и взрывались, как ракеты фейерверка. Двадцать пять лет жизни на реке выучили его богатому, разнообразному, красочному языку. Он не забыл ни небо, ни землю. От возмущения и бешенства его нервное маленькое тело буквально тряслось. Все те годы, что он был под башмаком, все те годы, когда ему приходилось обуздывать свою природную жизнерадостность, все те годы, когда он должен был следить за каждым своим движением, все те годы, когда он молчал, между тем как ему хотелось петь, все эти годы были как будто сметены бурей бешенства, охватившей капитана Хоукса. Хлынули реки, потоки, целые Миссисипи ругательств, в которых проклятья и упоминания чертей были только каплями в бушующем море.

-- Тащите сюда лом! К черту дверь! Я капитан на этом корабле! Даю слово, что всякий, кто бы он ни был, мужчина или женщина, всякий, кто вздумает заколачивать без моего разрешения трапы, тотчас же будет выгнан с парохода.

Читатель думает, может быть, что Партия Энн Хоукс задрожала, вскрикнула, побледнела под этим ослепляющим взрывом ругани? О, нет! Само олицетворение оскорбленной невинности (в папильотках!), она с достоинством отступила с потерянных позиций.

-- Нечего сказать, капитан Хоукс, хороший пример вы даете вашим актерам и матросам!

-- Молчала бы уж лучше! Позвольте вам сказать, миссис Хоукс, что чем меньше вы будете говорить, тем будет лучше! И повторяю -- если кто-нибудь посмеет тронуть эту лестницу...

-- Тронуть? -- В голосе Парти было ледяное презрение. -- Да если бы меня и попросили об этом, я не дотронулась бы ни до рубки, ни до вашего штурмана даже палкой, не то что руками!

Парти потерпела поражение, но не сдалась.

Глава седьмая

Нет больше Джули на "Цветке Хлопка". Нет и Стива. Жизни Магнолии коснулась трагедия и набросила свое мрачное покрывало на "Цветок Хлопка".

Верный своему обещанию, Пит отомстил. Но едва ли торжество показалось ему особенно сладким. На его запачканном сажей лице, выглядывавшем из машинного отделения, не видно того спокойствия, которое является естественным следствием удовлетворенного желания. Руки его, так весело бившие палочками по барабану, стали теперь вялыми. И барабан, как это ни странно, издает теперь унылые звуки.

Однажды, в тот день, когда "Цветок Хлопка" должен был давать представление в Лемойне, Джули Дозье заболела. В плавучем театре, как, впрочем, и во всех театрах на свете, существует неписанный закон, по которому актер не имеет права быть больным настолько, чтобы оказаться не в силах играть. Он может плохо себя чувствовать перед началом спектакля, он может еле стоять на ногах, может тотчас же по его окончании

упасть в обморок. Ему даже позволено умереть на сцене -- в таких случаях опускают занавес. Но никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах настоящий актер не признается в том, что не в состоянии играть, когда оркестр замолк и свет в зале потушен.

Джули знала это. Она работала в плавучих театрах много лет и изъездила все реки Запада и Юга. Лемойн был богатым многонаселенным городом.

Наглухо задвинув занавески, Джули лежала в постели и отказывалась от всего, что ей предлагали. Аппетита у нее не было. Она отказывалась от холодных компрессов на голову. Она не хотела грелок. Она хотела только одного -- чтобы ее оставили наедине со Стивом. Когда кто-нибудь из членов труппы входил в темную комнату с предложением своих услуг, на лицах Джули и Стива появлялся страх, тотчас же сменявшийся выражением облегчения, как только они оставались одни.

Кинни подослала к больной Джо с тарелкой бульона, который, по ее мнению, был хорошим лекарством от всех болезней. Джули притворилась, что ест его. Но как только Джо ушел на сцену, Джули сделала знак Стиву, и он вылил содержимое тарелки в желтые воды Миссисипи.

Был еще только двенадцатый час дня, когда в дверь Джули в десятый раз постучал Док.

-- Будете ли вы в состоянии играть сегодня, Джули?

Черные глаза Джули ярко блеснули в темноте. Она приподнялась на постели и таким резким движением откинула со лба волосы, что старый актер немного удивился.

-- Нет! -- крикнула она с каким-то ужасом в голосе. -- Нет! Я не буду играть сегодня! Не спрашивайте меня ни о чем.

Удивление Дока было так велико, что он даже растерялся. В течение всей своей, уже довольно долгой жизни он никогда не слышал о том, чтобы за целых десять часов до поднятия занавеса актриса объявила, что не будет в состоянии играть. Если бы ей еще грозила казнь или, по крайней мере, ампутация!

-- Господи Боже мой, Джули! Если вы так больны, то вам следует немедленно вызвать доктора. Как по-вашему, Стив?

Белокурый гигант сидел на кровати. Он не повернул головы в сторону Дока. Глаза его были устремлены на лицо Джули.

-- Джули не признает никаких врачей. Она не хочет звать доктора. Не приставайте к ней. Вы только расстроите ее.

Недостаточно знакомый с женскими причудами, Док совсем ошалел. В это время в дверях появился Шульци.

-- Знаете, Джули, происходит что-то странное. Наверное, у вас в этом городе есть поклонник. Кто-то украл вашу фотографию. Да, ту, что висела в фойе. Сперва я подумал было, что ее стащил этот полоумный Пит. Ну, ну, Стив! Умерьте ваши страсти! Признаться, я даже прямо спросил его, не он ли сделал это. Но он очень удивился. Он ведь слишком неопытный актер, чтобы провести меня. Должно быть, это не он, а кто-нибудь из жителей Лемойна. Я уже повесил в фойе другую фотографию.

Он замолчал и задумался. В это время в шляпке и перчатках в комнату впорхнула Элли.

-- Я в город, Джули. Не принести ли вам чего-нибудь? Хотите апельсин? Может быть, вам нужно лекарство?

Джули отрицательно покачала головой.

-- Нет, спасибо. Она ничего не хочет, -- ответил за нее Стив.

Казалось, оба были чем-то взволнованы. Все трое посетителей почувствовали это. Элли пожала плечами и вышла. Док все еще не мог прийти в себя. Шульци направился к дверям.

-- Надеюсь, вам станет лучше к вечеру, -- беспечно сказал он.

-- Она говорит, что не будет играть сегодня, -- заметил Док, понижая голос.

-- Как не будет? -- повторил Шульци. Голос его вдруг сделался резким. - Не может быть, чтобы она была настолько больна!

Из маленькой комнаты Джули голос Шульци пронесся через пустую сцену и пустой зал на противоположный конец судна, к каске, у которой как раз стояла Парти, пришедшая на смену капитану Хоуксу.

-- Послушай-ка, капитан! Джули больна. Так больна, что не встает с постели. Она говорит, что не будет...

-- Есть! -- кратко ответил Энди.

Оставив кассу на попечение Партины, он легкими быстрыми шагами, похожими на бег, прошел по палубе и одним прыжком очутился на сцене.

-- Предварительная продажа билетов идет великолепно. Мы играем в этом городе первый раз. До сих пор мы не играли тут, так как разрешение на право давать спектакль стоило слишком дорого. Еще нет двенадцати, а половина билетов уже продана.

Капитан Энди заглянул в полутемную комнату.

Из теплого гнездышка старой муфты торчала трагическая маска обезьянки; зверек плакал, как больное дитя. В это утро было какое-то странное сходство между бледным измученным лицом Джули, лежащей на подушках, и темноглазой мордочкой обезьянки.

У дверей комнаты Джули собралась целая компания. Миссис Минс усиленно рекомендовала горчичники и какое-нибудь потогонное средство. Капитан Энди вошел в комнату с развязностью старого друга и внимательно посмотрел на лицо больной. Острый взгляд его глубоко проник в измученные глаза, жалобно устремленные на него. Он увидел в них нечто такое, что заставило его тотчас же подойти к кровати и положить свою коричневую и не совсем чистую лапу на тонкую смуглую ручку, нервно теребившую одеяло.

-- Как дела, Джули?.. Может быть, публика соблаговолит очистить помещение и оставит меня одного с Джули и со Стивом? Нам надо потолковать кое о чем. К тому же эта массовая сцена едва ли может способствовать выздоровлению больного человека. Ну, брысь!

Энди умел отличать нравственные муки от физических.

Док, Элли, Шульци и миссис Минс собрались уходить. Еще несколько мгновений, и они бы ушли. Но судьба в лице Парти решила иначе.

Раздираемая внутренней борьбой между долгом, удерживавшим ее в кассе, и женским любопытством, подзадоривавшим ее пойти и узнать, что творится в комнате Джули, она дала восторжествовать в себе женскому началу. К тому же у нее была прекрасная память. Партия вдруг вспомнила одно обстоятельство, которое, по ее мнению, могло разъяснить очень многое. Опустив окошечко кассы и закрыв ее на ключ, она понеслась к комнате Джули. У самых дверей она услышала, как Док говорил:

-- Если человек болен настолько серьезно, что не может играть, то к нему следует немедленно вызвать доктора. Завтра нас ждут в Ксине. Хорошенькое положение!

-- Я буду играть завтра! -- воскликнула Джули. Голос ее звучал надрывно. -- Я буду играть завтра. К завтрашнему дню я буду здорова!

-- Как вы можете заранее знать это? -- спросил Док.

Стив бросил на него взгляд, полный отчаяния:

-- Она будет здорова, уверяю вас. Она поправится, как только мы уедем из этого города.

-- Удивительно! -- громко заявила Парти Энн, протискиваясь через кучку гостей. -- Весьма удивительно!

-- Что? -- спросил Стив враждебным тоном. -- Что тут удивительного?

Капитан Энди сделал попытку успокоить готовые разыграться страсти:

-- Брось, Парти! Тихо!

-- Не затыкай мне рот, Хоукс! Я знаю, что говорю! Я раскусила, в чем тут штука! В прошлом году, когда мы стояли в этом самом Лемойне, Джули тоже изволила болеть. И как только ты решил, что в этом городе слишком дорого дерут за право давать спектакль, она внезапно выздоровела!

На минуту в маленькой группе у дверей воцарилась тягостная, мертвая тишина.

-- Ничего удивительного тут нет! -- решительно сказал Энди, внимательно глядя на бледное лицо Джули. -- Резкий переход от северных холодов к жаркому климату очень вреден для здоровья. Даже на меня это действует.

Он нервным движением схватился сперва за правый бакен, потом за левый.

-- Может быть, я многого не понимаю... -- начала было Парти Энн.

В эту минуту раздался высокий, пронзительный, взволнованный голос Магнолии:

-- Мама! Мама! Фотография Джули опять исчезла из фойе! Джули, вашу карточку опять украли! Вторую, ту самую, которую только что повесил Шульци!

Она сообщила эту печальную новость очень радостным тоном. Но радость угасла на ее лице, когда она увидела Джули, лежавшую на постели, и, посмотрев на остальных присутствующих, заметила их серьезность. Она подбежала к кровати:

-- О Джули! Дорогая, мне так грустно, что вы расхворались!

Не глядя на ребенка, Джули повернулась лицом к стене.

Притворяясь рассерженным, капитан Энди грозно посмотрел на группу посетителей, к которым присоединились полные сочувствия мистер Минс и толстый Ральф:

-- Неужели мне придется употребить физическое воздействие, чтобы прогнать вас отсюда? Как будто бедняжка уже не имеет права заболеть! Док и Парти идите в кассу. Да поскорей! Мы должны сообщить, что сегодняшний спектакль не состоится. Составьте соответствующее объявление, Ральф. Надо будет вывесить его у почты... Вы уверены, Джули, что не будете в состоянии играть сегодня? -- Он вопросительно посмотрел на Джули.

Быстрым гибким движением Джули бросилась в объятия Стива и, плача, прижалась к нему.

-- Да! -- крикнула она истерическим голосом -- Да! Да! Да! Оставьте меня в покое! Оставьте меня в покое!

-- Хорошо, -- ответил Энди, поворачиваясь к остальным. -- Вас оставят в покое, Джули.

Но злая судьба, уже наметившая себе жертву и в течение всего утра подбиравшаяся к ней и посылавшая к ней посла за послом, из которых каждый только увеличивал ее и без того сильное смятение, направила к ней штурмана Уинди. Бородатый, мрачный, с тяжелой поступью, он казался олицетворением Рока. Все присутствующие машинально повернули к нему головы, как статисты в плохо поставленной массовой сцене.

Уинди проходил через сцену. Топ! Топ! Топ! Глаза Парти Энн невольно устремились на пол в поисках грязных следов, которые он всегда оставлял за собой. Возмущенный возглас сорвался с ее губ.

Приблизившись к двери комнаты Джули, Уинди снял фуражку и вытер со лба пот -- несомненный признак сильного душевного волнения. Лицо штурмана, озаренное лучами полуденного солнца, падавшими через высокое боковое окно, сделалось совсем бронзовым.

На пороге он несколько мгновений простоял неподвижно, жуя табак и мягко вглядываясь в теплый полумрак комнаты. Казалось, он не заговорит никогда. Артисты молча ждали. В течение стольких лет ежедневно играли они мелодрамы, что не могли не почувствовать той, которая разыгрывалась перед их глазами.

Наконец Уинди заговорил:

-- По-видимому, мерзавец Пит что-то замышляет.

Все молчали. Длинная борода, ставшая совершенно желтой от постоянного употребления табака, мерно колыхалась.

-- Час тому назад он бежал как сумасшедший по направлению к городу. Это он стащил фотографию Джули. Я видел. Я вообще многое вижу.

Грубо выругавшись, Стив вскочил на ноги.

-- Я убью этого...

-- Я знаю также, что первую фотографию взяли вы Стив.

Кровь, только что прихлынувшая к щекам Стива и вздувшая жилы на его затылке, теперь отхлынула. На взволнованном и бледном лице ярко горели синие глаза.

-- Я не брал ее! Я не брал ее!

Кутаясь в одеяло, Джули села на постели и громко рассмеялась:

-- Зачем бы он стал красть мою фотографию! Фотографию собственной жены! Вот глупость!

-- Никто не знает об этом, Джули, -- мягко сказал Уинди. -- Выслушайте меня. Вот уже пятьдесят лет, как я болтаюсь по рекам. Я вижу так же хорошо как в двадцать лет. Из своей рубки я только что видел на пристани Пита в сопровождении Айка Кипера. Аик -- местный шериф. Они шли сюда. Через несколько минут они будут здесь.

-- Пускай их! -- сказал Энди. -- Мы заплатили за право давать спектакль. Шериф или кто другой -- добро пожаловать.

Но никто не обратил внимания на его слова. Произошло нечто странное и ужасное. Джули соскочила с кровати. Она была в белой ночной рубашке, на плечи ее была накинута шаль, длинные, черные, растрепанные волосы спадали на ее лицо. Она тесно прижалась к Стиву. Послышался звук открываемой двери. Глаза Стива сразу погасли, лицо осунулось, он крепко сжал зубы и довольно грубым движением оттолкнул Джули. Он вынул из кармана большой складной нож. Блеснуло лезвие. Джули не издала ни звука. Но остальные женщины разразились отчаянными криками. Капитан Энди бросился к Стиву -- крохотный мышонок, вздумавший совладать с мастодонтом. Одним движением плеч Стив отшвырнул его в сторону:

-- Глупец! Я вовсе не собираюсь убивать ее. Идите прочь! Я знаю, что делаю.

Тяжелые шаги приближались.

-- Подите навстречу ему и приведите его сюда. Но задержите его хоть на минуту!

Никто не тронулся с места. Звук шагов стал громче. Шериф Аик Кипер шел по палубе.

-- Заставьте этих баб замолчать! -- крикнул Стив.

Потом повернулся к Джули.

-- Это не будет очень больно, дорогая.

С невыразимой нежностью взял он руку Джули и провел острием ножа по ее безымянному пальцу. На пальце появилась красная полоска. Тогда он склонил свою белокурую голову и, прижав губы к ранке, стал сосать ее. С легким стоном Джули опустилась на подушки. Стив закрыл нож и положил его в карман. Шаги шерифа Айка Кипера раздавались уже на сцене. Бледные лица актеров, толпившихся в комнате, -- встревоженные, удивленные, потрясенные -- повернулись от Джули и Стива к двери, которая вот-вот должна была открыться. Шерифа приготовились встретить гробовым молчанием. Даже Парти безмолвствовала. С широко раскрытыми глазами, ничего не понимая, но чувствуя в воздухе надвигающуюся грозу, Магнолия прижалась к матери.

В эту минуту подошел Аик Кипер. Фалды его сюртука развевались. На груди блестела звезда. Вся сцена напоминала обычную репетицию на "Цветке Хлопка".

-- Кто капитан этого судна?

Подергивая бачки, Энди выступил вперед:

-- Я капитан. Что вам нужно? Мое имя Хоукс Капитан Энди Хоукс. Я плаваю по этим местам уже лет двадцать.

Он был очень похож на шерифа из мелодрамы, этот Аик Кипер. Черные усы, широкополая черная шляпа, мягкий галстук и высокие сапоги. Сам Стив не лучше сыграл бы эту роль.

-- Ну, капитан, как это ни прискорбно, но я должен приступить к исполнению своих обязанностей. У вас на судне есть люди, виновные в кровосмешении.

-- В чем? -- шепнула Магнолия. -- Что это? Что это, мама?

-- Тсс! -- сказала миссис Хоукс, крепко сжимая ее руку.

-- Я вас не понимаю, -- заявил капитан Хоукс, уже сообразивший, в чем дело.

-- Кровосмешение. Негритянка, вышедшая замуж за белого. Имя белого - Стив Бекер. Имя негритянки... -- шериф приблизил бумагу к глазам, -- имя негритянки Джули Дозье.

Он окинул взглядом присутствующих.

-- Кто здесь Стив Бекер и Джули Дозье?

-- О Господи! -- пронзительно вскрикнула Элли. -- О Господи! О Господи!

-- Замолчи! -- резко остановил ее Шульци.

Стив подошел к окну и отдернул занавески. Яркий свет ворвался в набитую людьми, неприбранную комнатку. На постели лежала Джули. На бескровном лице ее глаза казались громадными.

-- Я Стив Бекер. Вот моя жена.

Шериф Аик Кипер положил бумагу в карман.

-- Прошу обоих одеться и следовать за мной.

Джули встала. Она сразу постарела на десять лет.

Обезьянка плакала и стонала в своем меховом гнездышке. Джули машинально протянула руку, вынула обезьянку из муфты и стала греть ее на своей груди. Большие черные глаза Джули были устремлены на шерифа с тем выражением, какое бывает у лунатиков.

Стив Бекер усмехнулся или, вернее, вызвал на своем лице жалкое подобие улыбки. Он обнял Джули и прямо посмотрел шерифу в глаза.

-- Человек, в жилах которого есть хоть капля негритянской крови, не считается белым, не так ли?

-- Вы правы. Согласно местному закону, одной капли негритянской крови достаточно, чтобы человек считался негром.

-- Во мне больше чем капля негритянской крови. Тут не может быть и речи о преступлении.

-- Вы готовы присягнуть в этом на суде?

-- Я готов присягнуть в этом где угодно.

Стив отступил на несколько шагов и протянул руку.

-- Даже больше. Посмотрите на всех этих людей. Каждый из них может присягнуть в том, что во мне есть негритянская кровь. Это так же верно, как то, что я белый.

Шериф Айк Кипер окинул взглядом присутствующих, выражение их лиц совсем не понравилось ему.

-- Мне случалось видеть еще более белокурых людей, которые оказывались неграми. Все-таки, лучше бы...

Спокойная, добродушная фигура патриарха-старика Уинди выступила вперед:

-- Послушайте, Айк. Мы ведь старые знакомые, не правда ли? Прошло двадцать лет с тех пор, как мы встретились впервые. В то время я был уже штурманом, а вы изволили еще бегать в коротеньких штанишках. Так вот, я, Уинди Мак Клен, подтверждаю, что в этом человеке действительно есть негритянская кровь. Клятвенно подтверждаю это!

Окончив одну из самых длинных речей в своей жизни, он вышел из комнаты на сцену и спустился на палубу, ни на минуту не теряя сходства с каким-то библейским персонажем.

Шериф Айк Кипер был явно озадачен.

-- Если бы это не был Уинди... Но ведь о преступлении сообщило лицо, несомненно, осведомленное...

-- Что? -- гаркнул капитан Энди, весь горя негодованием. -- Какое там осведомленное лицо! Негодяй донес на них только потому, что вздумал волокнуться за Джули, которая быстро отшила его.

-- Это правда?

-- Да, это правда! -- вмешался Стив. -- Он ухаживал за моей женой. Вся труппа может подтвердить это. Он всюду ходил за ней по пятам и так надоел ей, что она просто не могла выносить его присутствия. У капитана даже было с ним объяснение по этому поводу. Правда, капитан? Но он ни на что не обращал внимания. Поняв, что добром с ним не договориться, я хорошенько отколотил его и бросил в реку. Когда его вытащили, он поклялся отомстить мне. Теперь вам известно все.

Кипер в первый раз обратился непосредственно к Джули:

-- Он, этот самый Пит, утверждает, что вы родились в Лемойне, от белого отца и черной матери. Правда ли это?

-- Да, -- ответила Джули. -- Это правда.

Группа артистов у дверей всколыхнулась. Раздался истерический крик Элли:

-- Я скажу! Я скажу правду! Ведьма! Черная лгунья!..

Вдруг она замолкла. Послышалось невнятное бормотанье. Шульци поднял ее, точно мешок с мукой, не слишком вежливо зажал ей рукою рот и выволок ее из комнаты. Дверь захлопнулась.

-- Что она сказала? -- спросил Кипер.

Энди снова выступил вперед:

-- Это наша инженерю. Она очень расстроена. Она близкая подруга Джули Дозье, очень любит ее и до сих пор не знала об ее... ну, словом, обо всем этом. Вполне понятно, что она потеряла голову.

Шериф Айк Кипер собрался уходить. Когда он повернулся к дверям, взгляд его упал на величественную фигуру Партии Энн Хоукс, в складках юбки которой пряталась Магнолия.

-- Мое почтение, сударыня. Вы, конечно, не актриса?

У миссис Хоукс действительно был какой-то особенно внушительный вид. Глаза ее холодно поблескивали.

-- Нет.

Энди подошел к жене:

-- Это моя жена, шериф. И моя дочурка Магнолия. Что же ты ничего не скажешь шерифу, Магнолия?

Поощренная таким образом, Магнолия высказала шерифу все, что у нее было на душе.

-- Вы гадкий человек! -- воскликнула она. Лицо ее исказилось от усилий, которых ей стоило удержаться от слез -- Вы гадкий человек, вот что! Вы наговорили Джули всяких мерзостей! Посмотрите, какая она печальная! Вы...

Материнские пальцы крепко вцепились в ее руку.

-- На вашем месте, сударыня, я бы ни за что не держал ребенка на подобном пароходе! Так детей не воспитывают!

Крайне удивленная, Партия перешла к обороне.

-- Мой ребенок воспитан не хуже ваших детей и даже, наверное, лучше! И покорнейше прошу вас держать ваши советы при себе, господин шериф.

-- Парти! Парти! -- встревожился капитан.

Но шериф Айк Кипер презирал женщин.

-- Все женщины одинаковы! Ну, я ухожу. Здесь дело нечисто во многих отношениях. Но уж так и быть, я удовольствуюсь вашим объяснением.

Он посмотрел в глаза Энди:

-- Позвольте мне преподать вам один совет капитан Хоукс. Отмените-ка сегодняшнее представление. Вся эта история стала достоянием гласности. Вам грозят крупные неприятности.

С этими словами он надвинул на глаза свою широкополую шляпу и вышел.

Магнолия хотела было бежать к Джули, но Парти удержала ее.

-- Ну, Джули, дитя мое... -- мягко начал Энди Хоукс.

Джули подняла голову и посмотрела на него.

-- Мы уйдем! -- сказала она спокойно.

Дверь комнаты Элли с шумом распахнулась. И тотчас же сама Элли, растрепанная, красная, злая, появилась на пороге комнаты Джули. Шульци тщетно пытался удержать ее.

-- Убирайтесь вон отсюда!

Она яростно подбежала к Энди.

-- Она уберется отсюда со своим негодяем-любовником которого она имеет наглость называть мужем! Или уйду я! Чернокожая! Негритянка! Господи, какой я была душой! Как я сама не раскусила этого! Стоит только посмотреть на эту мерзкую грязнуху...

Поток самых грубых непристойностей хлынул из хорошенького ротика Элли.

-- Поди-ка сюда! -- процедила сквозь зубы Парти Энн, обращаясь к Магнолии, и повлекла сопротивлявшегося ребенка через сцену в свою собственную комнату.

-- Я хочу остаться с Джули! Я хочу остаться с Джули! -- кричала девочка.

В это время Джули торопливо причесывала свои непокорные волосы. На Элли она даже не посмотрела.

-- Пусть эта женщина перестанет кричать... Скажите ей, что я выхожу из труппы. -- Она стала открывать ящики комода.

-- Капитан, -- тихо сказал Стив, вплотную подойдя к Энди, -- капитан, доведите нас, ради Бога, до Ксины, не высаживайте нас здесь.

-- Я доведу вас до Ксины, -- громко ответил капитан Энди, -- а если кому-нибудь это не по вкусу, пусть немедленно убирается ко всем чертям со своим скарбом. Мы сейчас двинемся в путь. В Ксину придем часа в четыре. Если вы и Джули пожелаете переночевать у меня на судне, буду очень рад. Я здесь хозяин, черт возьми!

В Ксине Стив и Джули сошли с парохода. Энди крепко и серьезно пожал им руки. Чтобы иметь возможность повторить ту же церемонию, Уинди спустился из рубки. Чувствовалось, что из каждой щелки на "Цветке Хлопка" и "Молли Эйбл" смотрят чьи-то невидимые глаза.

-- Как у вас с деньгами? -- спросил Энди.

-- У нас есть деньги, -- спокойно ответила Джули. Она владела собой лучше, чем Стив. -- Мы сделали кое-какие сбережения. Вы так хорошо кормили нас, что нам не на что было тратить.

Темные глаза, окруженные синеватой тенью, благодарно смотрели на капитана.

Она взяла в руки несколько вещей полегче. Стив поднял чемоданы, наполненные главным образом театральными костюмами. Собственных вещей у них было до смешного мало. Кое-какие безделушки, подушечка для булавок -- подарок Магнолии к Рождеству, -- фотографии, книга с засушенными цветами, несколько журналов.

Джули ждала чего-то. Стив прошел по сходням и обернулся. Джули медлила. В глазах ее был какой-то безмолвный вопрос.

Лицо Энди покрылось густым румянцем. Он нервно затеребил свои бачки:

-- Вы же знаете ее, Джули! Она вовсе не злая. Просто она забыла сказать Магнолии о часе вашего отъезда. Может быть, она сказала, что вы уезжаете завтра. Женщины ведь странные создания! Но, уверяю вас, она вам не желает зла.

-- Прощайте, -- сказала Джули, догоняя Стива. С трудом вскарабкались они на крутой берег, остановились на минуту, чтобы перевести дыхание, и зашагали по пыльной дороге, прямо навстречу заходящему солнцу. Стройная фигура Джули сгибалась под тяжестью чемодана. Красивая белокурая голова Стива была повернута в ее сторону. Он серьезно и нежно смотрел на нее.

Вдруг, с верхней палубы, с той стороны, где находились комнаты миссис Хоукс и Магнолии, донеслись отчаянные крики, шум, звук поспешных и

нервных шагов по узенькой деревянной лестнице, ведущей с балкона. Капитан Энди увидел маленькую тонкую фигурку в разорванном платье, заплаканное, исцарапанное бледное личико, огромные пылающие глаза. Вихрем пронеслась Магнолия мимо Энди, перелетела сходни, вскарабкалась на берег и помчалась по дороге. За ней, изнемогая и задыхаясь, последовала Парти. Вдогонку им бросился Энди.

-- Подумай только! Меня ударил собственный ребенок! Да, меня! Свою родную мать. Я стояла у окна и, увидев, что они уходят, заставила ее убирать со стола. Вдруг она услышала голос этой женщины и тотчас же метнулась к окну. Увидела, что та уходит, и бросилась к дверям. Я догнала ее на лестнице, но она стала вырываться от меня, как дикая кошка, подняла на меня руку -- на меня, свою мать! -- и ударила, оставив у меня в руках вот это.

Она показала обрывок белой материи.

-- Поднять руку на собственную...

Энди заскрежетал зубами.

-- Браво!

-- Что ты хочешь сказать этим, Энди Хоукс?

Но Энди отказался дать какие бы то ни было объяснения: глаза его были устремлены на легкую белую фигурку там, наверху, отчетливо вырисовывавшуюся на сумрачном вечернем небе. Дальше, на дороге, чернели два силуэта: один -- тонкий и стройный, другой -- высокий и широкоплечий. До слуха капитана Энди донесся пронзительный детский крик:

-- Джули! Джули! Подождите! Я хочу попрощаться с вами, Джули!

Стройная женщина в черном повернула голову и сделала несколько шагов назад. Потом, словно охваченная безумным страхом, быстро побежала прочь от спешившей к ней маленькой фигурки. Так убегают люди от того, с чем у них не хватает сил расстаться. Увидев, что Джули убегает от нее, Магнолия остановилась, закрыла лицо руками и разрыдалась. Женщина боязливо оглянулась. Через секунду она бросила на дорогу все свои картонки и, путаясь в длинной юбке, помчалась к девочке. Издалека протянула она ей руку. Добежав до нее наконец, она опустилась на колени, прямо в грязь, и крепко прижала к своей груди плачущую девочку. В ярком блеске заката два силуэта -- черный и белый -- слились в один.

Глава восьмая

В пятнадцать лет Магнолия была еще угловатым и неуклюжим подростком, с удивительно большими глазами и непропорционально длинными ногами. Она росла так быстро, что Партинье то и дело приходилось выпускать ей юбки. Через год, однако, отрочество внезапно кончилось и наступила юность.

Наружность молодой девушки смело можно было назвать оригинальной. У нее были большие, нежные, темные глаза, крупный выразительный рот

и необычайно приятный голос. Сложена она была прекрасно. Но, принимая во внимание, что красота женской фигуры определялась, или измерялась, в те времена пышностью форм, не надо слишком удивляться тому, что миссис Хоукс с сокрушением смотрела на мальчишески стройную и сухощавую фигуру дочери.

Благородством дышала милая, изящная Магнолия. Рядом с ней -- высокой, бледной, темноглазой -- пухленькая Элли, вечно надутая и чем-то недовольная, сильно проигрывала.

Семь лет прожила Магнолия в плавучем театре. В течение этих лет жизнь ткала перед ее глазами свои яркие узоры. Широкие реки, убегающие к морю. Маленькие города. Поющие негры. Дерущиеся белые. Фантастическая, странная, мирная, шумная, красивая, полная событий и вместе с тем спокойная жизнь. Магнолии случалось видеть каторжников за работой. Ужасные, кошмарные фигуры в кандалах, прикованные друг к другу. По ночам, при дымном свете костров в лесу, они пели те же песни, которые они пели прежде, работая на плантациях, -- простые песни, полные надежд.

Не только у Магнолии, но даже и у Парти завелись приятельницы среди женщин прибрежных городов.

-- Как поживаете, миссис Хоукс?.. Как ваша девочка?.. Господи, как она выросла за этот год!.. Я уже сказала Виллю, что буду ходить к вам на спектакли каждый вечер. Пусть сердится, сколько ему будет угодно. Мне удалось сэкономить немного на хозяйстве.

Они приносили с собой шоколадные торты, всевозможные печенья, вина собственного приготовления, только что выпеченный хлеб, соты душистого меда, громадные букеты цветов -- своего рода жертвы на алтарь искусства.

Время от времени миссис Хоукс грозила расстаться с кочевой жизнью и увезти Магнолию; доводам, которые она приводила мужу, нельзя было отказать в разумности.

-- Разве это подходящая жизнь для ребенка? -- говорила она.

И через несколько лет:

-- Нечего сказать! Хорошенькая жизнь для молодой девушки! Вечное скитанье вверх и вниз по рекам! Общество шалопаев, игроков и негров! Какое будущее ожидает ее?

Когда она произносила слово будущее, ни у кого не могло быть сомнений в том, что оно пишется с заглавной "Б" и по смыслу соответствует слову "муж".

-- Будущее само о себе позаботится! -- весело уверял ее Энди.

Было совершенно ясно, что рано или поздно Магнолия войдет в состав труппы "Цветка Хлопка". Так и случилось. Без предварительной подготовки, просто в силу обстоятельств она сделалась актрисой на амплу инженю. Несмотря на то что в ней не хватало той слащавости, которую жители побережья особенно ценили в молодых актрисах, публика встретила ее восторженно. Правда, в коротенькой юбочке невинной дочери дровосека ее длинные ноги производили не слишком выгодное

впечатление. Но недостаток ног вполне искупался прелестью лица. Зрителям безумно нравились ее глаза. Звук ее голоса заставлял женщин плакать. А когда мужа их приставали к ним с вопросом: "Отчего ты расхлюпалась?" -- они отвечали: "Не знаю".

И больше от них ничего нельзя было добиться.

Элли было двадцать восемь лет, когда она бросила Шульци ради какого-то игрока из Мобилия. Последние три года она ходила рассеянная, хмурая, недовольная. Каждую осень она объявляла капитану Энди, что собирается бросить плавучий театр и устроиться где-нибудь на суше. Зимой она пыталась даже получить ангажемент в Чикаго, изменив таким образом традиции, в силу которой актеры плавучих театров в течение зимнего сезона бездельничали, существуя на сбережения, сделанные летом. Но в Чикаго у нее ничего не вышло. Ехать в Нью-Йорк она не решилась.

Все чаще и чаще вспыхивали ссоры между ней и Шульци. Во время репетиций Элли вела себя вызывающе и часто отказывалась следовать указаниям мужа, что было бессмысленно, так как он был очень толковым режиссером и тем немногим, что Элли знала, она была обязана исключительно ему. К сожалению, ее примеру последовали и другие.

Она постоянно жаловалась на то, что ей дают плохие костюмы, и, хотя была прекрасной рукодельницей, ничего не делала для того, чтобы они стали лучше. Ее больше не видели с иглой в руках. Скучающая, хмурая, она часами смотрела на воду. А когда неумная и малообразованная женщина начинает скучать и задумываться, дело обыкновенно кончается тем, что она выкидывает какую-нибудь глупость.

В Мобиле Элли сошла на берег и не вернулась. Всем было ясно, что она ушла к тому черноусому субъекту, который последнее время не давал ей проходу. За всю артистическую карьеру перед Элли прошли дюжины поклонников: южные ловеласы, игроки, авантюристы, -- словом, все тамошние победители сердец восьмидесятых годов наперебой ухаживали за ней. Она держала себя по отношению к ним холодно и даже резко, хотя радовалась успеху и постоянно хвасталась любовными письмами и подношениями.

Верная мелодраматической традиции, она написала Шульци прощальное письмо, цветистость которого несколько скрадывалась его безграмотностью. Да, она уходит. Он не должен разыскивать ее. Она создаст собственный театр и будет в нем играть Камиллу и даже Джульетту. Это ей обещано. Она устала. Вечное блуждание по рекам совершенно измучило ее. Будь что будет. Одно она знает наверное: никогда в жизни не вернется она в плавучий театр. Костюмы она оставляет своей преемнице. Может быть, она поедет в Нью-Йорк. Во всяком случае, это зависит только от ее желания (Как это ни покажется неправдоподобным, она действительно сыграла Джульетту, правда, не в Нью-Йорке.) Ей очень жаль, что она подводит капитана... Письмо кончалось просьбой не забывать "твою любящую жену". Впрочем, эта фраза была зачеркнута и заменена другой: "преданную тебе Элли Чиплей". Под этой подписью

стояло имя Леноры Лавери, тщательно выписанное и украшенное чем-то вроде виньеток.

Измена Элли была тяжелым ударом для Шульци, горячо любившего ее. Но, забывая собственное горе, он думал не о себе, а о ней.

-- Она не может жить без меня! -- простонал он прочтя письмо.

И тотчас же схватился за голову:

-- Джульетта!

В нем не было ни горечи, ни злобы -- отчаянная тоска душила его.

-- Она... Джульетта! Когда из маленькой Евы она ухитрится делать кокотку!

Он погрузился в грустные размышления:

-- Она вбила себе в голову, что из нее должна выйти Сара Бернар... Она еще вернется ко мне...

-- Иначе говоря, вы примете ее с распростертыми объятиями? -- спросила Парти.

-- Разумеется! -- просто ответил Шульци. -- Она ведь даже чемодана не умеет закрыть как следует. Я все делал за нее. Во многих отношениях она совсем ребенок. За это, должно быть, я и полюбил ее. Я ей необходим... она вернется ко мне.

Капитан Энди решил выписать из Чикаго новую инженерю. В ожидании ее приезда, роли Элли взяла на себя Магнолия. При этом ей пришлось, образно выражаясь, буквально перешагнуть через труп матери. Выслушав спокойное заявление дочери о том, что она может исполнять все роли Элли, миссис Хоукс устроила сцену, потом истерику и, наконец, слегла. (Однако только до поднятия занавеса.) Должны были играть "Невесту пастора". Актеры до сих пор вспоминают о том, что произошло на "Цветке Хлопка" во время этого представления.

В этот день было уже две репетиции -- одна утром, другая днем. Спокойнее всех держалась сама Магнолия. Капитан Энди перелетал на крыльях-невидимках со сцены в комнату Парти Энн и обратно. Наконец он устроился чуть ли не на самой рампе. Морщинки вокруг его глаз так и дрожали от радости, а смуглые маленькие руки возбужденно хватались за бачки:

-- Отлично! Молодец, девочка! Элли и в подметки... Простите, Шульци! Я вовсе не хотел обидеть вас! Нолли, у тебя большой талант! Я бы никогда не поверил этому, даже если бы твоя родная мать...

Собственные слова вернули его к действительности. Он боязливо оглянулся и, весь съежившись, выкарабкался из оркестра на сцену. Голова в папильотках мелькнувшая на балконе, очевидно, только почудилась ему, ибо, когда он вбежал на балкон и осторожно приоткрыл дверь в комнату Парти Энн, эта же голова в папильотках мирно покоилась на подушке. Парти Энн издавала глухие стоны и прижимала к щеке тряпочку, намоченную каким-то едким и пахучим составом. Глаза ее были закрыты. Все тело вздрагивало. Всякий (недостаточно знающий Парти) сказал бы, что предсмертная агония уже вцепилась в нее своими острыми когтями.

-- Парти! -- тихонько окликнул ее капитан Хоукс.

Глухой, душераздирающий, страшный стон был ему ответом.

Он вошел, бесшумно закрыл за собой дверь, неслышными шагами приблизился к кровати и положил свою смуглую руку на дрожащее плечо жены. Дрожь тотчас же превратилась в судороги.

-- Успокойся, Парти! Чего ты так расходишься? Можно подумать, что девочка совершила что-нибудь позорное. Ты должна гордиться своей дочерью! Если бы ты только видела ее! Она родилась, чтобы стать актрисой.

Стоны перешли в вопли. Глаза открылись. Тело приняло сидячее положение. Тряпка скатилась на пол. Парти стала раскачиваться на кровати:

-- Дочь моя! Мое родное дитя!.. Зачем я дожила до этого?.. Уж лучше бы... ее в могиле... Зачем я позволила ее ножкам ступить на эту грязную посудину?..

-- Ты сама способствовала этому, Парти. Помнишь, когда миссис Минс вывихнула ногу и мы подумали, что она не будет в состоянии ходить, ты соглашалась заменить ее. Если бы она не была таким гренадером и не плюнула бы на свой вывих, клянусь, ты играла бы в тот вечер. Тебе безумно хотелось играть.

-- Мне! Играть! Конечно, я сыграла бы ту роль гораздо лучше какой-то Софи Минс. Тут и заслуги особенной не было бы. Куда бы я годилась, если бы даже на это не была способна!

Возражение прозвучало в достаточной мере слабо. Энди угадал, какие честолюбивые мечты свили гнездо в железной груди Партиньи:

-- Вставай-ка скорей и пойдем посмотреть ее! Не хочешь ли глоточек виски? Хорошо, если бы ты помогла Нолли переделать костюмы. Они страшно коротки ей. Ну! Ну! Ну! Что с тобой?.. О Боже!

Парти Энн опять забилась в истерику:

-- Дочь моя! Моя маленькая девочка!

Пора было использовать самые решительные меры. Капитан Энди слишком много возился с актрисами, чтобы не знать, каким оружием борются с истерикой:

-- Не забывай деловой стороны вопроса, Парти. Весь день расхаживали сегодня по городу мальчишки с плакатом в шесть футов длиной, на котором красным написана реклама: "Необычайное выступление Таинственной Актрисы Магнолии в "Невесте пастора"". Я произнес большую речь. Предварительная продажа идет блестяще! Такой у нас еще не было в этом году. Док сидит в кассе и загребает денежки обеими руками. Вместо того чтобы валяться тут и охать, вам не мешало бы, сударыня, спуститься вниз и помочь ему.

-- Сколько в кассе денег? -- спросила Партинья тоном эксперта.

-- Триста. А ведь еще нет четырех!

Партинья резко отбросила одеяло и соскочила с кровати. Она была совершенно одета и даже в башмаках.

Энди бросился вон из комнаты и прибежал в оркестр как раз в ту минуту, когда Магнолия затеяла спор с Шульци.

-- Не надо портить сцену, Шульци! Зачем вы суфлируете мне? Я знаю роль. Я вовсе не забыла следующую реплику.

-- Почему же ты молчишь и у тебя такой вид, словно перед тобой привидение?

-- Потому что так нужно. К ней приходит муж, которого она ненавидит и считает давно умершим. Не может же она сразу заговорить! Вся похолодев от ужаса, она уставилась на него и молчит.

-- Если ты вообразила себя режиссером и собираешься командовать мною...

Магнолия подбежала к Шульци и обвила его шею руками:

-- О Шульци, не сердитесь на меня! Я совсем не собиралась командовать. Просто мне очень хочется играть так, как я чувствую. И, поверьте, мне ужасно грустно, что Элли ушла от нас. Я сделаю все, что вы прикажете, Шульци, дорогой! Только все-таки она должна сделать паузу. Ведь она совсем одурела, понимаете?

-- Ты права. Я просто задумался о письме Элли... О Господи!

-- Не надо, Шульци!

Страшным усилием воли (видно было, что ему мучительно тяжело) человек Шульци уступил место актеру Гарольду Уэстбруку:

-- Ты права, Магнолия. Да, она молчит, потрясенная и бледная.

-- Что мне сделать, чтобы побледнеть, Шульци?

-- Ты почувствуешь, что бледнеешь, и публике покажется, что ты и на самом деле побледнела. (Этими словами Шульци, сам того не сознавая, проник в сокровеннейшую тайну сценического искусства.)

Сохраняя спокойствие -- по крайней мере, внешне, -- Магнолия все же ограничилась чашкой кофе вместо обеда. В первый раз в жизни Парти не уговаривала ее есть. Она была мрачна и все еще вздрагивала, но от четырех до семи добросовестно выпускала и переделывала костюмы Элли.

Гримируя Магнолию, Шульци так перестарался, что покинутая жена -- она же школьная учительница и невеста пастора -- представляла собой нечто среднее между цветущей Камиллой и Клеопатрой в тот момент, когда ее жалит змея. Перед началом спектакля и во время его Магнолия, игравшая на репетициях спокойно и самоуверенно, так волновалась, что несомненно провалила бы свой дебют, если бы ее все время не выручал Шульци. Все -- миссис Минс, мистер Минс, Фрэнк, Ральф, супруги Соперсы, преемники Джули и Стива на характерных ролях, -- все дрожали за Магнолию. Страх этот заставлял их стараться изо всех сил и переигрывать. Чтобы не сбиться с тона, юная дебютантка переигрывала тоже.

Играла она молодую учительницу в провинциальном городке. Брошенная несколько лет тому назад негодяем мужем героиня узнает, что он умер. Местный пастор давно уже влюблен в нее. Она отвечает ему взаимностью. Наконец-то они могут пожениться. Подвенечное платье готово. Гости приглашены.

Наступает последний день ее пребывания в школе. Она одна в пустом классе. Прощайте, милые ученики! Прощай, дорогой класс, черная доска,

милые парты, желтый шкаф! Прощайте навсегда! Она берет ключ, чтобы в последний раз закрыть за собой дверь школьного помещения. Но что это за страшное лицо в дверях? Кто этот пьяный, отвратительный, грязный бродяга в лохмотьях, исподлобья глядящий на нее? Великий Боже! Это он! Ее муж!

Фрэнк в роли злодея мог действительно внушить ужас. Магнолия, послушно следовавшая всем советам Шульци, была беспомощна и бледна. Сам Шульци -- героический пастор -- проявлял такие прекрасные внутренние качества, что любая девушка согласилась бы попасть в самое затруднительное положение, чтобы получить возможность выйти из него под руку с этим богоподобным служителем Всевышнего.

На восклицание Магнолии: "Мой муж!" Фрэнк отвечал: "Я понимаю. Ты вообразила, что я умер. Но, к счастью, я еще жив".

Он разразился сатанинским хохотом:

-- Будь я проклят, если тебе удастся надеть это подвенечное платье!

Магнолия плакала, страдала, сходила с ума.

И негодяй демонстрировал свою низость.

-- Или ты мне немедленно дашь тысячу долларов, или тебе не придется венчаться!

-- У меня нет таких денег!

-- Нет? Где же твои сбережения?

-- Клянусь, у меня нет тысячи долларов!

-- Ах так!

Фрэнк, грубо схватив ее, волочил через всю сцену и, когда она начинала кричать, зажимал ей рот рукой.

Как уже было сказано выше, актеры играли в этот вечер с особенным подъемом. Желая помочь Магнолии, они доводили до гротеска низость, героизм и другие черты характеров изображаемых ими персонажей. Чувствуя себя далеко не уверенно, сама Магнолия старалась искупить недостатки исполнения яркостью чувств. Настоящий ужас искажал ее лицо. В криках ее чувствовался смертельный страх. Испытываемые ею страдания внушили бы жалость даже ее заклятому врагу. Фрэнк, в свою очередь, скрежетал зубами и бесновался, как сумасшедший. Он так вцепился в ее длинные черные волосы, что ей на самом деле стало больно. Рядом с ним благородный и чистый Шульци казался особенно привлекательным.

Итак -- крики, мольбы, угрозы, муки, злоба, ужас. Охваченный предчувствием чего-то недоброго или, может быть, услышав какой-то звук, злодей Фрэнк бросил взгляд на одну из верхних лож слева. Там, перегнувшись через барьер, сидел волосатый великан с лицом, искаженным от ярости. В руке его блестел ствол ружья. Он старательно заряжал его. Житель девственных лесов, он в этот день впервые попал в театр. Однако в жизни ему часто приходилось видеть, как жестоко обращаются мужчины с юными красавицами. Он действовал очень просто: еще мгновение -- и он совершил бы то, что искренне считал правосудием.

Фрэнк выпустил из рук свою рыдающую жертву. Злодейское лицо его сразу озарилось тревогой и любовью. К величайшему изумлению Магнолии, он вдруг занялся импровизацией.

-- Пусть будет по-твоему, Мэрдж! Я больше не возражаю против твоего брака с пастором!

Сделав это поразительное заявление, Фрэнк удалился. Быть может, ни один актер плавучих театров не совершал более героического поступка.

Занавес опустился. Глаза публики устремились на верхнюю ложу. Послышались крики и ругательства. Их тотчас же заглушила музыка. Немного удивленный, но все еще воинственно настроенный великан исчез куда-то. Недоумевающие зрители уже подумали было, что сцена прошла именно так, как должна была пройти, как вдруг перед опущенным занавесом появился Шульци, объявивший, что актер, исполнявший роль злодея, внезапно заболел, но что почтеннейшую публику просят не расходиться, ибо концерт, который сейчас начнется, на этот раз будет бесподобен.

Прошел год. Магнолия прочно утвердилась на ролях инженерю. Когда она появлялась в сопровождении матери или миссис Минс на главных улицах прибрежных городов, прохожие с любопытством смотрели на нее. Повиснув на калитках, маленькие девочки таращили на нее глаза так же, как несколько лет тому назад она сама таращила глаза на Джули и Элли, появившихся однажды на тенистой улице Фив.

Магнолия любила жизнь. Она много работала. Рукоплесканья доставляли ей наслаждение. К своему ремеслу девушка относилась очень серьезно. Она вовсе не считала себя жрицей искусства и не особенно высоко ценила свое артистическое дарование. Но восхищение наивной провинциальной публики скоро стало необходимо ей. Она полюбила этих бесхитростных зрителей, как полюбила те незамысловатые пьесы, в которых ей приходилось играть.

Трагик Фрэнк без памяти влюбился в Магнолию. Бдительная Парти сразу же обратила внимание на нежные взгляды, которые он бросал на юную инженерю, и установила за ним бдительный надзор; несмотря на то что молодые люди виделись ежечасно, Фрэнку никогда не удавалось поговорить с ней наедине и дотронуться до нее иначе как при ярком свете рамп, во время представлений, когда несколько сот глаз были устремлены на них обоих. Этот высокий человек с непропорционально маленькой головой, придававшей ему сходство с восклицательным знаком, влюбленным взором следил за Магнолией.

Молчаливая страсть его вряд ли особенно встревожила бы молодую девушку и ее родителей, если бы от этого не страдала его игра. Изображая злодеев, Фрэнк позволял себе иногда такие нежные интонации, что публика, совершенно не признававшая полутон, приходила в недоумение. Когда ему нужно было ударить Магнолию, удар его сильно напоминал ласку. В его угрожающих взглядах явно чувствовалось обожание.

-- Кому из нас удобнее переговорить с этим бараном, -- спросила Парти, - тебе или мне?

-- Конечно, мне, -- торопливо ответил Энди. -- Если он не успокоится до Нового Орлеана, я непременно поговорю с ним.

В Новом Орлеане "Цветок Хлопка" поджидали письма. На этот раз почта принесла неприятность. Очень бледный, Шульци решительно подошел к капитану Энди. В руках его белело письмо.

-- Я должен ехать, капитан. Она зовет меня.

-- Ехать? -- воскликнул Энди. Для его маленького роста у него был необыкновенно зычный голос. -- Куда? Кто вас зовет?

Разумеется, он сразу понял, в чем дело.

Шульци вынул из конверта листок сероватой бумаги, от которого слегка пахло лекарствами.

-- Она в больнице, в Литл-Роке. Ей только что сделали операцию. Этот прохвост, разумеется, бросил ее. У нее нет ни гроша.

-- Ну, в этом-то я не сомневаюсь! -- ехидно заметила подошедшая к мужу Партия.

-- Вы не имеете права так подводить меня, Шульци, -- сказал Энди.

-- Я должен ехать, капитан. До тех пор пока вы не найдете кого-нибудь подходящего, любовников будет играть Фрэнк. Может быть, я вернусь. С режиссурой отлично справится Док.

-- Фрэнк никогда не будет играть любовников! -- твердо заявила Парти Энн. -- Это мое последнее слово, Хоукс.

-- Об этом не может быть и речи! Хороший любовник, нечего сказать, вышел бы из Фрэнка, у которого вместо головы еловая шишка, а ноги под стать слону. Послушайте, Шульци. Вы слишком давно на сцене, чтобы не понять, что ваш отъезд ставит меня в крайне затруднительное положение. Ни один актер не сделал бы этого.

-- Вы совершенно правы. Я сам бы ни за что не сделал этого. Только ради нее! Когда она ушла от меня, я написал ей: "Если я буду нужен тебе, позви меня и я приеду". Я ей нужен. Она зовет меня. Я должен ехать.

-- Надо подумать и о нас, -- сказала Парти. -- Что же это в самом деле! Сперва Элли, потом вы! После стольких лет службы! Хорошая парочка, нечего сказать!

-- Не надо, Парти!

-- Не выводи меня из терпения, Хоукс. Ты всякому готов позволить сесть тебе на голову!

-- Я ведь уезжаю только потому, что нужен ей, -- снова стал объяснять Шульци, чуть не плача. -- Она больна. Здесь, в Новом Орлеане, вам нетрудно будет найти любовника. Ручаюсь, по набережной бродит добрый десяток актеров, которые лучше меня. Кстати, я был только что в порту и случайно разговорился там с одним парнем. Узнав, что я актер с "Цветка Хлопка", он сказал, что ему случалось выступать на сцене и что актерская жизнь пришлась ему по вкусу.

-- Еще бы! -- проворчала Парти. -- Еще бы не по вкусу! Вы говорите так, будто "Цветок Хлопка" -- какой-нибудь второразрядный театришка! Новый Орлеан кишит бездельниками которые...

Шульци молча указал на молодого человека, небрежно прислонившегося к большому ящику. Вооружившись старым биноклем, капитан Энди внимательно посмотрел на высокую стройную фигуру.

-- На вашем месте я бы потолковал с ним, -- заметил Шульци.

Капитан Энди опустил бинокль. Он был явно удивлен.

-- Гм! Пожалуй, неудобно предлагать ему служить в плавучем театре. Ведь он джентльмен.

-- А ну-ка! -- сказала Парти, протягивая руку за биноклем.

Любопытство ее было задето. Она в свою очередь стала разглядывать молодого человека, которому пришлось по вкусу актерская жизнь.

Осмотр был всесторонний, хотя и очень быстрый.

-- Может быть, это и джентльмен. Хотя человека в дырявых башмаках вряд ли можно назвать джентльменом. Не скажу чтобы он мне особенно понравился. Но раз уж Шульци выкидывает с нами такую мерзкую шутку, нам, по-моему, не следует быть слишком разборчивыми. На твоём месте, Хоукс, я бы сейчас же сошла на берег и поговорила с ним.

Глава девятая

В этот день Магнолии суждено было впервые увидеть Гайлорда Равенеля -- элегантного бездельника, отлично сшитый костюм которого издали казался шикарным, а в действительности был уже сильно поношен. Обладая исключительным изяществом, он производил впечатление богатого человека. Только при ближайшем рассмотрении обнаруживалось, что дорогое сукно его костюма потерто, на тонком полотне рубашки кое-где дырки, а шляпа -- красивая серая шляпа, надетая немного набок, -- довольно грязна. С палубы "Цветка Хлопка" его можно было принять за сына какого-нибудь богатого луизианского плантатора. В тот момент это был только промотавшийся игрок. Все его состояние заключалось в очаровательной тросточке с набалдашником из слоновой кости, с которой он ни за что не расстался бы, так как она была его талисманом и приносила ему счастье (правда, счастье временно изменило ему, но, как истый игрок, он верил, что в ближайшем будущем его ждет удача). Вторую вещь, которой он дорожил, было кольцо с голубым бриллиантом.

Беда Гайлорда Равенеля заключалась не только в том, что он был без гроша. Через несколько часов он должен был покинуть Новый Орлеан, раки, креолки, розы и вино которого ему были очень по душе. Со всем этим ему надо было распрощаться, во-первых, потому что начальник полиции Нового Орлеана, Валлон, охваченный внезапным припадком добродетели, приказал всем профессиональным игрокам в течение двадцати четырех часов покинуть город, а во-вторых, потому что Гайлорд Равенель год тому назад совершил убийство.

Нет, это не было хладнокровное убийство или убийство в порыве бешенства -- инстинкт самозащиты заставил его спустить курок за секунду до того, как это неминуемо сделал бы его противник. Это было доказано, и суд оправдал его. Тем не менее суровые власти Нового Орлеана не желали терпеть его присутствия в городе. К вечеру он должен был уехать во что бы то ни стало.

Равенель вовсе не собирался в Новый Орлеан. Он занял свое место на "Леди Ли", не имея ни гроша в кармане, но полный самых радужных надежд. На пароходе он рассчитывал отыграться. К несчастью, он был слишком честным и слишком увлекающимся игроком. Кроме тросточки с набалдашником из слоновой кости, стоимость которой была невелика, он был еще владельцем, как выше упомянуто, дорогого кольца с большим бриллиантом голубоватой воды, которого он никогда не носил. Оно напоминало ему дни удачи в картах и -- что было гораздо существеннее -- представляло собой большую ценность, а следовательно могло его выручить в минуту крайнего невезения. На пароходе он шесть раз проигрывал это кольцо и шесть раз снова отыгрывал. Игра так увлекла его, что он не заметил, как проехал Начез, где собирался высадиться. Когда он опомнился, вдали уже светились огни Нового Орлеана. Он принужден был сойти.

На сходнях его остановил какой-то человек с глазами, блестящими как бусинки. В произнесенных шепотом словах, с которыми он обратился к Равенелю, как будто не было ничего враждебного.

-- Дайте срок! Ведь двадцать четыре часа еще не прошли, надеюсь?

-- Не обижайтесь, Гай, -- сказал его собеседник, зорко осматривая всех пассажиров, теснившихся на сходнях. -- Я просто предупредил вас, что могут выйти неприятности. Вы знаете Валлона.

Позднее, когда Гайлорд пришел к Валлону, тот сказал ему:

-- Прошу вас запомнить, Гай, что завтра вечером в этот самый час... -- Он многозначительно посмотрел на одежду Равенеля. -- Хотите сигару? -- спросил он.

Сигара эта была так же тонка, бледна и помята, как тот, кому он ее предлагал. Натянутые нервы Равенеля жаждали табака, однако взгляд его выразил презрение. Ни один человек, преследуемый судьбой и правосудием, не дерзнул бы так насмешливо поднять правую бровь, как это сделал в ту минуту Гайлорд Равенель.

-- Как вы называете этот предмет? -- спросил он.

Валлон посмотрел на то, что было у него в руках. Он не обладал слишком большой сообразительностью.

-- Сигарой, -- ответил он.

-- Вы оптимист! -- заявил Равенель.

Помахивая своей неизменной тросточкой, Гай спокойно вышел из кабинета начальника полиции.

Теперь он стоял на набережной Нового Орлеана, печально прислонившись к большому деревянному ящику. Гайлорду Равенелю было двадцать четыре года, он был красив, изящен, весел и немного жалок.

Он с некоторым удовольствием наблюдал за тем, как экипаж "Молли Эйбл" проталкивает плоскую, неуклюжую тушу "Цветка Хлопка" среди столпившихся в беспорядке пакетботов, барж, пароходов, буксиров и прогулочных яхт. Он перекинулся несколькими фразами с Шульци, в то время как тот с письмом в руке с нетерпением ждал, чтобы "Цветок Хлопка" был введен в док и поставлен на якорь. Равенелю не раз приходилось видеть плавающие театры на Миссисипи и Огайо, но он никогда не вступал в разговоры с актерами. Когда Шульци сообщил ему, что играет любовников, Равенель отнесся к этому скептически.

-- Любовников! -- воскликнул он, пренебрежительно рассматривая его морщинистый лоб, плохо выбритые щеки, тусклый взгляд и небрежный туалет.

Шульци, как бы извиняясь, пожал плечами:

-- Я знаю, что мало похож на любовника. Но я очень расстроен и только что выпил несколько рюмок виски. У нас в театре спиртные напитки строжайше запрещены. Я сейчас получил известие о том, что моя жена заболела и лежит в больнице.

Равенель постарался выразить ему сочувствие:

-- В Новом Орлеане?

-- Нет, в Литл-Роке, в Арканзасе. Я еду к ней. Это подлость с моей стороны. Но что поделаешь!

-- Что вы хотите этим сказать? -- спросил Равенель, слегка заинтересовавшись судьбой расстроенного актера.

-- Своим отъездом я очень подвожу театр. Без меня им будет очень трудно. Я...

В этот момент Шульци увидел, что "Цветок Хлопка" подошел к самой пристани, он замолчал и, даже не попрощавшись, сделал было несколько шагов в сторону парохода. Потом внезапно обернулся к Равенелю.

-- Случалось ли вам играть?

-- Играть?

-- Играть на сцене. Может быть, вы актер?

Равенель откинул свою красивую голову и разразился таким веселым смехом, на который еще десять минут тому назад он счел бы себя совершенно не способным.

-- Я? Актер? Я?..

Вдруг он перестал смеяться. На лице его появилось выражение задумчивости:

-- Да, конечно, да!

Он сощурился, посмотрел на Шульци и небрежно дотронулся элегантной тросточкой до кончика своего поношенного, но хорошо вычищенного сапога.

Никому не пришло бы в голову, что этот человек находится под надзором полиции.

Шульци отошел от Равенеля. Вскоре на смену ему явился сам капитан Хоукс.

-- Вы, кажется, актер? -- спросил он, не желая тратить время на предисловие.

Гайлорд Равенель поднял правую бровь и слегка склонил свой аристократический нос в сторону подвижного маленького капитана:

-- Я Гайлорд Равенель, из Теннесси. А вы кто такой?

-- Энди Хоукс, капитан и владелец плавучего театра "Цветок Хлопка" -- Энди указал пальцем на свои владения.

-- Вот как? -- с ледяной вежливостью отозвался Равенель, задержав на миг свой надменный взгляд на "Цветке Хлопка".

Капитан Энди вдруг пожалел о том, что судно его не отремонтировано и не выкрашено заново. От смущения он стал теревить бачки:

-- По-видимому, Парти ошиблась...

Равенель изумленно поднял брови.

-- Она сказала, что человек в дырявых башмаках...

Гайлорд Равенель посмотрел сначала на свои ноги, потом на суровую и тяжеловесную женскую фигуру, видневшуюся на передней палубе плавучего театра:

-- Эта... эта леди?

-- Моя жена, -- сказал Энди.

И, решив все же поставить точки над "и", продолжал:

-- От нас уходит любовник. Пятнадцать долларов в неделю и полный пансион. Все время новые места Шульци сказал, что вы сказали... я сказал... Парти сказала...

Безнадежно запутавшись, он остановился.

-- Должен ли я принять ваши слова за предложение принять... звание... любовника в... -- Равенель бросил уничтожающий взгляд на реку... -- в плавучем театре "Цветок Хлопка"?

-- Вот именно! -- смело подтвердил капитан Энди, которому пришло в голову, что тон и манеры молодого человека резко противоречат дырке на сапоге. Он знал, что никто не станет носить дырявые ботинки без необходимости.

-- Все время новые места, -- повторил он.

-- Я так много их видел! -- заметил Равенель.

Глаза его все еще были устремлены на "Цветок Хлопка". Но взгляд его вдруг стал внимательным. На верхней палубе появилась высокая, стройная фигурка в белом платье. Это была Магнолия. Перед тем как сойти на берег, ей вздумалось посмотреть с парохода на романтический город, который давно уже завоевал ее симпатии и в котором она побывала добрый десяток раз.

В этот вечер ей были обещаны два удовольствия ужин у Антуана и французский театр. Она не знала и десяти слов по-французски. Энди забыл почти все, чему его учили в детстве. Парти считала, что это язык греховодников, созданный специально для романов в желтой обложке. Но все трое предвкушали удовольствие, думая о предстоящем спектакле. К

радости Энди примешивалась тоска по родине. Магнолии, как актрисе, интересно было посмотреть на игру других актрис. Парти надеялась, что в пьесе будут неприличные сцены, которые дадут ей возможность наворчатся всласть. Надо заметить, что надежды ее в этом направлении сбывались редко.

Увидев отца, Магнолия помахала ему шляпой которую держала в руках.

-- Это актриса вашей труппы? -- осведомился Гайлорд Равенель.

Лицо Энди сразу смягчилось и просияло:

-- Это моя дочь Магнолия.

-- Магнолия Магнол... Она актриса?

-- Ну разумеется! Она -- наша инженерю. Партнерша любовника. Впрочем, если вы действительно актер, то должны знать это.

Внезапно сомнение охватило его.

-- Скажите, молодой человек... как вас зовут-то... ах да, Равенель. Скажите, Равенель, вы быстро усваиваете роли? Мы уезжаем сегодня вечером и завтра должны давать представление в Бану, Тэше... Вы быстро усваиваете роли?

-- Молниеносно! -- ответил Гайлорд Равенель.

Через пять минут он стоял на палубе "Цветка Хлопка", склонившись перед Магнолией, и не знал, проклинать ли ему злополучную дырку на башмаке, которой он стыдился, или благословлять ее за то, что она дала ему возможность познакомиться с этим прелестным созданием.

Гайлорд и Магнолия должны были полюбить друг друга. Это было неизбежно. Нет сомнения в том, что какие-то высшие силы способствовали их соединению. Без этого им никогда не удалось бы сломить враждебность Парти Энн. Обстоятельства как будто сговорились, чтобы сперва познакомить их, а потом предоставлять им случаи оставаться наедине. Красивый, таинственный, романтический незнакомец, каким был для Магнолии Гайлорд Равенель, сразу же по вступлении своем в труппу сделался героем нескольких драматических эпизодов, каждый из которых произвел сильное впечатление на юную актрису.

Никогда еще не случалось ей встречаться с людьми такого типа. В разношерстной актерской компании он держался одиноко и замкнуто. Привлекательность его признали все, за исключением Партины. Она могла бы тоже поддаться чарам этого обаятельного человека, если бы не поборола зарождавшуюся симпатию со всей энергией своей воинствующей натуры. Чувствуя ее враждебность, Равенель сделал попытку смягчить ее сердце, но получил такой явный и резкий отпор, что в первый раз в жизни усомнился в своем обаянии.

Гайлорд Равенель пользовался громадным успехом у женщин, но отнюдь не был негодяем. Это был хороший, но немного бесхарактерный человек. Он ухаживал за всеми женщинами, но не требовал от них ничего. Той решительной атаки, которой они ожидали от него, замирая от сладострастного трепета, он не предпринимал никогда. И большей частью они сами предлагали ему то, что так мужественно собирались защищать сначала.

Это был, в сущности, довольно необычный человек. Его мальчишеская веселость как бы противоречила изысканности его манер. Смелость уживалась в нем с застенчивостью. Он не был особенно умен. Да и к чему был ему ум? Во взгляде его была такая притягательная сила, что все и так считали его верхом совершенства.

Гайлорд Равенель, разумеется, не собирался навсегда остаться актером плавучего театра. Еще меньше предполагал он, что влюбится в Магнолию и женится на ней. Жизнь рядом с молодой девушкой и преграды, которые без устали строила между ними миссис Хоукс, раздули искорку, загоревшуюся в его душе, в целый костер.

Ему приходилось очень много работать. Учить роли любовников было совсем не легко. К тому же он был обязан чуть ли не ежедневно выступать в концертном отделении. Много времени занимали утренние и дневные репетиции. Через две недели после вступления в труппу Равенеля артисты "Цветка Хлопка" с удивлением заметили, что он мало-помалу превращается в режиссера. Он обладал большим артистическим чутьем увлекся сценой, хотел произвести впечатление на Энди Парти и Магнолию и смотрел на свое пребывание на "Цветке Хлопка" как на забавное приключение.

Спектакли "Цветка Хлопка" в Луизиане проходили с блестящим успехом. Особенно любовью публики пользовались Магнолия и Равенель. Он был молод, красив, своеобразен, романтичен. Она была стройна, женственна, пылка, прелестна. В те минуты, когда они были вдвоем на сцене, вымысел становился правдой. Переживаемые ими опасности и невзгоды вызывали в публике слезы, любовь их казалась свежим, благоуханным цветком. Слух о замечательных представлениях "Цветка Хлопка" распространялся каким-то таинственным образом от плантации к плантации, от города к городу от селения к селению. До сих пор избалованные жители Луизианы относились к появлению плавучего театра довольно равнодушно. Теперь спектакли проходили с аншлагом Капитан Энди ликовал. Партийню мучили мрачные предчувствия. Магнолия сияла. Нежная улыбка ее губ напоминала мягкий контур излучин Миссисипи. Все лицо ее светилось тем внутренним светом, которым было озарено когда-то лицо Джули. Блестящие глаза стали огромными. Казалось, она сразу расцвела. В этом не было ничего удивительного. Ей было восемнадцать лет. Она была прелестна. Она полюбила.

Вернувшись в Новый Орлеан, Энди застал там письмо от Шульци, безграмотное, жалобное, правдивое. Элли вышла из больницы, но была слаба и беспомощна. Он нашел временную работу -- какую именно, он не писал.

-- Наверное, сделался лакеем в каком-нибудь кабаке, -- предположила Парти.

О своих денежных делах и возвращении на "Цветок Хлопка". Шульци не сообщал ни слова. Тайком от жены капитан Энди послал ему двести долларов.

Вечером Энди, Парти и Док устроили военный совет. На Равенеля трудно было рассчитывать. Он сам дал понять капитану Энди, что согласен стать актером только на время, до возвращения Шульци.

-- Может быть мы просто не скажем ему, что Шульци не вернется? -- предложил Док.

-- Все равно узнает, -- заметил Энди.

-- Можно подумать, что на нем свет клином сошелся! -- сказала Парти Энн. -- Великий актер, тоже мне! Закатывает глаза и говорит глубоким голосом, а вместе с тем вечно возится с ногтями, точно женщина. Ручаюсь, что если бы вы порасспросили о нем в Новом Орлеане, то узнали бы какую-нибудь мерзость, хоть он и кичится тем, что его предки Равенели из Теннесси были когда-то губернаторами и похоронены в фамильном склепе. Это подозрительная личность.

-- Это лучший из любовников, когда бы то ни было игравших в плавучих театрах! К тому же я до сих пор не знал, что актер не имеет права держать в чистоте ногти!

-- Дело не в ногтях, а в другом! -- огрызнулась Парти. -- Я не выношу его. Болтун! Подлиза! Думает обвести вокруг пальца женщину моих лет Сосунок! Я справлюсь с дюжиной таких, как он.

Она пододвинулась к капитану Энди. Выражение страха и ревности появилось на ее лице.

-- Он заглядывается на Магнолию, уверяю тебя.

-- Был бы дураком, если бы не заглядывался.

-- Вы хотите сказать, Энди Хоукс, что позволите вашей собственной дочери выйти замуж за бродягу, у которого даже не было смены белья, когда вы выбрали его?

-- О женщина, -- воскликнул Энди, -- неужели ты считаешь, что мужчина обязан жениться на каждой девушке, которая приглянулась ему?

-- Обязан жениться капитан Хоукс! Обязан. Но чего может ждать девушка от отца который выражается так, да еще при посторонних!

-- Позвольте, миссис Хоукс... это вы меня считаете посторонним?! -- вмешался Док.

-- Вас, да... Хорошо! Держите его в своем театре. Только берегитесь! Кто предостерегал вас, что вы дождетесь неприятностей от этой чернокожей Джули? Вам, очевидно, не терпится, чтобы шериф опять появился на нашем пароходе! Подождите! Дайте мне только доехать до Нового Орлеана! Уж я наведу там справки. Да и Фрэнк не будет зевать!

-- При чем тут Фрэнк?

Получив столь очевидное доказательство мужской несообразительности, Парти Энн удалилась.

По возвращении из поездки по Луизиане "Цветок Хлопка" пробыл в Новом Орлеане одни сутки, не давая представления. В день прибытия Гайлорд Равенель с утра сошел на берег. Около сходней он опять встретил того субъекта который задержал его прошлый раз и перекинулся с ним несколькими фразами. Со стороны могло показаться что они вполне дружелюбно приветствуют друг друга.

-- Опять вы здесь, Гай? Мне сдается, вы никак не можете расстаться с тем местом, где...

-- Убирайтесь к черту! -- ответил Равенель.

В три часа дня Равенель снова направился к "Цветку Хлопка" Увидев его, субъект, с которым он говорил утром и который все еще слонялся по набережной, сохраняя таинственный вид, изумленно прикрыл глаза и снова широко открыл их, точно стараясь отогнать от себя привидение.

-- Черт возьми, Равенель, уж не обобрали ли вы банк?

Одетый во все новое, начиная с лакированных ботинок и кончая светло-серой шляпой, Равенель был образцом изящества. Сапоги, сделанные на заказ, были тонки и элегантны. Костюм из настоящего английского сукна великолепно сидел на нем. Тонкое белье сверкало белизной. Затейливая вышивка украшала скромную монограмму на уголке носового платка, торчавшего из верхнего кармашка костюма. Даже тросточка Равенеля, точно попав снова в привычную ей обстановку, выглядела как-то наряднее и новее. Получив первое вознаграждение за двухнедельное пребывание в плавучем театре и надеясь на дальнейшие заработки, Гайлорд Равенель, находясь близ Луизианы, послал по почте заказ Плумбриджу, единственному английскому портному в Новом Орлеане, и блестящий результат этого заказа был теперь налицо.

Равенель остановился около таинственного субъекта и сказал:

-- Выслушайте меня, Плоская Ступня. "Цветок Хлопка" причалил к пристани Нового Орлеана сегодня ровно в семь часов утра. Я сошел на берег в девять. Теперь три часа. Я имею право находиться на берегу до девяти часов утра завтрашнего дня. Если до тех пор я услышу от вас хоть одно оскорбительное замечание, пеняйте на себя.

Выслушав это заявление, Плоская Ступня с удивлением и даже некоторым восторгом уставился на Равенеля.

-- Клянусь честью, Равенель, ваш апломб поможет вам когда-нибудь добыть миллионы!

-- Ерунда! -- ответил Равенель, доставая из кармана прекрасную дорогую сигару. -- Не хотите ли закурить?

Он достал вторую.

-- А вот эту передайте, пожалуйста, Валлону. Ведь вы, вероятно, скоро пойдете к нему с докладом. Не забудьте сказать, что я рад случаю дать ему возможность хоть раз в жизни узнать вкус настоящей сигары.

Поднимаясь по сходням, Равенель столкнулся с миссис Хоукс и трагиком Фрэнком, которые отправлялись на берег. Галантность, с которой он уступил им дорогу, сделала бы честь любому Равенелю из Теннесси времен пудренных париков, атласных кафтанов и изящных шпаг.

Ни одна женщина не могла бы устоять против Равенеля в новом костюме, а миссис Хоукс была всего лишь женщиной.

-- Воплощенная любезность! -- заметила она.

Фрэнк, костюмы которого всегда отличались небрежностью, хотел было подтрунить над Равенелем, но осекся. Равенель решил воспользоваться удобным моментом и заговорил с миссис Хоукс:

-- Надеюсь, вы не слишком долго будете отсутствовать?

-- Почему это вы надеетесь? -- спросила Партия.

-- Я льстил себя надеждой, что вы вместе с капитаном Хоуксом и мисс Магнолией окажете мне честь сперва пообедать со мной в городе, а после этого пойти в театр. Я знаю прелестный ресторанчик, где...

-- Посмотрим! -- ответила Партия.

Это был вежливый отказ. Положив таким образом конец разговору, она величественно продолжала свой путь в сопровождении удовлетворенного трагика.

Когда Равенель поднялся на пароход, капитан Энди сидел в маленьком помещении кассы на передней палубе, служившей входом в театр. Рядом с ним сидела Магнолия -- Магнолия, доступ к которой на сей раз не был прегражден материнскими крылами.

Она была одета по-праздничному. На ней было шелковое, песочного цвета платье с узким лифом и пышной юбкой. Соломенная шляпа с высокой тульей и широкими полями была отделана бархатной лентой придававшей особенный блеск ее глазам, и темно-красными розами. От этих ярких цветов ее черные волосы казались еще чернее. В руках она держала зонтик и длинные шведские перчатки. Точь-в-точь картинка из модного журнала. В этом не было ничего удивительного. Платье ее и было точной копией костюма из последнего номера одного из них, костюма, который поразил ее своим изяществом.

Перед капитаном Энди лежали аккуратные, увесистые холщовые мешочки. Когда он передвигал их, они издавали приятный металлический звук. Рядом с ними были сложены пачки кредиток, заклеенные полоской белой бумаги. Вокруг всего этого великолепия выстроилась настоящая китайская стена из серебряных и никелевых монет. Сам Энди сильно смахивал на гнома из сказок братьев Гримм. Последняя поездка дала плавучему театру обильный улов.

-- Шестьсот пятьдесят, -- радостно подсчитывал капитан Энди, записывая цифры на клочке сероватой бумаги... -- и еще пятьдесят... это выходит семьсот, и двадцать пять... это выходит семьсот двадцать пять... и еще двадцать пять...

-- О папа! -- с нетерпением воскликнула Магнолия, глядя в окно на заманчиво раскинувшийся Новый Орлеан. -- Скоро четыре часа, а ты еще не переоделся и все считаешь деньги. Знаешь, мама ушла куда-то с этим противным Фрэнком. Я уверена, что она затеяла какую-нибудь гадость, уж очень у нее был довольный вид. Когда же мы выберемся отсюда? Ведь теперь мы не увидим Новый Орлеан до следующего года! Ты обещал, что мы поедем кататься к озеру Поншартр, а вечером пойдем в театр. Уже четыре часа! Какой кошмар!

Магнолия, артистка на амплуа инженерю, мало отличалась от того ребенка, который когда-то закатывал истерики, чтобы добиться своего.

-- Подожди минутку, -- рассеянно пробормотал Энди. -- Не могу же я оставить деньги разбросанными на столе. Германский Национальный банк

и так делает мне любезность, принимая мои вклады в любое время... Восемьсот и пятьдесят... восемьсот пятьдесят... девятьсот...

-- Какое мне дело до твоих денег! -- крикнула Магнолия, топнув ножкой. -- Это нечестно с твоей стороны! Ты же обещал! И я уже совсем готова!

-- Ах ты Господи, Нолли! Ты, кажется, собираешься идти по стопам твоей мамы! Можно подумать...

-- О, как вы красивы! -- воскликнула Магнолия. Энди с удивлением поднял глаза. Она смотрела поверх его головы на кого-то, кто стоял в дверях. Энди резко крутанулся на своем вращающемся стуле. В дверях стоял, конечно, Равенель. Капитан Энди присвистнул, несомненно выражая восхищение.

-- О, как вы красивы! -- снова воскликнула Магнолия, захлопав в ладоши, как ребенок.

-- Вы еще красивей, мисс Магнолия! -- сказал Равенель.

Сделав несколько шагов вперед, он взял в свои руки правую ручку Магнолии и поцеловал ее. Магнолия недаром была дочерью галантного Энди и актрисой: она ничем не выказала своего удивления и ограничилась небрежным и грациозным кивком головы. Сам Энди не без удовольствия смотрел на высокую стройную фигуру, почтительно склонившуюся перед его дочерью. Но вдруг на лице его появилось выражение тревоги. Он вскочил со стула и стал взволнованно дергать свои бачки.

-- Пойдите-ка, Равенель! Надеюсь, вы не бросаете нас? На вас чертовски шикарный костюм... Вы целуете руку Магнолии... Не значит ли это?

Равенель смахнул с рукава своего костюма несуществующую пылинку:

-- Это самый обыкновенный костюм, сэр. Я всегда одеваюсь так. Когда вы увидели меня впервые, дела мои были плохи. Явление временного характера. Может случиться со всяким джентльменом.

-- Разумеется! -- согласился капитан Энди. -- Разумеется! Просто я подумал, что вы собираетесь покинуть нас, и был очень встревожен. Не знаю, чем вы занимались до сих пор. Но вы рождены быть актером. Оставайтесь с нами. Я прибавлю вам жалованье. Вы будете получать двадцать...

Равенель покачал головой.

-- Двадцать пять!

Равенель опять покачал головой.

-- Тридцать долларов! Видит Бог, ни один актер-любовник не получает больше.

Движением своей красивой белой руки Равенель остановил его:

-- Не будем говорить о деньгах, капитан. Впрочем, если вы могли бы одолжить мне пятьдесят долларов... очень вам благодарен!.. Я хотел просить вас, миссис Хоукс, и мисс Магнолию оказать мне честь пообедать со мной сегодня в городе и поехать в театр. Я знаю прекрасный французский ресторан...

-- Папа! -- воскликнула Магнолия и, бросившись к маленькому капитану Энди, буквально окутала его шуршащим шелком и запахом нежных духов.

Обхватив обеими руками шею отца, она прижалась своей нежной щечкой к его сидящей голове. Глаза ее сделались огромными. Не отрывая взгляда смотрела она на Равенеля.

-- Папа! -- повторила она.

Долгие годы сожительства с Парти Энн научили капитана Энди некоторой осторожности.

-- Твоя мама... -- начал было он нерешительно. Магнолия отскочила от него, бросилась к Равенелю и повисла на его руке. Ее прекрасные глаза были полны слез. Правая рука Равенеля легла на маленькую ручку, так доверчиво обхватившую его левую руку.

-- Он обещал мне! А вот теперь ему нужно считать эти противные деньги! Док, который должен был нас здесь встретить ровно в полдень, задержался в Батон-Руже! Мама ушла на берег! Мы собирались ехать на озеро Поншартр и обедать там! А он еще не переоделся! Скоро уже четыре часа!

-- Магнолия! -- воскликнул Энди и так вцепился в свои бачки, как будто хотел оторвать их.

Магнолия была в самом выгодном положении. Перед ней стояли двое мужчин, которые обожали ее и которых она обожала. Она решила подвергнуть испытанию их любовь. Выражение ее лица сделалось трагическим -- не настолько, однако, чтобы потерять хоть частичку своего очарования. Она повернулась к тому из них, который любил ее более глубоко и менее эгоистично:

-- Ты совсем не думаешь обо мне и о моем счастье. Ты вечно занят своим театром и деньгами. Разве я мало работаю весь год? Я имею право повеселиться. Ты должен исполнить свое обещание.

-- Я исполню его, Нолли. Мы поедем в город. Но твоя мама еще не вернулась. Войди в мое положение. Не мог же я предвидеть, что Док застрянет в Батон-Руже. Мы успеем и пообедать, и побывать в театре. Разумеется, от поездки к озеру...

Магнолия вскрикнула. Это был вопль отчаяния. Темные глаза умоляюще поднялись к Равенелю.

-- Именно о поездке-то я больше всего и мечтала. Я обожаю лошадей. Мне так редко приходится кататься в экипаже. В маленьких городишках всегда попадают такие клячи! А здесь можно достать пару прекрасных, резвых, холеных лошадей с длинными шелковистыми хвостами, с раздувающимися ноздрями, упряжь их сверкает на солнце, а экипажи роскошны с мягкими подушками на сиденье!.. Мне так хотелось к озеру! Там можно было бы...

Она начинала заговариваться, но была по-прежнему обворожительна. С каждой минутой просьбы ее становились все убедительнее.

Равенель с трудом удерживался от безумного желания заключить ее в свои объятия.

-- Если вы доверяете мне, капитан, -- обратился он к окончательно подавленному Энди, -- я постараюсь привести в исполнение план, только что пришедший мне в голову. Я прекрасно знаю Новый Орлеан и меня... гм... хорошо знают в Новом Орлеане. Мисс Магнолия так мечтала об этой

поездке! Я достану самый лучший выезд. Прекрасные гнедые рысаки. Вполне надежные.

Магнолия по-детски взвизгнула от восторга.

-- Разрешите нам прокатиться к озеру, капитан Хоукс! -- продолжал Равенель. -- Если вам угодно, мы можем пригласить с собой миссис Минс или миссис Сопер...

-- Ну уж нет! -- решительно возразила Магнолия.

-- Мы встретимся с вами и с миссис Хоукс в ресторане Антуана.

-- Ну, папа! -- воскликнула Магнолия. -- Ну, папочка!

-- Твоя мама... -- снова начал Энди. Груда несосчитанных денег все еще лежала на столе. Надо было на что-нибудь решиться. Капитан Энди подошел к окну и осмотрел набережную и ближайшую улицу:

-- Не знаю, куда она девалась...

Он отвернулся от окна и беспомощно посмотрел на юную парочку, стоявшую перед ним. При виде их -- таких молодых, красивых, радостных и взволнованных -- романтическое сердце капитана Энди растаяло. Магнолия была так мила в своем праздничном наряде! Равенель -- так элегантен в новом костюме!

-- Ну что же, по-моему, в этом нет ничего предосудительного. В половине седьмого мы с мамой будем ждать вас в ресторане Антуана.

Капитан Энди напрасно условливался о встрече. Магнолию с Равенелем уже сдуло из кассы. Казалось, ветер подхватил их и на невидимых крыльях вынес из тесной комнатки и затем, пролетев вместе с ними по сходням, бережно поставил их на набережную. Дальше они пошли сами Плоская Ступня почти благожелательно посмотрел им вслед.

Энди вернулся к письменному столу и снова принялся за работу. Пробыло четыре часа, потом половина пятого. Карандаш капитана без устали выводил столбцы цифр. Сборы за эту поездку были, как никогда высоки.

-- Этот Равенель -- настоящий клад. И такой славный малый! Тридцать долларов -- это совсем недорого.

Но что это? Господи Боже! Послышался ужасный крик. В тот самый момент, когда капитан Энди дошел в своих подсчетах до тысячи трехсот долларов, кто-то стремительно пронесся по сходням и вихрем влетел в комнату. Чья-то рука неистово впилась в его плечо и повернула к себе, заставив жалобно заскрипеть крутящийся стул. Перед ним стояла Парти Энн. Шляпа ее сбилась набок, грудь взволнованно вздымалась, глаза были вытаращены, рот искривился.

-- На берегу канала! -- тихонько взвизгнула она. По-видимому, крик, который она собиралась издать, застрял у нее в горле. По крайней мере, сдавленный визг ее прозвучал в высшей степени неестественно. -- На берегу канала! Вдвоем... собственными глазами... в эки... ки... ки...

Партинья упала на стул. Она, казалось, обезумела. Энди не на шутку встревожился. В эту минуту перед окном кассы мелькнула высокая, неуклюжая фигура трагика Фрэнка. Он остановился в дверях и каким-то странным взглядом посмотрел на Парти. Дыхание его было прерывисто, он казался очень взволнованным.

-- Она убежала от меня, -- пояснил он Энди. -- Увидев, как они проезжают в экипаже, миссис Хоукс бросилась от меня к ним. Бегом! Бросилась догонять их. Весь Новый Орлеан решил, наверное, что она сошла с ума. Я хотел было подойти к ней, но она опять убежала, но на этот раз по направлению к пристани. Женщина ее возраста! За кого вы меня принимаете, скажите на милость?

Но Парти не слушала его. Он не существовал для нее. Лицо ее было бледнее мела.

-- Он убийца! -- прохрипела она.

Терпенье Энди, испытываемое целый день, наконец лопнуло.

-- Да что с тобой? Может быть, ты в самом деле спятила? Кто убийца? Фрэнк, что ли? Кого он убил? Я, например, с удовольствием убил бы сейчас вас обоих за то, что вы, как безумные, ворвались ко мне, мешаете мне заниматься делом и перевернули все вверх дном. Здесь касса, а не сумасшедший дом!

Дрожа с головы до ног, Парти Энн Хоукс выпрямилась во весь свой высокий рост. Когда она заговорила, голос ее звучал взволнованно, но твердо:

-- Слушай же, ты, глупец! Я попыталась было узнать что-нибудь от того субъекта, который вечно торчит на набережной и с которым разговаривал сегодня утром Равенель. Он не захотел отвечать на мои расспросы и посоветовал мне обратиться к начальнику полиции. Я исполнила его совет. Я пошла к начальнику полиции. Он оказался настоящим джентльменом. Так вот, он совершил убийство.

-- Начальник полиции! Убийство! Кого же он убил?

-- Нет! -- крикнула Парти. -- Не начальник полиции! Равенель! Он убил!

-- О Боже! Когда? Кого?

Энди вскочил. Может быть, Магнолия нуждается в его помощи!

-- Год тому назад. Год тому назад, в этом самом городе.

У Энди отлегло от сердца. Но испуг был слишком сильным, и он пришел в бешенство.

-- Его за это не повесили, правда?

-- Кого не повесили? -- переспросила Парти.

-- Кого? Равенеля! Не повесили же его!

-- Конечно, нет. Ты же сам знаешь, что он гуляет на свободе. Он сказал, что убил защищ...

-- Вот как! Убийцу отпустили на все четыре стороны! Значит, он и не преступник вовсе. Убил потому, что должен был убить, вот и все.

-- Вот и все, по-вашему? Нет, капитан Хоукс! Далеко не все. В эту самую минуту твоя единственная дочь едет в экипаже вдвоем с убийцей! Я видела их своими собственными глазами! В то время как я старалась все разузнать и предотвратить надвигающуюся опасность... за моей спиной... она... с ним! Это дело твоих рук! Твоя единственная дочь... среди бела дня... при всем честном народе... с убийцей!..

-- Поди ты к черту! -- неожиданно взвизгнул капитан Энди. В минуты бешенства в голосе его появлялись необычайно высокие ноты. -- Да будет

вам известно, миссис Хоукс, что я тоже совершил убийство! Да-с! Мне было тогда девятнадцать лет. И это нисколько не помешало мне быть в течение двадцати пяти лет одним из самых уважаемых людей на реке!.. Вот вам! И если вам уж так хочется говорить об уб...

Партинья Энн Хоукс больше не слышала мужа. Она упала в обморок. Это был первый обморок в ее жизни.

Глава десятая

Гайлорд Равенель и не думал влюбляться. А уж мысль о женитьбе вовсе не приходила ему в голову. Он искренне считал себя человеком, совершенно не подходящим для брака. Но вот уже два раза останавливался "Цветок Хлопка" в Начезе, а он все еще оставался актером, играл первых любовников и целыми днями придумывал, как бы провести миссис Хоукс и остаться наедине с Магнолией. Он был страстно влюблен. Упрекнуть его в том, что он уступил любви без боя, было трудно. Каждый день он принимал твердое решение бросить всю эту нелепую затею. Неужели это он, Гайлорд Равенель, служит в плавучем театре за какие-то жалкие тридцать долларов в неделю! Он, выигрывавший (и проигрывавший) в покер и фаро по тысяче в ночь! Правда, каждый день он точно так же решал никогда больше не притрагиваться к картам, сделаться достойным прелестной девушки, стать необходимым Энди и во что бы то ни стало узнать, в чем же наконец, ахиллесова пята Парти.

В свои двадцать четыре года ему приходилось иметь дело с самыми разными женщинами. Он любил нескольких. Его любили многие. Но женщины, похожей на Магнолию, он не встречал никогда. Обстановка в которой она жила, наложила на нее особый отпечаток. Постоянное общение с людьми, характеры которых не укладывались в обычные рамки, жизнь на реке полная грубых, романтических, грязных, трагических и смешных черт, мудрая терпимость и жизнерадостность, унаследованные от отца, наконец, свобода, которой, казалось, был наполнен самый воздух в плавучем театре, -- все это способствовало развитию в ней яркой индивидуальности, блеска, ума, непринужденности -- качеств, которые обычно встречаются только у женщин вдвое старше и во сто раз опытнее ее. Была у нее и известная строгость, которой она, конечно, была всецело обязана матери. Во всяком случае, держалась она с большим достоинством. На реке к юной дочери капитана относились очень почтительно. Но она была влюблена, и во взглядах, которые она бросала на Равенеля, было что-то еще совсем детское. Ощукая на себе эти взгляды, он мечтал броситься в Миссисипи (хотя вода в ней отнюдь не отличалась чистотой) и омыться от грехов, как это делают паломники в Иордане.

На следующий день после того, как Парти побывала в Новом Орлеане, между ней и капитаном Энди произошло краткое, но яростное столкновение, из которого капитан вышел победителем.

-- Или этот убийца или я! -- резко заявила Парти.

Ее заявление относилось к числу тех, которые ставят в затруднительное положение тех кто их произносит.

-- Он!

Равенель остался в плавучем театре. Разумеется осталась и Парти.

Они смотрели друг на друга, как враги, заключившие вынужденное перемирие и ежеминутно готовые его нарушить.

Дела плавучего театра шли хорошо. Весть о том что на "Цветке Хлопка" появились два новых и прекрасных артиста, быстро облетела реки. Во время наиболее нежных сцен Партинья неизменно стояла за кулисами и издавала глухое ворчание, на которое и влюбленная героиня и страстный любовник не обращали никакого внимания. Для них это была единственная возможность выразить свои чувства. Никогда еще подмостки плавучего театра не видели столь невинного и прелестного романа.

Равенель много делал для театра. Между прочим он обратил внимание на декорации. В те времена они были двухсторонними. Одна сторона, например, изображала гостиную, другая -- лес. Намалеванные невежественным живописцем, декорации эти не выполняли своего назначения. Каждое дерево в лесу, каждая ветка и даже каждый листочек были тщательно выписаны и вблизи действительно походили на деревья, ветки и листочки. Но из зрительного зала они производили совсем другое впечатление. Даже самые неразборчивые зрители не могли быть удовлетворены ими. Вооружившись кистью и достав где-то краски, Равенель сделал две совершенно новые декорации, вызвавшие сначала негодование и смех актеров, толпившихся на сцене.

-- Вовсе не нужно выписывать каждую деталь, -- объяснял Равенель, смело накладывая мазки на полотно. -- Эта декорация рассчитана на то, чтобы дать зрителю иллюзию леса, не правда ли? Ведь зрители не придут на сцену рассматривать ее. Вот тут должны быть ворота. Если я попытаюсь изобразить их в виде прямоугольника, образованного при помощи двух шестов и перекладины, никто не поверит, что это ворота. Надо писать их так... так... и так...

-- Правильно! -- воскликнула Магнолия. Она стояла в середине зрительного зала, склонив голову набок и внимательно смотрела на сцену.

-- Хотя то, что он написал, совсем не похоже на ворота, но отсюда это производит впечатление ворот... Посмотри, папа!.. А деревья! Листья совсем как настоящие! Наши старые декорации гораздо хуже!

В этом примитивном театре Равенель внедрял те художественные принципы, благодаря которым Бобби Джонс прославился в Нью-Йорке двадцатью пятью годами позже.

-- Где вы научились всему этому? -- спрашивали его.

-- В Париже, -- отвечал он.

Впрочем, о Париже он никогда не распространялся. Вообще, прошлое его было окутано пеленой таинственности.

-- Какой там Париж! -- шипела Парти Энн. -- Это такая же правда, как и Равенели из Теннесси! Вздорные выдумки!

Однако, когда через несколько недель "Цветок Хлопка" остановился в Теннесси, Равенель повел Магнолию и Энди в старую кладбищенскую церковь. Стены ее были сплошь увиты виноградной лозой, кладбище, где она стояла, благоухало магнолиями и остролистом, церковные ступени были стерты, а колонны начинали оседать. В стеклянной шкатулке, рядом со старинной библией в кожаном переплете, лежала пожелтевшая от времени бумага. Чернила из черных превратились в серые, но почерк, которым был написан документ, был очень разборчив, и прочесть его не представляло никакой трудности.

"Завещание Жана Батиста Равенеля.

Я, Жан Батист Равенель из Теннесси, находясь в здравом уме и твердой памяти, изъявляю сим мою последнюю волю. Все свое имущество я завещаю моим сыновьям. Их у меня трое: старший Сэмюэль, средний Жан и младший Гайлорд. Пусть они вступят во владение им по достижении каждым из них двадцати одного года.

Я хочу, чтобы работа на плантациях продолжалась и чтобы на доходы с них сыновья мои получили соответствующее их положению образование. Пусть они научатся хорошенько читать, писать и считать, прежде чем приступят к изучению латинского языка и грамматики. По достижении совершеннолетия я советую им выбрать специальность и, после соответствующей подготовки, заняться делом. (Я желал бы, чтобы один был юристом, а другой купцом.)

-- Как же так? -- шепотом спросила Магнолия, оторвав от шкатулки удивленный взгляд. -- А третий? Почему тут ничего не сказано о третьем?

-- Третий был блудным сыном... Это мой прадед. Все потомки его носят имя Гайлорд. И все -- блудные сыновья. И дед мой -- Гайлорд Равенель, и отец мой -- Гайлорд Равенель, и...

Он раскланялся.

-- И ваш покорный слуга.

-- Правда? -- спросил Энди.

-- Клянусь вам!

Склонившись над шкатулкой и слегка нахмурившись, Магнолия медленно разбирала написанные затейливым почерком строки.

"Завещаю сыну моему Сэмюэлю Эшвуду расположенный к югу от реки Камберленд, все земли, простирающиеся на север от вышеупомянутой реки, а также четыреста пятьдесят акров, прилегающих к плантации Уильяма Лаура.

Завещаю сыну моему Жану и всем наследникам его на вечные времена семьсот сорок акров земли в Стумпи Саунд... а также тысячу акров, находящихся..."

Магнолия выпрямилась. Прекрасные глаза ее сверкали негодованием.

-- Но как же Гайлорд!

-- Что?

Она ни разу еще не называла его по имени.

-- Не вы, а тот. Брат Сэмюэля и Жана. Почему он... почему он...

-- Потому что это был очень непослушный мальчик, -- ответил Равенель, улыбаясь своей чарующей улыбкой.

Магнолия так и потянулась к нему. Смутная жалость и восхищение наполнили ее душу. Склонившись над маленькой стеклянной шкатулкой, молодые люди молча смотрели друг на друга. Энди смущенно кашлянул. Они выпрямились. У них были такие лица, словно их кто-то загипнотизировал.

-- Ваши родственники похоронены на этом кладбище? -- громко спросил капитан Энди.

Очарование молчания было нарушено.

-- О да. Целая куча родственников! -- весело ответил Гайлорд. -- Сын такого-то... дочь такого-то... возлюбленный отец такого-то... Одна из Равенелей тут, рядом с вами.

Энди отскочил в сторону, бросив испуганный взгляд на изящно отполированную серую каменную плиту:

-- Прочти ты, Нолли. У тебя молодые глаза.

Приблизив свое свежее юное личико к холодному серому камню, Магнолия прочла:

"Здесь покоится тело Сюзанны Равенель, супруги королевского советника и губернатора сей провинции, скончавшейся девятнадцатого октября тысяча семьсот шестьдесят пятого года тридцати семи лет от роду Тяжкий недуг, приобретенный ею вследствие перемены климата, она переносила с необычайной стойкостью и истинно христианским смирением!..."

Магнолия встала:

-- Бедняжка!

В глазах ее можно было прочесть неподдельную жалость. Равенель опять почти вплотную подошел к молодой девушке. На этот раз капитан Энди повернулся к ним спиной и отошел в боковой придел. Когда они вышли, наконец, на свежий воздух, он стоял, прислонившись к большому дубу, и задумчиво курил трубку, с таким видом, словно рассчитывал, что усопшие Равенели не слишком на него за это обидятся.

-- Хорошо бы привести сюда твою маму, -- сказал он, когда Магнолия и Гайлорд подошли к нему. -- Как бывшая учительница, она интересуется историей, но трактует ее иной раз превратно.

Гайлорд Равенель пользовался большим успехом у публики, особенно у женской ее половины. Увидев его на сцене, добродетельные матери и супруги становились на несколько дней необъяснимо задумчивыми и раздражительными. Когда они смотрели на своих тупых и весьма неромантических супругов, которые восседали за обеденным столом, уставленным дымящимися блюдами, на лицах их можно было прочесть явное неодобрение.

-- Почему ты не бреешься на неделю? -- ворчали они. -- Неужели тебе не стыдно ходить такой гориллой?

Добродушный супруг удивлялся:

-- Я брился в субботу, как всегда.

-- Посмотри на свои руки!

-- Руки как руки... Что с тобою, Бэлла? Ты как будто не в своей тарелке последнее время.

-- Со мной? Ничего. -- И Бэлла опять впадала в мрачное молчание.

Миссис Хоукс энергично продолжала объявленную ею войну. Но что такое материнская ревность по сравнению с молодостью, любовью, страстью? В течение целой недели она отравляла существование Магнолии, стараясь внушить ей недоверие к Равенелю:

-- Он смеется над тобой... В один прекрасный день он просто удерет от нас... типичный игрок... обрати внимание на его глаза... Он убийца... Лучше бы тебе лежать в могиле...

Но все старания ее пропадали даром. Одного мужественного поступка или даже просто изящного жеста Равенеля было достаточно, чтобы Магнолия совершенно забыла о словах матери.

Однажды вечером они играли "Сюзанну из Кентукки". Равенель в синей блузе изображал простого дровосека Нечего говорить, что за грубой внешностью этого дровосека таилось золотое сердце. Роль Сюзанны, конечно, исполняла Магнолия. Город Генс, где они давали представление, славился на редкость дикими нравами. Ко всеобщему удивлению, публика вела себя сначала весьма прилично. Но в середине спектакля чей-то хриплый пьяный голос начал во всеуслышание напевать веселую песенку с припевом "вот так так!" После каждого драматического или трогательного места, после каждой звучной фразы, произнесенной на сцене, из середины зала раздавалось это надоедливое "вот так так!".

Между тем в Генсе надо было вести себя очень осторожно. Артисты "Цветка Хлопка" твердо помнили это. Достаточно было одного неосмотрительного слова, чтобы в ход пошли ножи и ружья. Этого ни в коем случае не следовало допускать.

-- Не обращайтесь внимания, -- боязливо шепнула Равенелю Магнолия. -- Этот субъект совершенно пьян. Он скоро замолчит. Не обращайтесь внимания.

В этот момент они были вдвоем на сцене. Объяснение считалось одним из самых сильных мест пьесы. Принося в жертву себя и свою любовь, честный дровосек из Кентукки советовал Сюзанне выйти замуж за жениха, на которого пал выбор ее родителей (злодея жениха играл, понятно, Фрэнк). Завсегдатаи плавучих театров, смотревшие эту пьесу из года в год, так хорошо знали ее, что смело могли бы суфлировать. Монолог дровосека начинался следующими словами:

"Сю, если ты его любишь и он любит тебя, иди к нему. Но если он будет обращаться с тобою дурно, возвращайся ко мне. Помни, под этой грубой синей блузой бьется верное сердце! Я буду ждать тебя".

Через несколько минут Равенелю предстояло произнести эти слова. Между тем насмешливый хриплый голос из зрительного зала все время повторял свое скептическое "вот так так!".

-- Проклятая пьяная скотина! -- сквозь зубы процедил Равенель, в то же время с бесконечной любовью взирая на печальную Сюзанну.

-- О дорогой! -- сказала Магнолия, с ужасом глядя на мускулы, вдруг отчетливо обозначившиеся под рукавом синей блузы, на гневно сжатые челюсти Равенеля и на его побледневшие под гримом щеки. -- Будьте осторожны.

Равенель на полуслове оборвал монолог и подошел к рампе. В зале воцарилась полная тишина. Быстрым и внимательным взглядом окинул он публику.

-- Эй ты, приятель! Тут есть люди, которым хочется слушать, что говорится на сцене. Убирайся прочь, если хочешь, но не мешай другим!

Пьяница продолжал напевать. В разных концах зала слышались аплодисменты.

-- Правильно! Заткните ему глотку! -- крикнул кто-то.

Зрители не решались заставить пьяницу замолчать, но ничего не имели против того, чтобы кто-нибудь сделал это за них.

Представление продолжалось. Пьяный голос замолк. Равенель начал свой трогательный монолог:

-- Сю, если ты его любишь и он любит тебя, иди к нему. Но если...

-- Вот так так! -- опять крикнул пьяница. Он был искренне удивлен тем оборотом, который приняли события на сцене. -- Вот так так!

Равенель оттолкнул Сюзанну из Кентукки.

-- Берегись же! -- мрачно пробормотал он.

Он перескочил через рампу, прыгнул на крышку рояля, потом на клавиатуру, потом на стул -- четыре быстрых прыжка, -- выскочил из оркестра, схватил за воротник барахтающегося пьяницу и, крепко держа его, поволок к выходным дверям, а оттуда на сцени. Оба исчезли в темноте. Через несколько мгновений Равенель опять появился в зале. Вытирая руки на ходу, он прыгнул в оркестр, вскочил на стул, со стула на клавиатуру, с клавиатуры на крышку рояля, а с крышки рояля на сцену. Секунду он стоял неподвижно, переводя дыхание. За все это время он не произнес ни слова, в зале были слышны только его шаги и нестройные звуки протеста со стороны рояля, с которым он так непочтительно обошелся. Вдруг на лице Равенеля появилось смущение.

-- Постойте-ка, -- сказал он громко. -- На чем я остановился?

И один из зрителей громко подсказал ему:

-- Сю, если ты его любишь и он любит тебя...

Ну как могла рассчитывать Партия справиться с таким человеком? И на что мог надеяться Фрэнк?

Равенель и покой были две вещи несовместимые. Не прошло и недели после расправы с пьяницей, как он вторично показал себя героем. На этот раз он имел дело не с пьяным невеждой, а с духовным лицом.

В забытом Богом и людьми маленьком городишке на Кентукки появился какой-то захудалый пастор. Прибыл он туда незадолго до описываемых событий, паствы своей не знал совершенно и не имел ни малейшего представления о том, какой популярностью и любовью пользуется среди его новых прихожан труппа плавучего театра. Сам он считал актерское ремесло постыдным.

Док наводнил город афишами и рекламными плакатами. На одной из самых удачных была изображена Магнолия в "Буре и солнце". Эти плакаты были выставлены в окнах маленьких лавчонок. Прогуливаясь по грязному местечку, в котором не было иных достопримечательностей, кроме вязкой грязи, мух, мулов и негров, Гайлорд Равенель внезапно остановился как вкопанный. Взгляд его упал на надпись, сделанную карандашом под портретом Магнолии, выставленным в витрине магазина, принадлежащего пастору. С портрета на Гайлорда смотрело необыкновенно похожее на оригинал лицо любимой им женщины, а под ним крупными черными буквами была сделана надпись:

ПОГИБШАЯ ДУША

Необыкновенно изящный в своем английском костюме, помахивая тросточкой с набалдашником из слоновой кости и прищурив глаза, Гайлорд Равенель вошел в лавку и вызвал хозяина.

Из пыльного заднего помещения появился пастор -- грузная, ширококостная фигура, напоминающая чем-то анаконду. Он производил такое же отталкивающее впечатление, как диккенсовский Урия Гип.

Элегантный и спокойный Равенель хладнокровно указал концом тросточки на портрет Магнолии.

-- Снимите. Разорвите. Извинитесь.

-- И не подумаю! -- ответил служитель церкви. -- Вы такой же растлитель нравов, как и она, и вообще всех артистов плавучего театра давно бы следовало утопить в реке, по которой они только разносят заразу.

-- Снимайте сюртук, -- сказал Равенель, сбрасывая свой безупречный пиджак.

Глаза пастора наполнились ужасом. Он метнулся к двери. Быстрым движением Равенель преградил ему дорогу:

-- Раздевайтесь сейчас же. А не то я сам раздену вас. Впрочем -- если хотите -- можете драться одетым.

-- Вы оскорбляете служителя церкви! Я предам вас в руки правосудия! Я пожалуюсь шерифу! Я вас...

Равенель схватил его за воротник и сорвал с него сюртук и, увидев грязное белье, презрительно усмехнулся.

-- Если чистота вашей души соответствует чистоте вашего платья, -- сказал он, засучивая рукава своей белоснежной сорочки, -- черти вас, несомненно, заставят возиться с углем, когда вы попадете в ад.

Он замахнулся.

Пастор был выше и тяжелее. Но бешенство придало силы Равенелю. Через несколько минут священнослужитель был повержен на землю.

Равенель повторил свое требование:

-- Снимите с витрины портрет девушки, испорченный вами! Извинитесь передо мною... И потрудитесь извиниться публично за оскорбление, нанесенное женщине.

В ответ на эти слова пастор, жалобно застонав подполз к окну снял с него фотографию Магнолии и подал ее Равенелю.

-- Боюсь что я здорово помял вас, -- сказал Равенель. -- Надеюсь, что все кости целы. Сейчас я пойду к шерифу. Тем временем вы напишите крупными буквами ваше извинение и выставьте его в витрине на то место, где стоял портрет. Через несколько минут я вернусь.

Равенель оделся, поднял с пола любимую тросточку и направился к шерифу.

В ответ на его заявление о происшествии, только что имевшем место, галантный кентуккиец рассыпался в уверениях своего глубокого уважения к капитану Энди Хоуксу, к его супруге и к их талантливой дочери. Он обещал проследить за тем, чтобы письменное извинение было вывешено в окне негодяя и красовалось там до отплытия из города "Цветка Хлопка".

Распрощавшись с шерифом, Равенель -- все той же элегантной и легкой походкой -- пошел вдоль за литой солнцем сонной улицы, по направлению к пристани.

К вечеру весть о новом подвиге Равенеля разнеслась не только по сонному городу, но также вверх и вниз по реке, на расстояние в десять миль по крайней мере. Театр, дела которого и без того шли отлично, стал чрезвычайно популярен, а Равенель превратился в личность просто легендарную. Имя его было на устах у всех.

Решив, что это удобный момент для начала дипломатических переговоров, Магнолия пришла к матери.

-- Ты не позволяешь мне разговаривать с ним. Я не намерена больше терпеть это. Ты обращаешься с ним как с преступником.

-- А кто же он по-твоему?

-- Он.

Последовал длинный патетический монолог, пестревший словами: герой, джентльмен, чудесный, достойный, благородный, доблестный.

Равенель предпочел обратиться к капитану Энди.

-- Со мной обращаются как с отщепенцем. Я -- Равенель! Мое поведение безупречно. Можно подумать, что я какой-то прокаженный. Мне не разрешают разговаривать с вашей дочерью. Это унижительно. Я полагаю, что мне лучше всего не утомлять больше своим присутствием, капитан, вас и миссис Хоукс. В Каире я распрощаюсь с вами.

Капитан Энди в панике, не медля ни минуты, полетел к супруге и потребовал, чтобы она ослабила надзор за Магнолией.

-- Ты готов пожертвовать единственной дочерью ради нескольких жалких долларов, которые поможет тебе заработать этот выскочка!

-- Что ты подразумеваешь под словами "пожертвовать единственной дочерью"? Просто я считаю, что она имеет право разговаривать с красивым, симпатичным и воспитанным молодым человеком.

-- Пустомеля он, вот что!

-- Будь я на месте Магнолии, я сбежал бы с ним. Честное слово, сбежал бы! Если в ней осталась хоть капля здравого смысла, несмотря на то что ты в течение восемнадцати лет делала все, чтобы его уничтожить, она бы, несомненно, поступила так.

-- Ты говоришь глупости. Попробуй только посоветовать ей что-нибудь в этом духе. Ты даже не знаешь, кто он такой.

-- Он Раве...

-- Как тебе не стыдно повторять его басни!

-- Да ведь он показывал мне церковь, в которой...

-- Какой ты чудака, Хоукс! Я тоже могу показать тебе сколько угодно могил. Скажу, что моя фамилия Бонапарт, и сведу тебя к гробнице Наполеона, хочешь? Уверяю тебя, от этого он не станет моим дедушкой.

В сущности, она рассуждала совершенно правильно и могла оказаться правой. О семье Равенелей капитан ничего не знал, да и впоследствии ничего не узнал, если не считать завещания в стеклянной шкатулке и надгробной надписи.

Не скрывая своего неудовольствия, Парти Энн тем не менее разрешила молодым людям разговаривать между собой от пяти до шести часов дня, сразу после обеда. Но ни одну восточную принцессу не охраняли более тщательно, чем Магнолию во время этих бесед. В течение целого месяца они встречались ежедневно на верхней палубе. Кресла их находились на весьма почтительном расстоянии друг от друга. Тут же, в каких-нибудь двадцати шагах от них, восседала бдительная и суровая Партияня.

Чувствуя даже спиной острые, как бурав, глаза матери, Магнолия невольно выпрямлялась, крепко сжимала свои длинные нервные пальцы и скрещивала ноги. Широкая юбка ее казалась еще шире, и вся она производила впечатление рассерженной, оцетинившейся кошечки.

Небрежно откинувшись на спинку кресла, Равенель не сводил с нее глаз. Он сидел, положив ногу на ногу, в непринужденной и изящной позе. Но нога в изящном ботинке все время тихонько раскачивалась. И когда Парти Энн делала какое-нибудь резкое движение или напоминала о своем присутствии громким кашлем, по всему его телу пробегал электрический ток и лениво раскачивавшаяся нога вдруг начинала быстро подергиваться.

Они разговаривали губами и глазами одновременно. Между этими двумя разговорами не было ничего общего.

-- В самом деле, вам случалось бывать в Париже мистер Равенель? Ах, если бы вы знали, как мне хочется попасть туда. (Какой вы красивый! Как идет вам эта поза! Мне нет ни малейшего дела до Парижа. Я думаю только о вас.)

-- Я не сомневаюсь в том, что вам удастся прокатиться в Париж, мисс Магнолия. (Дорогая! Как бы я хотел поехать туда с вами! Как бы я хотел прижать вас к моей груди!)

-- Я и в Чикаго-то никогда не была. Я бывала только в этих прибрежных городках. (Мне нравится как лежат ваши волосы. Я хотела бы хорошенько взъерошить их, дорогой!)

-- Чикаго -- мрачный город. Конечно, и в нем есть привлекательные стороны. Зато Нью-Йорк... (Вы думаете, я боюсь вашей матери? Что, в сущности, мешает мне встать, обнять вас и прижаться в долгом-долгом поцелуе к вашему роту, яркому, как гранат!)

У Парти Энн был мрачный и непреклонный вид.

"Вот попухай! -- думала она. -- И как это ей не надоест его слушать?"

Глядя на нежное и рассеянное выражение лица Равенеля, она и не подозревала о том, какая буря поднимается в его душе.

Магнолия и Гайлорд чувствовали себя на "Цветке Хлопка" точно узники: они жили бок о бок, но словно каменная стена разделяла их. Их подслушивали, за ними следили. Это становилось невыносимым. Магнолия похудела, осунулась. Прогуливаясь по пыльным и заросшим травой улицам маленьких городков, в которых останавливался плавучий театр, Равенель злобно сбивал траву и цветы своей изящной тростью с набалдашником из слоновой кости.

Все-таки им удалось изобрести способ, при помощи которого они могли, в случае удачи, обменяться прощальным поцелуем. Сразу после окончания спектакля Равенель шел на корму, где стоял бочонок с водой. Можно было подумать, что он имеет обыкновение пить на ночь воду. При малейшей возможности, Магнолия приходила туда же. Ей это редко удавалось. А когда удавалось, то, конечно, очень ненадолго. Сигналом, предшествовавшим ее появлению, был стук дверей. Однако довольно часто бывали ошибки. Раздавался желанный скрип... с гулко бьющимся сердцем всматривался Равенель в бархатную черноту южной ночи, и мало-помалу перед ним вырисовывалась фигура Фрэнка, или миссис Сопер, или миссис Минс, или самого Минса, сотрясавшего воздух своим вечным кашлем. Иногда Равенель выпивал целые галлоны речной воды, поджидая Магнолию, которой так и не удавалось прибежать к нему.

Он ухитрился скопить сотню долларов. Он стал рассеян, раздражителен. Не считая нескольких безобидных партий в вист, он не притрагивался к картам. О, если бы поиграть как следует... сорвать банк! Чикаго... Хотя бы Сент-Луис. В маленьких городках на берегу реки не стоило пытаться счастья. Между тем, если бы ему действительно улыбнулась удача, он мог бы увезти Магнолию куда-нибудь. Все равно куда. Только подальше отсюда - подальше от этой старой мегеры, подальше от этого плоскодонного корыта, подальше от этих проклятых рек! Все это смертельно надоело ему.

"Цветок Хлопка" теперь бороздил воды Огайо. Однажды днем Равенель зашел в один из прибрежных ресторанчиков и присел к карточному столу. Было пять часов. Времени хоть отбавляй! Можно пять раз проиграться в пух и прах. Можно много выиграть. Шесть часов. Семь. Половина восьмого. Восемь... Кто это сказал? Неужели это Ральф стоит в дверях? Не может быть! Вас всюду ищут! Как вам не стыдно! Идемте-ка скорей!.. Боже!.. Десять долларов в кармане. Начало спектакля ровно в восемь. Пристань. "Цветок Хлопка" Взмолвленные лица. Энди, нервно дергающий себя за бачки. Магнолия в слезах. Парти, мрачная, но торжествующая. Фрэнк, наспех репетирующий его роль.

Равенель вышел к рампе и одним властным движением руки заставил умолкнуть беснующуюся публику:

-- Леди и джентльмены! Еще минуту терпения! К несчастью, произошла небольшая задержка. Ровно через пять минут мы начнем. От имени всего театра приношу вам искренние извинения. Мы надеемся, что спектакль заставит вас забыть об этой маленькой неприятности. Заранее благодарю за снисходительность.

Оркестр заиграл.

За кулисами Парти Энн воевала с супругом.

-- Ну, капитан Хоукс, может быть вы сподобитесь, наконец, внять словам своей жены? Его нашли в каком-то кабаке! Он играл в карты! Что было бы с нами если бы Ральф не отыскал его! Рисковать репутацией театра из-за какого-то болтуна, игрока, убийцы...

Равенель оделся и загримировался с быстротой, которой позавидовал бы любой пожарный. Спектакль прошел в этот день с большим подъемом. Но драма, развертывавшаяся перед глазами очарованных обитателей Падьюки, не выдерживала никакого сравнения с той, которую переживали в то же самое время исполнители двух главных ролей.

Улучив удобный момент, Магнолия шепнула, не шевеля губами:

-- О Гай, как вы могли это сделать?

Ей пришлось прождать добрых десять минут, прежде чем он оказался на достаточно близком расстоянии от нее.

-- Необходимы деньги. (Как трудно говорить, не шевеля губами! Вместо "деньги" выходит что-то вроде "енни".) Чтобы обвенчаться!

Спектакль в полном разгаре. В сценах, где они вдвоем, дело идет быстрее.

Магнолия. Как? Неужели все ваши друзья покинули вас? (Мама хочет, чтобы Энди вас прогнал.)

Равенель. Нет. Но что друзья, когда страсть терзает мое сердце? (Согласны ли вы обвенчаться тайно?)

Магнолия. Я больше бы хотела иметь друга, чем возлюбленного. (Это невозможно.)

Равенель. Дорогая мисс Броун... мисс Люси. (Мы должны обвенчаться!)

Магнолия. Пожалуйста, не называйте меня мисс Броун. (Где?)

Равенель. Люси! (Где мы будем играть завтра?)

Магнолия. Дорогой! (В Метрополисе. Мне страшно.)

Равенель. Согласны ли вы стать невестой бедняка? (Мы обвенчаемся в Метрополисе. Любовь моя!)

На следующий день, из страха возбудить подозрение, Магнолия не решилась надеть свое лучшее платье. Если бы она сделала это, Партинья, несомненно, обратила бы на это внимание. Было только десять часов утра, и Метрополис отнюдь не располагал к кокетству. Со вздохом сожаления Магнолия надела другое, цвета резеды. Но шляпой -- чудесной соломенной шляпой с бархоткой и темно-красными розами -- она не могла пожертвовать. Даже страх перед матерью не остановил ее. И

действительно, какая девушка на ее месте не надела бы такую хорошенькую шляпку в день собственной свадьбы!

Равенель исчез тотчас же после завтрака, за которым был очень рассеян. Он вовсе не выглядел виноватым. Между тем, по театральным понятиям, это было величайшее преступление, одинаково недопустимое в Техасском балагане и большом театре на Бродвее. Он чуть не сорвал спектакль! На этот раз вся труппа "Цветка Хлопка" была на стороне миссис Хоукс. Что касается ее, то в течение всего завтрака бант на ее чепце дрожал, как иголка самого чувствительного сейсмографа. Она была просто в ярости.

-- Я пойду в город, -- сказала Магнолия.

Она пила крошечными глотками кофе и не притрагивалась к еде.

-- Я пойду в город, мама. Мне нужно подобрать ленту к моему шелковому платью в горошек.

-- Мисс Магнолия, вы никуда не пойдете.

-- Почему, мама? Ты, кажется, воображаешь, что я все еще ребенок.

-- Да, ты все еще ребенок. Я не могу идти с тобой в город. Это достаточная причина, чтобы ты осталась дома.

-- Со мною будет миссис Минс. Я обещала пойти с ней. Ей нужны какие-то лекарства для мистера Минса. И резинка. И полдюжины апельсинов... Папа, неужели ты тоже считаешь, что я должна оставаться тут и скучать только потому, что мама встала сегодня с левой ноги? Ведь я ничего плохого не сделала! Ведь я...

Капитан Энди яростно вцепился в свои бачки.

-- Отстаньте вы от меня, ради Бога, с вашими резинками и апельсинами! - крикнул он, убегая.

В его повышенной нервозности не было ничего удивительного. В течение всей ночи миссис Хоукс пилила его. Когда наконец он заснул под монотонный звук ее сердитого голоса, ему приснился страшный сон: разбойники похищали Магнолию, которая была, в сущности, не Магнолией, а Парти.

Магнолия настояла на своем. Через полчаса, в зеленоватом шелковом платье и соломенной шляпе с красными розами, она шла по направлению к городу в сопровождении миссис Минс, которая никак не могла поспеть за ней.

-- Куда ты торопишься? -- говорила она задыхаясь, в то время как они взбирались по крутой тропинке на берег.

-- Мы опоздаем.

-- Опоздаем? Куда мы можем опоздать? Насколько мне известно, нам решительно нечего делать.

-- Да, да... конечно... просто я думала... мы вышли немного поздно. -- Голос ее дрогнул.

Через пятнадцать минут после того, как они спустились на берег, миссис Минс стояла в нерешительности перед прилавком, на котором, словно полосатые ужи, змеились резинки всех сортов. В лучшем магазине маленького города, магазине, который, в сущности, был не чем иным, как мелочной лавкой, можно было найти все что угодно: яблоки, щетки,

керосин, ветчину, картошку, нитки и сласти. Через пятнадцать минут после того, как они спустились на берег, миссис Минс обернулась, чтобы посоветоваться с Магнолией, какую выбрать резинку -- белую в полдюйма ширины или черную в три четверти. Но Магнолии рядом не оказалось. Миссис Минс обшарила встревоженным взглядом всю лавку. Магнолия! С белой резинкой в одной руке, с черной в другой, миссис Минс бросилась к дверям. Магнолии и след простыл.

В зеленоватом шелковом платье и соломенной шляпе с красными розами, Магнолия не шла, а летела на собственную свадьбу. Она не сомневалась в том, что миссис Минс не удастся догнать ее. Она бежала так быстро, что, когда жених, ожидавший ее у белого забора пасторского дома близ церкви, пошел ей навстречу у нее вовсе перехватило дыхание и она смогла пролепетать только несколько бессвязных слов:

-- Резинка... миссис Минс... я удрала...

Девушка прислонилась к забору, переводя дыхание, покрасневшая, взволнованная, но нисколько не испуганная! Хотя было еще только начало апреля, в палисаднике пасторского дома уже цвели магнолии и шиповник, а вдоль самого забора радостно кивали головками тюльпаны. Она посмотрела на Гайлорда Равенеля и улыбнулась ему своей удивительной улыбкой.

-- Пойдемте венчаться, -- сказала она. -- Я уже отдышалась.

-- Пойдите! -- ответил Равенель.

Он достал из кармана бриллиантовое кольцо.

-- Сперва мы должны обручиться.

Кольцо было ей немного велико.

-- Гай, милый! Какой чудесный бриллиант! Посмотрите, как он сверкает на солнце! Гай!

-- Вы прекраснее всех драгоценных камней в мире.

Он привлек ее к себе.

-- Среди бела дня! В палисаднике пасторского дома!

-- Что ж делать! Ведь до сих пор я целовал вас только у этого противного бочонка на корме. Я устал ждать.

На пороге появилась жена пастора.

-- Я увидела вас в окно. Нам с мужем пришло в голову, что вы, может быть, предпочитаете обвенчаться в церкви. Там сохранилось еще пасхальное убранство. Замечательно красиво. Розы, пальмовые ветки лилии. Весь алтарь в цветах. Мистер Селдон уже пошел туда.

-- О Гай! Мне бы так хотелось венчаться в церкви!

Одной рукой жена пастора одернула платье, другой поправила прическу и, приготовившись таким образом к роли свидетельницы при бракосочетании, повела жениха и невесту в маленькую церковь действительно утопавшую в цветах.

У Магнолии осталось только смутное воспоминание о последовавшей вслед за этим брачной церемонии. Жена пастора нисколько не преувеличивала. Алтарь был щедро украшен пальмовыми листьями, розами и магнолиями. И сквозь желтые, красные и синие стекла церковных

окон ярко светило лучезарное апрельское солнце. И пастор Селдон произносил какие-то торжественные слова. Как это ни странно, самый обряд не произвел на Магнолию особенно сильного впечатления. Две маленькие шустрые девочки, возвращавшиеся из школы, видели, как жених и невеста вошли в церковь, и прокрались вслед за ними. Они забрались на хоры и все время безудержно смеялись. Серебристая трель звонкого детского смеха врывается в торжественные слова обряда.

"В здоровье и болезни, в богатстве и бедности, в счастье и несчастье..."

Жених и невеста опустили на колени. На Равенеле были его элегантные остроносые ботинки. Он так дрожал, что носки их все время стучали о каменные плиты. Зато Магнолия держалась превосходно, хоть и была бледнее обыкновенного.

-- Поздравляю вас с законным браком!

У Равенеля было только десять долларов -- все те же последние десять долларов. Он сунул их в руку удивленного пастора.

-- Если вам угодно... -- сказала миссис Селдон. -- Мы бедные люди... приход наш, как видите, очень скромный... но мы будем очень рады, если вы отобедаете с нами. У нас сегодня телятина, салат из свеклы и.

Итак, Магнолия Равенель обвенчалась в церкви, наизаконнейшим образом. И после ее венчания, как и полагается, был свадебный обед. И когда она выходила из церкви, две маленькие шустрые девочки, и робея и смеясь, осыпали ее цветами. Правда, "осыпали", может быть, не совсем подходящее выражение. Одна бросила невесте тюльпан, другая -- букетик фиалок. Обе промахнулись. Но Магнолии это все-таки было очень приятно. В доме пастора их накормили телятиной с салатом из свеклы и пудингом, а также напоили амброзией или чем-то таким, что им показалось амброзией.

Так началась их совместная жизнь.

Глава одиннадцатая

Даже пережив январскую бурю на Атлантическом океане, Ким Равенель утверждала, что нет ничего страшнее Миссисипи. Она имела право утверждать это, ибо родилась на самой Миссисипи. Все ее детство Магнолия Равенель рассказывала ей сказки о коварстве жестокости и причудах этой реки, о городах, расположенных на ее берегах, о пароходах, снующих по ней взад и вперед, и о людях, на них разъезжающих Дедушка Ким, капитан Хоукс, погиб в ее вероломных и быстрых водах; бабушка, Партия Энн Хоукс, восьмидесятилетняя старуха пользовалась на ней славой сказочной героини, слыла своего рода Летучим Голландцем. О вдове капитана Хоукса рассказывали удивительные вещи. После трагической смерти мужа она продолжала его дело. Ни один плавучий театр не давал таких доходов. Партия Хоукс управляла им, точно женским пансионом. Стоило какому-нибудь актеру хорошенько выругаться, как его изгоняли из театральной труппы. Женатые актеры и замужние актрисы обязаны были предъявлять при вступлении в труппу

брачное свидетельство. Все пьесы, даже такие старые и невинные, как "Ист Линн", "Дочь игрока" и "Буря и солнце", подвергались предварительной цензуре владелицы нового "Цветка Хлопка".

У самой Ким сохранилось много воспоминаний о Миссисипи, несмотря на то, что она несколько лет подряд не видела ее и даже мало слышала о ней от своей матери. Когда Ким в сотый раз просила Магнолию рассказать, при каких обстоятельствах она избежала печальной участи носить всю жизнь имя Миссисипи, миссис Равенель отрицательно качала головой.

-- Расскажи мне о том времени, когда река вышла из берегов и по ней плыли животные, и дома, и всякая утварь, про то, как я родилась, а ты была слишком слаба и измучена, чтобы сказать, что ты мечтала дать мне имя Миссисипи. Ведь это все происходило между Кентукки, Иллинойсом и Миссури, не правда ли? Потому что они ведь и придумали из первых букв названий этих рек К, И и М составить имя. А ты все молчала. Они и окрестили меня "Ким". Когда я говорю, что меня зовут Ким, все смеются надо мной... Других девочек зовут Эллен, Мэри или Бэтси... Расскажи о Миссисипи, мама! И о плавучем театре "Цветок Хлопка".

-- Ты и так все знаешь. Ты только что сама рассказала мне все.

-- Мне хочется послушать тебя.

-- Твой папа не любит, когда я рассказываю тебе о реках и плавучих театрах.

-- Почему?

-- Ему неважно жилось на реках. Мне тоже неважно жилось с тех пор, как твой дедушка Хоукс...

Ким сама знала, почему ее мать перестала рассказывать о реках. Ей случалось слышать, как отец ее говорил:

-- Ради Бога, Нолли, не забивай ребенку голову этими историями о реках и плавучих театрах. В твоём освещении все это кажется таким романтическим милым, живописным...

-- Да разве это не было таким?

-- Нет. Жизнь на реках была убога, грязна и скучна. Все съедобное было засижено мухами, приходилось пить грязную речную воду и довольствоваться обществом каких-то скоморохов. А эта старая ведьма...

-- Гай!

Он подходил к ней нежно целовал ее и говорил с раскаяньем в голосе.

-- Прости, дорогая.

Ким знала и другое. Она знала, что мать ее питает странную и глубокую любовь к рекам. К некрасивым широким, грязным, безжалостным, бурным рекам юго-запада.

Первые детские воспоминания Ким Равенель были довольно своеобразными. Например, она ясно помнила, как мать ее сидит в соломенном кресле на верхней палубе "Цветка Хлопка" и обшивает блестками корсаж, который должен был плотно облегать фигуру Магнолия покрывала его блестящими серебряными блестками, из которых слагался блестящий панцирь. При каждом ее движении он отражал в себе лучи солнца, переливаясь золотом, пурпуром, лазурью и серебром. Глядя на

него, девочка приходила в восторг. Мать ее сказочная принцесса! Что ей было за дело до того, что блестящий корсаж, отделанный белым тюлем, был только частью костюма цирковой наездницы, в котором Магнолия выступала в пьесе "Дочь клоуна".

Бабушка Ким много ворчала по поводу этого костюма. Впрочем, она ворчала решительно по поводу всего. Прошло много времени, прежде чем Ким поняла, что не все бабушки таковы. Когда ей было три года, понятия "бабушка" и "ворчанье" казались ей столь же неразрывно связанными, как расстройство желудка и касторка. Понятие "дедушка" связывалось в ее мозгу с понятием "радость" так же тесно как мороженое и бисквит Миссис Хоукс. Ким называла "бабушкой" мистера Хоукса -- "Энди" или, когда случалось уж очень расшалиться -- "капитан". Тогда он кудахтал и гоготал (такова была его манера смеяться) поглаживая свои очаровательные бачки. Ким тоже смеялась.

У девочки были большие глубокие глаза, похожие на глаза Магнолии, такие же длинные ресницы, такой же крупный и выразительный рот. Во всем остальном она была вылитый Гайлорд.

-- Настоящая Равенель! -- говорил он.

Она унаследовала его манеры (ломака! -- говорила бабушка), тонкие руки, маленькие ноги, певучесть речи, несколько лукавое и ласковое выражение глаз, непосредственность и кокетство.

Ким сохранила яркое воспоминание об одном ужасном утре. Ее маленькая кроватка стояла в комнате родителей. Однажды ночью она проснулась, разбуженная страшным толчком. Судно сильно накренилось. Раздавались крики, гудки, звонки. Закутав ребенка, Магнолия поспешила на палубу. Едва брезжил рассвет. Над рекой и берегом непроницаемой пеленой навис туман. Девочке хотелось спать. Она была очень удивлена. Звонки, крики, туман, поднявшаяся тревога -- все это, в сущности, мало интересовало ребенка. Девочка крепко прижалась к материнской груди. Она ничего не понимала. Между тем тревога все росла. Крики перешли в вопли. Ясно слышен был высокий голос дедушки:

-- Ход назад!

Потом этот голос вдруг смолк. Что-то случилось. Кто-то упал в воду. Кого-то поглотил туман. Кого-то закрутило и унесло быстрое течение. Ким снова очутилась в постельке. Ее бросили туда, как будто она была не девочкой, а тряпичной куклой, и оставили одну. Она поплакала немного от страха и удивления, а потом крепко заснула. Проснувшись, Ким увидела мать, склонившуюся над ее кроваткой. У Магнолии был ужасный вид. Глаза ее дико блуждали, черные волосы в беспорядке падали на лицо, залитое слезами. Охваченная ужасом, Ким разрыдалась. Магнолия судорожным движением схватила ее на руки. И, как это ни странно, в эту страшную минуту она произнесла то же слово, которое едва слышно сорвалось с ее уст тотчас же после рождения Ким:

-- Река!

И тотчас же опять:

-- Река!

Она все время повторяла это.

Подойдя к ней Гайлорд Равенель обнял ее, но она резко оттолкнула его.

-- Река! Река!

Ким больше не видела дедушки. Когда она заговаривала о нем, в глазах Магнолии появлялось выражение такой муки, что мало-помалу девочка отвыкла спрашивать "где Энди?" или "где капитан?". Все равно, сколько бы она ни спрашивала об этом, маленькому веселому Энди уже не суждено было прийти к ней.

Хотя Ким было тогда только около четырех лет, время, предшествовавшее трагической кончине капитана Энди, навсегда ясно запечатлелось в ее памяти. Дедушка обожал ее. Мертвый, он представлялся девочке более живым, чем многие живые.

Сколь это ни поразительно, Партинья Энн Хоукс была против того, чтобы дочь ее Магнолия заводила ребенка. Соображения, которые она высказывала по этому поводу, звучали в ее устах как нелепый парадокс. Она, естественно, не сознавала этого.

-- Хотела бы я знать, как это ты будешь изображать прелестных героинь, если ты... когда ты... в то время как...

Партинья была просто не в состоянии произнести слова "если ты забеременеешь", или "когда ты будешь носить ребенка", или даже то выражение, к которому обыкновенно прибегают люди ее класса и воспитания: "в то время как ты будешь ждать прибавления семейства".

Магнолия слегка подтрунивала над ней.

-- Я буду играть до тех пор, пока это будет возможно. Под конец я перейду на характерные или даже комические роли. А в один прекрасный вечер между вторым и третьим действием может быть, придется опустить занавес и извиниться перед почтеннейшей публикой.

Миссис Хоукс клялась, что никогда в жизни ей не случилось слышать ничего более возмутительного.

-- К тому же плавучий театр вовсе не родовспомогательное заведение.

-- Однако я тоже родилась на пароходе.

-- Да, -- мрачно признавалась Парти Энн.

В тоне ее слышалось:

"И ничего хорошего из этого не вышло."

Незадолго до рождения Ким вражда между миссис Хоукс и ее зятем перешла в настоящую ненависть. Парти обращалась с Равенелем как с преступником, и никак не могла простить ему беременность Магнолии.

-- Слушай, Магнолия! Я больше не могу! Мне смертельно надоело это старое грязное корыто вместе со всем его содержимым.

-- Со всем содержимым, Гай?

-- Ты отлично понимаешь, что я хочу этим сказать. Уедем отсюда! Я не актер. Я чужой здесь. Если бы тогда, в Новом Орлеане, ты не вышла на палубу и я не увидел бы тебя...

-- Ты жалеешь об этом?

-- Дорогая! Это был первый счастливый день в моей жизни.

Она задумчиво рассматривала чудесный голубоватый бриллиант, сверкающий многоцветными огнями на ее руке. Кольцо всегда было велико ей, хотя она и носила его на третьем пальце. Теперь же пальцы ее похудели настолько, что она была вынуждена обмотать его нитками, чтобы оно не скатилось. Как много могло бы рассказать это кольцо!

Иногда ей хотелось спросить мужа.

-- А где ты не чужой, Гай? Кто ты? Ты сейчас ответишь мне, что ты Равенель. Но ведь это не ответ. Чем и как ты жил до сих пор?

Она знала, что это бесполезно. Гайлорд Равенель был удивительно скрытен. Ему нравилось окружать себя таинственностью. Он терпеть не мог расспросов и, когда его спрашивали о чем-нибудь как правило, не отвечал. Угрюмая молчаливость была не свойственна ему. Гай никогда не дулся. Он просто уклонялся от ответов. Мало-помалу Магнолия привыкла не расспрашивать его ни о чем.

-- Мы не можем уехать отсюда, Гай. Сейчас, по крайней мере. Я не могу. Ты не уедешь без меня, правда? Ты не покинешь меня? Вот зимой, когда театр закроется, мы можем пожить в Сент-Луисе или в Новом Орлеане! Хочешь? Так приятно, должно быть, провести зиму в Новом Орлеане.

Гай молчал.

У него никогда не было денег или, вернее, деньги никогда не залеживались в его карманах. Когда в его бумажнике появлялась сотня долларов, он с нетерпением поджидал сколько-нибудь значительный город и исчезал на целый день. Порой он возвращался с пятьюстами долларов, а иной раз приносил даже тысячу.

-- Я выиграл, -- всегда говорил он в таких случаях. -- Составилась хорошая партия... Я встретил друзей.

Он протягивал Магнолии несколько сотенных бумажек.

-- Сделай себе хорошее платье, Нолли. И купи шляпу. Ты слишком красива, чтобы носить всю эту самодельную дрянь, с которой ты столько возишься.

Чисто женская практичность заставляла Магнолию откладывать часть этих денег на черный день. Порою она очень мучилась этим, упрекала себя в мелочности, низости, скаредности.

Ей так часто приходилось слышать от него:

-- Я запутался! Если бы у меня было хоть пятьдесят долларов! Я знаю верный способ превратить их в пятьсот! Нет ли у тебя случайно пятидесяти долларов, Нолли? Впрочем, откуда у тебя могут быть деньги!

В такие минуты она готова была отдать ему все свои скудные сбережения, до последнего цента. Но что-то, видимо унаследованное от матери, заставляло ее чутко прислушиваться к внутреннему голосу, настойчиво говорившему ей: "Не поддавайся соблазну! Береги эти деньги! Ты сама не знаешь, как они еще пригодятся тебе".

Скоро Магнолии пришлось убедиться в том, что муж ее профессиональный игрок. В сущности, это не было для нее открытием. Она знала это и прежде, хоть и не хотела верить этому. Просто теперь она вынуждена была признать то, что прежде отрицала. Не зная же этого

Магнолия не могла уж хотя бы потому, что это было известно миссис Хоукс.

Через десять дней после свадьбы Магнолии и Равенеля (а что это были за дни: на целую человеческую жизнь хватило бы тех упреков, которые за это время успела высказать Партия!) миссис Хоукс подошла к капитану Энди. У нее был торжествующий вид, но голос звучал зловеще:

-- Ну, можешь быть доволен, Хоукс!

Это было одно из ее любимых выражений.

-- Ну, можешь быть доволен, Хоукс! Твой зять -- игрок. Да-да, самый настоящий игрок, вечно шатающийся по притонам! Когда у него в кармане есть хоть несколько центов, он не может успокоиться до тех пор, пока не выложит их на зеленый стол. Вот за кого вышла замуж твоя единственная дочь! Пойми, это не просто человек, играющий в карты. Это профессиональный игрок. Я очень жалею, что он не умер прежде, чем нога его впервые ступила на сходни "Цветка Хлопка". Да, Хоукс, жалею! Медоречивый подлиза! Шалопай! Ничем не лучше того подлеца, с которым сбежала Элли.

-- К чему говорить о том, что уже непоправимо! Зачем непременно видеть все в дурном свете? Магнолия счастлива с ним.

-- Надолго ли? Помяни мое слово, Хоукс: он ее бросит. Ведь он не может равнодушно пропустить ни одной женщины.

-- Ничего не поделаешь, Партия! Твой зять мужчина, мужчиной был твой отец, мужчина твой муж. Ты совсем не понимаешь мужской психологии.

Энди любил своего зятя. Изящество, легкость, беспечность Равенеля пришлись по душе маленькому капитану. Он был француз по происхождению и умел ценить эти качества. После обеда они частенько сидели вдвоем и разговаривали, не спеша, с явным удовольствием, откровенно, как два джентльмена, связанных взаимной симпатией. Они любили и уважали друг друга.

Имя Равенеля было известно повсюду. Капитан Энди платил первому любовнику такое жалованье, какое и не снилось ни одному актеру плавучих театров того времени. Он настолько дорожил им, что вскоре после рождения Ким стал даже поговаривать о том, чтобы сделать его совладельцем "Цветка Хлопка". Но когда он заикнулся об этом миссис Хоукс, та набросилась на него так, что бедный капитан -- если не совсем, то хотя бы временно -- вынужден был отказаться от этой мысли.

С годами Магнолия стала бояться месяцев вынужденного зимнего безделья. До замужества она обычно проводила их в Фивах, вместе с родителями. Иногда Энди настаивал на том, чтобы проводить зимние месяцы на юге. Климат Иллинойса казался ему очень суровым. Ему было гораздо приятнее пожить в Новом Орлеане или в каком-нибудь другом городе в устье Миссисипи, где и на Рождество цвели розы.

Капитану Энди иной раз остро завидовали Джо и Кинни. Те возвращались весною в плавучий театр исхудалые, в лохмотьях, голодные, и все же у них был такой вид, словно они провели зимние месяцы в тени дубрав, близ виноградных лоз, слушая певучее журчание пчел, вдыхая сладкий аромат

цветов, питаюсь сочными фруктами, предаваясь мечтам, наслаждаясь счастьем и встречая восходящую луну поэтическими звуками банджо.

-- Нам нужно побольше развлекаться в зимние месяцы, -- говорил Энди своей трудолюбивой супруге.

В Фивах хватало развлечений для Партины. Она приводила в порядок свой белый домик, просушивала подушки, выколачивала ковры, таскала взад и вперед ведра, мыла полы, чинила мебель, развешивала на окнах чистые занавески, перебирала ящики шкафов и комодов. В платке, повязанном на манер тюрбана, с подоткнутой юбкой, она казалась олицетворением энергии и хозяйственности и была этим очень довольна. Чтобы избежать неприятных столкновений со шваброй метлой и ведром, Энди принужден был искать спасения на пристани.

-- Развлекаться! Как будто мы не развлекаемся в течение всего лета! На юг меня нисколько не тянет. Я и так добрых восемь месяцев в году наслаждаюсь приятным обществом мух, негров и всяких шалопаев. Благодарю вас за доброе пожелание, капитан Хоукс! Что касается меня, то я счастлива пожить в течение хоть нескольких недель той жизнью, которой живут все порядочные женщины!

Шварк ведром! Шварк метлой!

Прожив с Гайлордом всего несколько дней в Фивах, Магнолия убедилась в том, что это место совершенно не для него. Первую зиму после их свадьбы они кочевали по разным городам, заезжали на несколько дней в Мемфис, были в Сент-Луисе и даже в Чикаго. Краткое пребывание в Чикаго привело Магнолию в ужас, хотя она и не признавалась в этом. В то время как в ушах у нее стоял звон от оглушительного шума, царящего на Стейт-стрит, она думала о том, что этот грохочущий город не что иное, как своего рода Миссисипи на суше. Булыжная мостовая представлялась ей руслом. Высокие мрачные здания -- берегами. Мужчины, женщины, лошади, экипажи, телеги, двигавшиеся по улицам и все время прокладывавшие путь через всевозможные препятствия, груды камней, кирпича и дерева, из которых создавались новые кварталы, часто совершенно менявшие облик данной части города, громады домов-гигантов, возникновение прекрасного бульвара на месте, где еще недавно было грязное болото, -- все это напоминало Магнолии родную реку. Да, это та же река, принявшая иные формы, но сохранившая свою стремительность, свою пенистость, свою чудовищность. Как бы хорошо ни изучил человек ее русло и течение, в любую минуту он мог случайно попасть в водоворот и погибнуть в нем, как погиб впоследствии капитан Энди.

-- Ты привыкнешь! -- говорил Равенель.

У него был слегка покровительственный тон человека, которому не только случалось иметь дело с этим страшным зверем, но который даже обуздал его.

-- Не бойся. Это обыкновенный уличный шум.

-- Я вовсе не боюсь. Просто я не привыкла именно к такому шуму.

В эту зиму она поняла, что значит быть женой игрока. То густо, то пусто. Сегодня черепаховый суп и еще пять блюд в Пальмерсхаузе. Завтра яичница с ветчиной в какой-нибудь скромной харчевне. Вставали они поздно. Ложились с рассветом. Друзей у Равенеля, по-видимому, было много. Но Магнолию он познакомил лишь с немногими из них.

-- Это деловой человек, -- говорил он. -- Тебе будет скучно с ним.

Жизнь, которую Магнолия вела до сих пор, была в известной степени феерической. Но все-таки, быть может благодаря миссис Хоукс, в этой жизни был своего рода порядок. В девять часов утра завтрак. Репетиция. Обед в четыре. Приготовление к спектаклю. Спектакль. Переделка и починка костюмов. Новая роль. Новый романс для завтрашнего концерта.

Теперешняя жизнь ее была совершенно лишена какого-либо порядка. Равенель стал несколько иным, нежели в те дни, когда он играл любовников в плавучем театре. Его характер вообще не отличался ровностью: Равенель был то очень оживлен, то совершенно подавлен, часто задумывался о чем-то и становился тогда донельзя рассеян. С Магнолией он был нежен, галантен, заботлив. Его любовь к ней была глубока -- настолько, конечно, насколько он вообще был способен на глубокое чувство. Она знала, что Гай любит ее. Она повторяла это себе однажды вечером, поджидая в номере гостиницы мужа, который должен был заехать за ней. Они собирались пообедать в городе, а потом пойти в театр Маквикера, прекрасное новое здание которого возникло, словно Феникс, из пепла бывшего (так гласило цветистое объявление в газетах).

С изумлением убедился Равенель в том, что Магнолия никогда не слыхала о знаменитых артистах, игравших в нем.

Однажды он стал рассказывать ей историю Маквикеровского театра. Гайлорд гордился Чикаго. Громадный мрачный город вызывал в нем восхищение.

-- Когда я бываю в этом театре, -- сказал Равенель, -- я невольно вспоминаю, что стены его видели Бутса, Сотсерна, Кина, миссис Сиддонс.

-- Кто эти люди? -- осведомилась Магнолия.

Он был настолько влюблен, что ее невежество даже в тех вопросах, которые, казалось бы, должны были интересовать ее, показалось ему очаровательно-забавным. От смеха он, конечно, удержаться не мог. Но увидев, что Магнолия огорчена, тотчас же подошел к ней, поцеловал ее и объяснил, что все эти люди были великими артистами. Гайлорд с увлечением рассказывал о "настоящем", о "большом" театре. Он действительно любил театр. Это, должно быть, и удерживало его столько времени на "Цветке Хлопка".

В тот вечер они собирались идти к Маквикеру. На Магнолии было платье с вырезом, который несколько смущал ее, хотя и напрасно, так как она была уже не девушкой, а дамой. Еще задолго до того, как мог вернуться за нею Равенель, она была совершенно готова и приготовила свежую сорочку для мужа. Он обращал большое внимание на свой туалет. Привыкшая к неряшливости актерской братии, Магнолия приходила в восторг от его чистоплотности и щегольства.

Она оценивающе осмотрела себя в зеркало. Магнолия вовсе не считала себя красивой. Ей мало нравилась собственная наружность. Высокий лоб, слегка выдающиеся скулы, мальчишеская фигура, большой рот -- все это причиняло ей постоянные огорчения, по крайней мере, она всегда утверждала это. Конечно, в этом было немного лукавства. Ей было очень приятно, когда Равенель говорил, что она прекрасна. И теперь, посмотревшись в высокое зеркало в золотой раме, Магнолия подумала, что, может быть, он и прав.

Это был первый год их супружеской жизни. Она была беременна. Начинаясь декабрь. Ребенок должен был появиться в апреле. Но ни на лице, ни на фигуре ее беременность не отразилась нисколько. Напротив, Магнолия необыкновенно похорошела. Обычно бледные щеки покрылись прелестным румянцем, глаза стали огромными и блестящими, на матово-бледных висках просвечивали прелестные крохотные голубые жилки, юношеская угловатость ее стройной фигуры сменилась изящной округлостью. Она стояла выпрямившись, слегка откинув назад плечи, с гордо поднятой головой. И в зеркале видела себя -- счастливую, любимую, влюбленную.

Шесть часов. Небольшое опоздание. Ничего! Он сейчас придет. Половина седьмого. Каждые пять минут Магнолия открывала дверь, чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь по коридору гостиницы, устланному красным ковром. Семь. Нетерпение ее сменилось страхом, страх -- ужасом, ужас -- отчаянием. Он умер. Его убили. Она знала, что Гайлорд бывает в различных игорных домах.

"Чтобы убить время, -- говорил он. -- Очень приятно поиграть часок-другой в карты... Что с тобой, Нолла? У тебя такое выражение лица, как у твоей матери".

Магнолия знала, что представляют собою эти игорные дома. Красный бархат, яркое освещение, мебель красного дерева, много зеркал. Тут же ресторан. Жизнь на реке и раннее знакомство с ресторанами на набережных приучили ее относиться ко многому снисходительно. Она была отнюдь не глупа и не страдала нетерпимостью. Во многих отношениях Магнолия была гораздо развитее, чем другие женщины ее возраста. Но не надо забывать, что это был тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год и все газеты были наводнены описанием убийства Симона Пика, известного игрока. Убийство произошло в ресторане Джефера Хенкинса, на Кларк-стрит. Пуля предназначалась не Пику, а известному издателю газеты. Убийца -- истерическая, обезумевшая, жаждавшая мести женщина -- попала не в того, кого хотела убить. Равенель был лично знаком с Симоном Пиком. Смерть его произвела на Гайлорда настолько тяжелое впечатление, что он даже поделился своей печалью с Магнолией. У Симона была маленькая дочка Селина. После смерти отца она осталась буквально без гроша.

Все это вдруг вспомнилось Магнолии. Она совсем обезумела. Половина восьмого. Об обеде нечего и думать. Они должны были пообедать в Веллингтон-отеле, который находился как раз напротив Маквикеровского

театра. Это было очень удобно, так как не надо было торопиться. Так приятно пройти в театр, еще ощущая вкус сладкого черного кофе, выпитого в белом мраморном зале роскошного ресторана.

Восемь часов! Его убили! Прекратив высовываться каждые пять минут в коридор, Магнолия открыла дверь настежь и стала ходить по коридору, от своей комнаты до лестничной площадки и обратно. Наконец она спустилась в вестибюль, куда по вечерам не решалась обычно ходить без мужа. Там стояли двое служащих гостиницы. Один был уже старик. Он казался такой же неотъемлемой принадлежностью гостиницы, как каменный пол вестибюля. Реденькие белоснежные волосы словно не росли у него на голове, а реяли над нею; седую бороду, кустиками пробивавшуюся на щеках, можно было принять за кусочки ваты. Зато другой служащий был молод и блестящ. Блестящ не только в переносном смысле. У него действительно блестело все: волосы, глаза, зубы, ногти, воротнички, манжеты. Оба эти человека знали Равенеля. Когда молодые приехали в гостиницу, они поздоровались с Гайлордом и с любопытством посмотрели на его жену. Во взгляде молодого человека было восхищение. Старый поджал губы.

Магнолия растерянно переводила взгляд с одного служащего на другого. Каждый был занят своим делом.

Она не знала, на что решиться. Ей хотелось посоветоваться со стариком и не хотелось обращаться к блестящему молодому человеку. А тот, как назло, улыбнулся ей, попрощался с господином, с которым разговаривал, и направился в ее сторону. Магнолия поспешно дернула за рукав старика, склонившегося над конторкой, и он угрюмо поднял голову.

-- Я хочу... мне хочется... мне нужно поговорить с вами.

-- Одну минутку, сударыня. Через минуту я буду к вашим услугам.

Блестящий молодой человек уже подлетел к ней:

-- Чем могу служить, миссис Равенель?

-- Я хотела поговорить с этим джентльменом...

-- Смею вас уверить, я вполне могу заменить его.

Она взглянула на него. Он улыбнулся, и ей казалось, что его белые ровные зубы готовы укусить ее. Магнолия беспомощно покачала головой и с мольбой оглянулась на старика. Блестящий молодой человек удивленно приподнял брови, сделал вид, будто собирается уходить, но не двинулся с места. Когда старик вопросительно посмотрел на нее, она пожалела, что остановила свой выбор на нем.

Щеки Магнолии покрылись густым румянцем.

-- Я... -- пролепетала она. -- Мой муж... он... не вернулся... беспокоюсь... убит... театр.

Старик приложил руку к уху:

-- Что вы изволили сказать?

Ее прекрасные глаза устремились на блестящего молодого человека, они безмолвно умоляли его простить ей нелюбезный тон и прийти на помощь. Говорить бедняжка не могла. Он тотчас же сделал шаг вперед. Каким-то чудом он разобрал что-то в ее лепете:

-- Вы изволили спросить, где ваш супруг?

Она лишь утвердительно кивнула головой -- страшно боялась расплакаться. Широко раскрыв глаза, Магнолия напрягла всю свою волю, чтобы не моргать. Она знала, что стоит ей только моргнуть ресницами, как туман, вдруг окутавший все кругом, превратится в слезы.

-- Его так долго нет. Я... я так волнуюсь... Мы собирались пойти в театр... и в ресторан... уже больше семи.

-- Больше восьми, -- заметил старик, подняв усыпанное клочками ваты лицо в сторону часов.

-- Больше восьми! -- повторила Магнолия. -- О Боже! -- Она все-таки моргнула, и крупные капли упали на ее шелковый лиф. Ей казалось, что всем слышно, как они падают.

-- Гм! -- кашлянул старик.

Блестящий молодой человек наклонился к ней. От него сильно пахло духами.

-- Полно, миссис Равенель! Вы беспокоитесь напрасно! Вашего супруга кто-нибудь задержал. Вот и все. Какое-нибудь непредвиденное обстоятельство...

Она ухватила за его слова, как утопающий за соломинку.

-- Вы думаете?... Вы уверены? Но ведь он никогда не приходил позднее шести. Никогда! Мы собирались пойти в ресторан и в те...

-- Ох уж эти молодожены! -- ласково усмехнулся молодой человек.

Рука его почти касалась ее руки:

-- Будьте же благоразумны, миссис Равенель! Я бы советовал вам пообедать.

-- Я не могу есть!

-- В таком случае выпейте чашку чаю. Разрешите мне прислать вам в номер закуску.

Старик прищелкнул языком и задумчиво погладил подбородок.

-- Почему вы не пошлете за ним, сударыня?

Магнолии показалось, что стены вестибюля громким эхом повторяют его слова.

-- Послать за ним? Куда?

Блестящий молодой человек едва заметно пожал плечами:

-- Может быть, он... может быть, он играет в карты. Время так быстро летит! Я знаю это по собственному опыту. Посмотришь на часы и глазам не поверишь. На вашем месте, миссис Равенель...

Ей все стало ясно. В тоне блестящего молодого человека было столько уверенности и столько сочувствия. Его уверенность сразу передалась ей. Молнией промелькнуло в ее мозгу воспоминание о том, как Гайлорд опоздал к началу спектакля в Падьюке. После долгих поисков Ральфу удалось найти его. В то время как в плавучем театре все сходили с ума от волнения, он преспокойно играл в покер в одном из ресторанов на набережной. Нет, она не пошлет за ним! Почему-то ей пришли в голову слова одной из модных в то время сентиментальных песенок:

Мой добрый отец, возвращайся домой --
На башне уж пробило полночь.

Магнолия быстро овладела собой. В ней проснулась актриса. Она улыбнулась и блеснула зубами почти так же, как блестящий молодой человек.

-- Вы, разумеется, правы. Какое-то затмение нашло на меня. Благодарю вас... Пришлите мне ужин, пожалуйста.

Изящно кивнув головой, она вышла из вестибюля. Глаза ее все еще были широко открыты.

-- Гм! -- крикнул старик.

В переводе на общепринятый язык это значило: "вот идиотка!"

Магнолия сняла платье, на лифе которого виднелись два предательских пятнышка. Она убрала приготовленную для Равенеля сорочку и уселась за шитье. Но туман опять стал завлакивать ей глаза. Бросившись на постель, она отчаянно зарыдала. Это принесло ей некоторое облегчение. Пробило десять. Она не заметила, как заснула. За несколько минут до полуночи в комнату вошел Равенель. Магнолия проснулась. Первое, что ей бросилось в глаза, это отсутствие тросточки -- знаменитой тросточки с набалдашником из слоновой кости.

-- Где твоя тросточка? -- спросила она сонным голосом, едва понимая, что говорит.

Равенель был совершенно озадачен таким приемом:

-- Тросточка?.. Ах, в самом деле! Очевидно, я где-нибудь забыл ее.

В последующие годы она никогда не задавала столь наивных вопросов. Равенель не забывал своей тросточки, он закладывал ее. Не было ломбарда на Кларк-стрит, в котором бы она не побывала. И когда Гайлорд возвращался домой без нее, Магнолии было и без слов ясно, что он проигрался в пух и прах.

Ничего не ответив мужу, она начала раздеваться. Заплаканное лицо пылало. Она казалась такой маленькой и жалкой. Равенель чувствовал себя неловко и терзался угрызениями совести.

-- Прости, Нолли. Меня задержали. Мы пойдем в театр завтра.

В эту минуту Магнолия ненавидела его. И так как она была вполне нормальной женщиной, последовала вполне естественная развязка -- слезы, упреки, обвинения, просьбы, мольбы, прощенье.

-- Послушай, Нолли. Не можешь ли ты дать мне на несколько дней твое кольцо?

-- Кольцо?

Она уже поняла, в чем дело.

-- Я скоро верну тебе его. Сегодня четверг. В субботу оно будет у тебя снова. Клянусь тебе!

Голубоватый бриллиант пустился в те же странствия, что и тросточка с набалдашником из слоновой кости.

Магнолии казалось, что заснуть не удастся. Она была даже уверена, что не заснет. Но здоровый молодой организм взял свое. Она заснула. Засыпая,

Магнолия думала, что жизнь -- страшная и в то же время великолепная вещь. Каждый день приносил ей что-нибудь новое. Она чувствовала себя зрелой, опытной и несчастной. Ей пришло в голову, что она старше, опытнее и, главное, богаче переживаниями, чем ее собственная мать.

В феврале Равенели вернулись в Фивы. Магнолия сильно тосковала по отцу и даже о матери думала с нежностью. Маленький белый домик недалеко от реки показался ей игрушечным. Собственная комната выглядела кукольной. Городок -- малюсенькой деревушкой. Материнский чепец -- смешным. Лицо отца было изборождено морщинами, существование которых она не замечала прежде. Домашние кушанья, приготовленные искусными руками Парти Энн, показались ей восхитительными. У нее было ко всему отношение путника, вернувшегося из далеких стран.

Капитан Энди был всецело занят постройкой нового плавучего театра. Он только об этом и говорил. Старый "Цветок Хлопка", купленный им когда-то у Пигрема, пошел на слом. Предполагалось, что новый театр будут освещать не керосиновые лампы, а недавно изобретенные газовые горелки. Были заказаны новые декорации, новая рампа и новые костюмы. Судно строилось на верфи в Сент-Луисе.

-- Театрик прямо прелесть какой! -- весело сказал Энди, вернувшийся из Сент-Луиса незадолго до спуска. Трудно было угадать, какое из двух ожидавшихся событий -- появление на свет ребенка или появление на свет нового плавучего театра -- больше всего волновало капитана Энди. Возможно несмотря на всю любовь к Магнолии, театр все-таки занимал его больше. Энди был, во-первых, моряком, во-вторых -- актером и только в-третьих -- отцом.

-- Интересно знать, зачем тебе понадобилось строить новый театр! -- сердито бубнила Парти. -- Какой смысл всаживать все деньги, заработанные при помощи старого корыта, в новое корыто!

-- Старое корыто уже никуда не годилось.

-- Оно было достаточно хорошо для той шушеры, которая его посещала. Наконец, можно было продать его, но не покупать нового.

-- Ты отлично знаешь, Парти, что ни я, ни ты не могли бы расстаться с жизнью на реке. Всякая иная жизнь показалась бы нам пресной.

-- Что касается меня, то я принадлежу к числу тех женщин, которые любят свой домашний очаг.

-- Готов держать пари, что, если бы тебе предложили всегда жить на суше, ты ни за что не согласилась бы.

Он выиграл пари -- ценою собственной жизни.

При появлении своем на свет Божий новорожденный "Цветок Хлопка" и новорожденная внучка подверглись испытанию водой. Миссисипи обошлась с ними настолько сурово, что, казалось, им предстояло уйти из жизни в тот самый момент, как они вступили в нее. Но, пережив несколько тревожных часов, и тот и другая благополучно выпутались из беды, первый -- благодаря старому Уинди, который клялся, что последний год плавает по этим отвратительным рекам, вторая -- благодаря толстой акушерке и

испуганному молодому доктору. Несмотря на ветер и шум волн, в течение всего наводнения был отчетливо слышен голос Партины Энн Хоукс, крикливо распекавшей своего супруга, капитана Хоукса, и свою дочь, Магнолию Равенель, как будто виновной в создавшемся положении была не разбушевавшаяся стихия, а, наоборот, те, кто особенно пострадал от них.

С тех пор прошло четыре года. Четыре года войны и мира. Распри продолжались. Парти Энн и ее зять по-прежнему не выносили друг друга.

За эти четыре года Равенель тысячу раз грозил покинуть "Цветок Хлопка", но Магнолия и Ким опутали его слишком сладостными сетями. Его бунт сводился обычно к карточной игре на берегу, за которой он часто спускал все деньги, накопленные за долгие недели вынужденной бережливости: те небольшие местечки, у пристаней которых большей частью останавливался "Цветок Хлопка", отнюдь не располагали к трате денег.

Мало-помалу, впрочем, жизнь на реке, такая легкая, такая привольная, такая беспечная, начала захватывать и его. В начале сезона приходилось выучить новую роль. Это было самое трудное. В остальное время можно было предаваться безделью. К счастью, завсегдатаи плавучих театров любили смотреть уже знакомые пьесы.

Никогда еще не было на "Цветке Хлопка" столько домашних пирогов, печений, солений, вина и фруктов. Сделав Гайлорда Равенеля предметом своих тайных мечтаний, обитательницы прибрежных городов от Великих Озер до Мексиканского залива несли к его ногам всевозможные подношения. Актеры "Цветка Хлопка" утверждали со смехом, что Равенель -- настоящий колдун.

Может быть, со временем он окончательно примирился бы с жизнью на реке. Иногда, когда они оставались наедине, маленький капитан заговаривал о будущем.

-- Когда меня не станет, плавучий театр будет, конечно, принадлежать вам и Магнолии.

Равенель смеялся: капитан Энди был полон сил и здоровья. Его большие карие глаза зорко следили за всем; в бачках, которые он почти непрерывно теребил своей смуглой маленькой рукой, почти не было седины, проворные ноги носили его от кормы до носа, ни на минуту не оставаясь в покое.

-- На эту тему, капитан, мы поговорим серьезно лет через пятьдесят, -- отвечал Равенель.

Между тем конец настал скоро. Направляясь в Сент-Луис, "Цветок Хлопка" налетел на громадное затонувшее дерево. Было еще почти совсем темно, и над рекой стоял густой туман. Старый "Цветок Хлопка" немедленно пошел бы ко дну. Новый доблестно встретил удар. Покрывая шум поднявшейся тревоги, слышался высокий фальцет капитана Энди: он пересыпал свои приказания отборной и веселой руганью. Маленькая фигурка его сновала по судну: вверх, вниз, туда, сюда!.. И вдруг он оказался за бортом, в тумане, в бурлящей воде, в объятиях старой желтой

змеи, которая сжимала его все крепче и крепче, увлекала его все глубже и глубже -- до тех пор, пока он не перестал бороться с ней.

-- Река, -- повторяла Магнолия. -- Река. Река!

Глава двенадцатая

-- Вернуться в Фивы? -- переспросила овдовевшая Партия Энн Хоукс. Жесткий креп ее траурного платья, казалось, вздыбился.

-- И не подумаю я возвращаться в Фивы! Так и знайте, мисс! Если вы с вашим прекрасным супругом надеетесь отделаться от меня таким образом...

-- Мы вовсе не хотим "отделяться" от тебя, мама. Как ты можешь предполагать это! Но ведь ты всегда утверждала, что ненавидишь плавучий театр. Всегда. И вот теперь, когда папа... когда ничто не принуждает тебя остаться тут, я подумала, что ты, может быть, захочешь вернуться в Фивы.

-- Действительно! А что же будет тогда с "Цветком Хлопка"? Потрудитесь-ка ответить мне на этот вопрос, Маджи Хоукс!

-- Не знаю, -- смиренно призналась Магнолия. -- Нам нужно обсудить это.

После трагического происшествия на Миссисипи, "Цветок Хлопка" находился в ремонте. Повреждения его были серьезнее, чем можно было предположить. Нанесенная ему рана была глубока. И так же глубока была рана в душе Магнолии. Она испытывала жуткое отвращение к великой реке, когти которой так больно уязвили ее. Вид желтой мутной воды одновременно пугал и притягивал ее. Ей казалось, что им всем троим следует бежать от реки: и ей, и Гайлорду, и ребенку, бежать и спрятаться в каком-нибудь безопасном месте. Вместе с тем она сознавала, что ей трудно будет жить вдали от реки. Ей хотелось бежать и бежать, и страстно хотелось остаться. Река отняла у нее капитана Энди. Он лежал где-то там, на дне. Нет, она не могла его покинуть. Здесь, на этой реке, открылись ей три величайшие тайны жизни -- Любовь, Рождение, Смерть. Все, что она пережила -- счастье, горе, безмятежное детство, роман, успех, -- все было связано с рекой. Магнолия так хорошо знала эти берега, поросшие ивами. Люди, плававшие по рекам или жившие в прибрежных городах, были ей близки. Она чувствовала себя плотью от их плоти. Миссисипи овладела ею по-своему, но так же бесповоротно, как и маленьким капитаном Энди.

-- Ну что ж, поговорим! -- сказала миссис Хоукс.

-- Должно быть, ремонт обойдется очень дорого. "Цветок Хлопка" выведен из строя по крайней мере на месяц. К тому времени, как его починят, необходимо решить, будем ли мы пытаться продолжать дело так же, как если бы папа...

-- Вы, по-видимому, успели досыта наговориться обо всем этом с вашим Равенелем! Но прежде всего потрудитесь выслушать меня. Я все решила без вашей помощи! Да. Мы будем продолжать дело. По крайней мере, я буду продолжать его.

-- Но, мама...

-- Твой отец не оставил завещания. Он и тут верен себе! Я имею столько же прав на его имущество, как и ты. Больше даже. Я жена его. Не воображай, что я откажусь добровольно от дела, которое создавалось годами. Плавающий театр был застрахован. Страховое общество возместит нам убытки. Жизнь твоего отца тоже была застрахована. И очень удачно застрахована, по-моему. Ты получишь свою часть. Мы будем жить по-прежнему. Ни в какие Фивы я не поеду. Ты будешь играть инженеру, Равенель любовников, Ким...

-- Нет! -- крикнула Магнолия (точно такой же крик вырывался когда-то у самой Парти). -- Не Ким!

-- Почему?

Вдова Хоукс была полна устрашающей и неукротимой энергии. Рукава ее черного траурного платья развевались подобно крыльям ангела смерти. Капитан Энди погиб. Ну что ж! Она возьмет на себя управление плавающим театром -- "Цветком Хлопка". Магнолия отдавала себе отчет в ее планах. Впрочем, всякий человек, знающий миссис Хоукс, без труда разгадал бы их. Она хотела командовать не только судном, но и людьми. Магнолия не была слабым созданием. Напротив, у нее было много энергии. Но какая энергия могла сравниться с вулканической энергией Парти Энн Хоукс?

Узнав о решении миссис Хоукс, Равенель встал на дыбы. Магнолии удалось, однако, упрямому его хотя бы временно, в виде пробы, принять ее предложение. Он хмуро согласился.

-- Ничего не выйдет, Нолли. Уверяю тебя. Рано или поздно, мы перегрызем друг другу глотки. Она полна самых коварных замыслов. Это видно по ее глазам.

-- Потерпи хоть немножко, Гай. Очень прошу тебя. Сделай это ради меня и Ким.

Не прошло и недели, как на "Цветке Хлопка" поднялось восстание. Первым покинул судно Уинди. Когда одна из громадных ног его ступила на сходни, стало ясно, что ничто уже не сможет остановить его. Ему было за семьдесят лет. Но он казался таким же бодрым, как пятнадцать лет тому назад, в день, когда вступил на "Цветок Хлопка". С разъяренной вдовой он распрощался в достаточной мере лаконично.

-- Я думал, что хозяином на судне будет муж Нолли. По-видимому, вы решили сами занять место вашего покойного супруга. Я не привык иметь дело с командиром в юбке. Штурманом вместо меня будет молодой Таннер.

-- Таннер? Что это за птица? Почему вы решили это? Может быть, мне он вовсе не понравится! Я хозяйка здесь.

-- Советую вам все-таки взять его, миссис Хоукс. Он молод, высоким самомнением не страдает, и я допускаю, что вам удастся заставить его плясать под вашу дудку. Что касается меня, то я для этого слишком стар. Гибель капитана Энди заставила меня разлюбить реку. Я сразу почувствовал смертельную усталость. Ну, прощайте, сударыня! Я ухожу.

И ушел.

Перемены следовали одна за другой. Из прежних актеров плавучего театра остались только миссис Минс и ее чахоточный муж. Фрэнк распрощался с труппой сразу после того, как Магнолия вышла замуж. Ральф последовал примеру Уинди.

Однако затруднения и неприятности мало смущали Партинью. Напротив, они еще больше разжигали ее. "Сделайте то! Сделайте это!" Правая бровь Равенеля беспрестанно изгибалась в вопросительный знак презрительного недоумения. Стоило теще и зятю остаться вдвоем, как между ними начиналось сражение. Все в скрытном и замкнутом Равенеле восставало против ворчливой и скупой тещи. Все в деятельной и властной Партинье разжигало ненависть к изнеженному, слащавому и дерзкому зятю.

Наконец Равенель не выдержал:

-- Выбирай! Она или я!

Магнолия выбрала. Ее решение встретило такое яростное сопротивление со стороны Парти, что всякая другая, менее твердая и в особенности менее влюбленная женщина не посмела бы привести его в исполнение.

-- Интересно знать, как ты устроишься с таким муженьком!.. Что же ты не отвечаешь?

-- Я не знаю.

-- Еще бы ты знала! Он и сам не знает! Почему это вы вздумали уезжать? Чем вам тут плохо?

-- Ким... школа...

-- Ерунда!

Магнолия бросилась с головой в воду:

-- Мне не... Я не... Гай не любит рек. Мы не можем быть счастливы здесь.

-- Ты думаешь, что вы будете счастливы на суше? Не обольщайтесь на этот счет, сударыня! Куда вы собираетесь ехать? В Чикаго? И что вы там намерены делать? В лучшем случае будете жить впроголодь. Это мне ясно, как дважды два -- четыре. Скоро сама попросишься обратно в мой театр!

Встревоженная, дерганая Магнолия почувствовала, что вдруг стряхнула с себя иго, так долго тяготевшее над ней, и закусил удила:

-- Как ты можешь знать это? Откуда у тебя такая уверенность? А если бы ты даже оказалась права... Что из этого? Ты всегда норовишь вставить всем палки в колеса. Помнишь, как ты удерживала папу от покупки "Цветка Хлопка"? Ты превратила его жизнь в сплошной ад. А теперь ты не хочешь бросить дело. Разве это последовательно? Ты не хотела, чтобы я стала актрисой. Ты была против моего брака с Гаем. Ты негодовала на то, что у меня будет ребенок. Может быть, ты и была права. Может быть, мне не следовало делать все это. Но почему ты знаешь, что будет дальше? Всякий хочет жить по-своему. Неужели ты не понимаешь этого? Ты можешь быть тысячу раз права и в то же время ошибаться. Если бы папа в свое время послушался тебя, мы бы до сих пор прозябали в Фивах. По всей вероятности, он был бы жив. Я была бы замужем за каким-нибудь мясником... Но вышло иначе.

Она потеряла нить своих размышлений.

Главная причина, заставлявшая Парти Энн Хоукс восставать против отъезда Равенелей, заключалась в том, -- она не признавалась в ней даже самой себе и горячо отрицала бы, если бы кто-нибудь вздумал разъяснить ей истинное положение вещей, -- что, не отдавая себе в этом отчета, она была счастлива. Счастлива, что нашлось наконец поприще, на котором ей удастся развернуть свои административные способности. Она рассчитывала прежних актеров и заключала контракты с новыми, увольняла и нанимала служащих "Молли Эйбл", заказывала провиант, поговаривала о совершенно новых маршрутах плавучего театра и даже мечтала о поездке по Северной Каролине и Мэриленду. Мечтам ее суждено было осуществиться несколько позже. Много лет спустя, читая скучные и полные яда письма миссис Хоукс, Магнолия изнывала от тоски не по матери, а по тем местам, где останавливался театр и названия которых казались ей удивительно заманчивыми. По всей вероятности, эти места были не более живописны, чем города на Миссисипи, Огайо, Биг-Сэнди и Канауе. "Мы сейчас в Бате, на реке Памлико", -- писала Парти Энн. Или: "В Квинстоуне, на Сассафрасе..."

Глядя на серые улицы Чикаго, над которыми почти всегда висел мичиганский туман, Магнолия повторяла про себя эти экзотические названия: Бат на Памлико, Квинстоун на Сассафрасе.

Прощаясь с Магнолией, миссис Хоукс настаивала на том, чтобы она осталась совладелицей "Цветка Хлопка", с тем условием однако, что причитающиеся ей суммы будут выплачиваться отнюдь не единовременно, а частями, в строго определенные сроки. Ставя такое условие, Партия действовала, впрочем, весьма разумно. Равенеля она изучила прекрасно и, несмотря на всю свою жесткость, очень любила дочь -- интересы Магнолии всегда были для нее на первом плане. Магнолия и Равенель, в свою очередь, предложили ей стать единственной владелицей театра, выделив им единовременно их долю. Магнолия утверждала, что Равенель вложит большую часть этого капитала в какое-нибудь предприятие.

-- Знаем мы эти предприятия! -- огрызнулась Хоукс. -- И добавила: -- Только не вздумайте обращаться ко мне, когда останетесь без гроша. Ибо рано или поздно вы, разумеется, останетесь без гроша. Помяни мое слово. Впрочем, тебя и Ким я всегда приму с радостью. Только вас двоих. Когда он спустит все твои деньги, пусть делает что хочет. От меня он ничего не получит. Ты и Ким можете вернуться в мой театр хоть завтра. Я буду всячески заботиться о вас. Он же пусть не показывается мне на глаза.

Они стояли друг против друга -- не мать и дочь, а два враждовавших существа, боровшихся всеми силами, что будоражили их глубокие и страстные натуры.

Магнолия не удержалась от громкой фразы:

-- Если бы даже нам обоим -- Ким и мне -- пришлось умирать от голода, я все равно никогда не обратилась бы к тебе за помощью.

-- На свете есть вещи похуже, чем голод!

-- Что бы ни случилось, я ухожу от тебя навсегда.

-- Вернешься!

-- Никогда!

Говоря по правде, предстоящий отъезд ужасал Магнолию. Реки, маленькие глухие прибрежные города, их простодушные обитатели -- все это стало для нее привычным и родным. Здесь было так хорошо! Здесь было так много друзей! Здесь она чувствовала себя так непринужденно. К тому же сам плавучий театр был для нее тоже чем-то вроде матери, избавлявшей ее от всех забот и хлопот жизни на суше. "Цветок Хлопка" представлял собой замкнутый мирок, отделенный от жизни, ведущий свое особое, похожее на сон и вместе с тем бесподобно яркое существование.

Когда Магнолия, вместе с мужем и ребенком, покинула этот мирок и начала иную жизнь, заботы, тревоги, сомнения тотчас же обступили ее со всех сторон. Но над всем восторжествовала страстная любовь к новизне, острое любопытство перед неизведанным. Эти черты она унаследовала от своего покойного отца, маленького капитана Энди, которому, благодаря им, всегда удавалось побеждать упорное противодействие своей консервативной супруги.

Страх, нетерпение, тоска, опьяняющее ощущение свободы от сознания того, что она вырывается из-под материнского надзора, некоторое раскаяние при мысли о том, что радость ее протiwоестественно, -- таковы были чувства, наполнявшие душу Магнолии в последние дни перед отъездом.

Наконец наступили минуты расставания. Втроем сошли они на берег. ("Может быть, это в последний раз?" -- содрогаясь, подумала Магнолия. Но внутренний голос громко ответил ей: "Нет! Нет!") Равенель -- изящный, замкнутый, сдержанный, Магнолия -- очень бледная и даже не пытавшаяся сдерживать слезы, маленькая Ким, беспечно посылавшая обеими ручонками воздушные поцелуи. В руках у покидающих судно не было ни чемоданов, ни картонок, ни пакетов. Равенель запретил своей семье нести какой бы то ни было багаж: он находил это унижительным. Два негра в потертых синих фартуках возились с вещами, стараясь засунуть их под сиденье экипажа, который должен был отвезти Равенелей на ближайшую железнодорожную станцию, расположенную в двенадцати милях от пристани.

Вся труппа плавучего театра собралась на палубе "Цветка Хлопка". Каким нарядным, чистым, кокетливым казался он! Проходящий парусник поднял легкое волнение на реке, и невысокие волны ласково подступали к плавучему театру, заставляя его слегка покачиваться.

-- Прощайте! Прощайте! Пишите скорее!

Лицо миссис Минс исказилось гримасой душевной боли.

Равенель сел на переднее сиденье вместе с кучером. Магнолия и Ким поместились сзади, со всех сторон окруженные багажом. Чтобы лучше видеть их, Партинья Энн Хоукс забралась на маленький выступ верх ней палубы. Наконец экипаж двинулся по пыльной улице маленького городка. Громко загрохотали по мосту колеса. Заливаясь слезами, Магнолия в последний раз оглянулась. Там, на фоне воды и неба, стоял Партинья Энн Хоукс, вся в черном, массивная, грозная, неукротимая. Она не уронила ни единой слезинки. Острые глаза ее, не мигая, смотрели вперед, правая рука

была поднята в знак прощального приветствия. Она была беспокойна, необузданна, упряма, своенравна, она была страшна.

"Она похожа на Миссисипи", -- подумала Магнолия. Несмотря на все свое озлобление, дочь впервые разгадала в эту минуту истинную суть матери: "Миссисипи и мама -- родные сестры".

Крутой поворот. Маленькая роща. Река, плавучий театр, немая фигура в черном -- все осталось позади.

Глава тринадцатая

Поверхностный наблюдатель мог бы судить о материальном положении Равенелей по трем вещам: по котиковому манто и бриллиантовому кольцу Магнолии и по тросточке Гая. Частое исчезновение и появление этих трех вещей, несомненно, сильно озадачило бы всякого непосвященного человека. Прежде всего и чаще всего, несмотря на свою относительно небольшую ценность, исчезала тросточка с набалдашником из слоновой кости. Дело в том, что среди игроков она считалась талисманом и, зная это, ростовщики всегда готовы были принять ее в заклад.

Проигравшись в фараон у Джеффа Хенкинса или Майка Макдональда, Равенель подзывал слугу-негритенка и протягивал ему свою трость:

-- Снеси это к Эби Линману. Скажи, что мне необходимо двести Долларов. Скорей!

Или:

-- Беги к Голдсмиту. Попроси у него сто.

Негритенок понимал Равенеля с полуслова. Через десять минут он уже прибежал обратно, без тросточки, но с пачкой кредиток. Вместе с удачей возвращалась к Равенелю и трость. В случае необходимости в ход пускалось бриллиантовое кольцо. Когда этого оказывалось мало, закладывалось и котиковое манто Магнолии.

Но самым верным показателем материального положения Равенелей было даже не исчезновение этих трех вещей, а то место, где завтракал Гайлорд Равенель. Дома он не завтракал никогда. Эта привычка сложилась у него еще в ранней юности; теперь, освободившись наконец от сурового гнета Парти Энн, он с радостью вернулся к ней. Завтраки на "Цветке Хлопка" он всегда яростно ненавидел. Девять часов утра! Семейный завтрак! И на председательском месте величественная Партия в чепце и папильотках!

Переехав в Чикаго, Гай стал завтракать между одиннадцатью и двенадцатью. Он никогда не вставал раньше десяти. В дни удачи он завтракал в роскошном кафе Билли Бойля, на углу Кларк-стрит и Дирборн-стрит. Это было очень приятно, ибо в дневные часы у Билли Бойля собирались политические деятели, дельцы, игроки, жокеи, актеры, журналисты, репортеры и, наконец, бледные и томные молодые люди с ничего не говорящими именами -- Джордж Эд, Брэнд Уитлок, Джон Маккутчен, Пит Дьюк. Здесь можно было узнать все последние новости и сплетни. Здесь было много сюртуков покроя принца Альберта,

широкополых шляп, небрежно повязанных галстуков, сверкающих белизною воротничков и бриллиантовых запонок, столь характерных для профессиональных игроков. Ежедневно сюда заходил старый Картер Гаррисон, мэр Чикаго, и, не выпуская изо рта хорошей сигары в двадцать пять центов, беседовал со своими многочисленными знакомыми. Пользуясь близостью биржи, расположенной как раз напротив, в кафе Бойля частенько заходили маклеры. Гайлорд Равенель очень любил это кафе.

Синеватый табачный дым. Дразнящий запах толстых бифштексов, приготовленных из мяса лучших быков Запада. Массивные кружки пива -- светлого, отливающего янтарем, и темного. Аромат крепкого черного кофе. Ржаной хлеб с тмином. Хрустящие маленькие булочки с маком.

В периоды дружбы с фортуной стройный, бледный, спокойный, изящный Гай Равенель начинал день завтраком у Билли Бойля. Внимательно, с явным удовольствием прислушивался он к разговорам окружающих. Эти разговоры вертелись большей частью вокруг игорных домов Варнеля, Джеффи Хенкинса и Майка Макдональда, вокруг скачек в Вашингтонском парке, вокруг прелестной блондинки, только что появившейся в салоне Хетти Чилсон, вокруг всевозможных политических сплетен. Равенель редко принимал участие в этих разговорах. Подобно большинству профессиональных игроков он отличался молчаливостью. О нем были довольно высокого мнения. Проницательность, которой, кстати, у него вовсе не было, но которая, казалось, светилась в его холодных и лукавых глазах, умение слушать, что говорят другие, замкнутость, красивая внешность -- все это производило благоприятное впечатление.

-- Равенель молчит, но замечает решительно все, -- говорили про него. -- Можно наблюдать за ним битый час и все-таки по лицу его не узнаешь, выиграл ли он несколько тысяч или проиграл все, до последнего цента.

Завидная репутация для Кларк-стрит.

Впрочем, даже эта репутация не спасала его от частого безденежья. В такие периоды он не появлялся у Билли Бойля и ограничивался скромными завтраками в кафе "Косой глаз". Это знаменитое убежище для людей с пустым карманом было обязано своим странным названием дефекту зрения его владелицы. За кофе с сухарями она брала всего десять центов. Кофе был горячий, крепкий, возбуждающий. Свежие сухари хрустели на зубах. Не было на Кларк-стрит игрока, от которого не отворачивалась бы удача и который не был бы принужден время от времени довольствоваться скромными трапезами в кафе "Косой глаз". Если у такого игрока не было и десяти центов, он мог быть уверен, что добрая косоглазая хозяйка накормит его в счет будущей удачи.

Гайлорду Равенелю частенько случалось выходить утром из дому с пятьюдесятью центами в кармане превосходно сшитых брюк. В таких случаях, разумеется, тросточки с набалдашником из слоновой кости в его руках не было. Эти пятьдесят центов распределялись следующим образом: десять чистильщику сапог, двадцать пять за бутоньерку, десять за кофе с сухарями. Остающиеся пять центов он свято берег, считая, как многие

суеверные люди, что полное отсутствие денег в кошельке -- очень дурная примета.

Зайдя на несколько минут в манеж и купальни, справившись о программе скачек, послушавшись по улицам, выслушав отрывки разговоров, из которых он узнавал то, о чем обычно говорилось у Бойля, он заканчивал свой день у Хенкинса и Макдональда, где, за отсутствием денег, платонически ухаживал за фортуной. Впрочем, первый год их жизни в Чикаго он до платонической любви не опускался.

Как ни странно, Магнолия и Равенель довольно скоро освоились со своей новой жизнью. Вероятно, если учесть своеобразную обстановку, в которой она провела юность, это не было так уж странно. Она была любознательна, молода, весела и страстно влюблена в Гай-лорда Равенеля. Жизнь на реке сталкивала ее со всевозможными людьми и обстоятельствами. Кинни и Джо занимали в свое время такое же место в ее сердце, как Элли и Шульци. Домашние хозяйки в маленьких прибрежных городах, негры, лениво слоняющиеся по пристани, игроки в ресторанах на набережных, углекопы в угольных районах, моряки, бедные плантаторы Юга, луизианские аристократы -- все это оставило глубокий след в ее душе. В этом красочном окружении она, сама того не сознавая, стала своеобразней и ярче.

Теперь жизнь ее круто изменилась. Она, как дитя, простодушно радовалась новизне. Это простодушие и составляло ее главное очарование. Оно бесконечно привлекало Равенеля. Магнолия относилась к жизни чрезвычайно наивно. Все занимало и интересовало ее, она воспринимала новые впечатления с той же пленительной непосредственностью, которая покоряла, когда она была еще маленькой девочкой, так горячо беседовавшей со штурманом Пеппером в светлой и уютной рубке "Прекрасной Креолки" во время первого сказочного путешествия вниз по Миссисипи.

-- Что за поворотом? -- спрашивала она когда-то. -- А что будет дальше?.. Глубоко здесь? Что раньше здесь было?.. Какой это остров?

Мистер Пеппер отвечал на все ее вопросы, радуясь, что может утолить ее детскую жажду знания.

С той же горячностью засыпала она теперь вопросами своего мужа:

-- Кто эта полная женщина? Та, за одним столиком с хорошенькой белокурой девушкой? Какие у обеих странные глаза!.. Почему все его называют Джоном из купальни?.. Кто эта дама в коляске, с прелестным зонтиком в руках? Какое у нее нарядное, но безвкусное платье! Почему ты не хочешь меня познакомить с... этой... как ее... Хетти Чилсон?.. Почему Джимми Коннертона называют гадким?.. Почему Кларк-стрит часто называют набережной? Ведь тут нет воды! Неужели это Майк Макдональд? Он похож на фермера, не правда ли? Ну, конечно, настоящий фермер в воскресном костюме, который, кстати, вовсе не к лицу ему! Король игроков! Почему его заведение называют лавочкой? О Гай, дорогой мой, я бы так хотела, чтобы ты больше не... Ну, ну, не хмурься! Я только так... Знаешь, когда я думаю о Ким, у меня становится так тревожно на душе... Что-то будет с ней, когда она вырастет?.. Я никак не могу понять,

почему Липман дает тебе под залог тросточки в двадцать раз больше, чем она стоит!.. Как это ростовщики... Монт-Тениэс -- какое смешное имя!.. Эль Хенкинс?.. Ты шутишь! Не мог же он действительно умереть оттого, что на него упала складная кровать. Никогда в жизни не лягу спать на... Бойлер-авеню?.. Театр Хулея?.. Чинквевалли?.. Фанни Давенцорт?.. Дерби?.. Вебер и Филдс?.. Сотерн?.. Театр Ректора?

Целый новый мир открылся ее удивленным глазам -- такой же красочный, грязный, грубый, полный страстей, такой же жестокий и разнообразный, как тот, в котором она жила до сих пор.

Довольно значительного состояния, которое получила Магнолия благодаря отцовскому наследству, и суммы, полученной ею за отказ от права на совладение "Цветком Хлопка", Равенелю хватило на год с небольшим. Разумеется, он рассчитывал увеличить его раз в десять. Казалось, так просто, имея столько денег, проделывать с ними всевозможные операции, благодаря которым их количество увеличилось бы, словно по мановению волшебного жезла.

Расставшись с "Цветком Хлопка", они отправились прямо в Чикаго. Когда Гайлорд заявил, что выбор его пал именно на этот город, считавшийся раем для игроков, в глазах Магнолии промелькнуло выражение ужаса. Она почувствовала то же, что испытывала Парти Энн, когда капитан Энди начинал носиться с какими-нибудь новыми планами. Энтузиазм ее отца всегда подвергался холодному душу материнского неодобрения. Убеждая ее ехать в Чикаго, где все было ему знакомо, где его ждали бесчисленные приятели, рестораны, театры, скачки, Равенель становился необычайно настойчивым и красноречивым. Чувствуя близость свободы, он стал очаровательным даже с тещей. Но непреклонная Партия до конца относилась к нему враждебно. Вручая Магнолии довольно значительную сумму денег, она сочла своим долгом сделать ряд самых мрачных предсказаний. К сожалению, они не замедлили исполниться.

Первые впечатления от Чикаго были так фееричны, необычайны, так странны, что даже крошка Ким сохранила о них яркое воспоминание. Магнолия и Равенель вели себя так, как будто они были только немногим старше своей маленькой девочки. Что-то трогательно-наивное было в их глубокой вере, что можно сорить деньгами и в то же время сохранить их. Новая шубка, новая шляпка. Выезд. Скачки, Ужины. Бонна для Ким. Магнолия не знала счета деньгам. Впрочем, ей негде было научиться считать их. На "Цветке Хлопка" ей не приходилось иметь с ними дела.

По сравнению с их теперешним пребыванием в Чикаго, первая их поездка туда, незадолго перед рождением Ким, была только простым пикником. Равенель гордился всем: своей молодой женой, своей спокойной, серьезной большеглазой дочерью, элегантной бонной, парой прекрасных английских лошадей. Магнолия впервые надела настоящее, сильно декольтированное бальное платье, полюбила шампанское, научилась править и стала ездить на скачки в Вашингтонский парк.

Новая шубка Магнолии стоила очень дорого. В то время жены состоятельных людей в Чикаго носили большей частью котиковые манто, служившие как бы доказательством богатства их супругов. Но они не выдерживали никакого сравнения с прекрасной шубкой Магнолии, выполненной руками лучшего парижского портного. Эту шубку выбрал для нее сам Равенель. Он всегда сопровождал жену, когда она совершала серьезные покупки. Развалясь с важностью турецкого паши, рассматривал он товар. Опытным продавщицам не требовалось много времени, чтобы прийти к убеждению, что Магнолия мало смыслит в туалетах, зато в муже ее они сразу угадывали знатока.

Цена шубки привела Магнолию в ужас. Ведь до сих пор, как на сцене, так и в жизни, она носила только вещи, сделанные ею самой и ее матерью.

-- О Гай! -- вполголоса запротестовала Магнолия (хотя ловкая продавщица все равно расслышала ее слова). -- О Гай, мы должны отказаться от этой покупки!

-- У миссис Поттер Палмер точно такая же шубка, -- заговорила старшая продавщица сладким, но в то же время настойчивым тоном. -- Таких шубок всего только две на весь Чикаго. И скажу вам по чистой совести, соболь на отворотах вашей шубки пышнее и изящнее, чем соболь миссис Палмер. Впрочем, может быть, это мне только кажется. Вы так молоды и красивы, сударыня! Нет ничего удивительного в том, что всякая вещь выглядит на вас особенно элегантно!

Равенелю нравилось, когда Магнолия прикалывала к пушистому воротнику новой шубки букетики свежих фиалок. Вечерняя шляпа ее напоминала большую бабочку. Она была сделана из шелкового муслина, натянутого на каркас и покрытого блестками, которые при малейшем движении головы волшебным образом сверкали и переливались. Ким обожала запах фиалок, которыми веяло от наряда волшебной феи, приходившей прощаться с ней на ночь. Воспоминание об этом настолько глубоко запало в душу ребенка, что даже двадцать лет спустя Ким в любую минуту могла вызвать сказочно-прекрасный образ матери, нежное лицо, обрамленное иссиня-черными волосами, зарумянившиеся от ветра щеки. Девочка помнила ее именно такой, потому что Магнолия имела обыкновение влетать в комнату Ким сразу после прогулки. В этот час она была особенно оживлена, вся светилась радостью, смеялась, сверкала огромными темными глазами. С ее появлением теплая детская наполнялась запахом фиалок, меха, свежего воздуха, шуршанием бархата, блеском, любовью и смехом. Ким с наслаждением прятала лицо в надушенном корсаже матери.

-- О Гай, как она любит фиалки! Ты не рассердишься, если я поставлю их ей на столик?.. Нет, не покупай мне других... Мне не хочется, чтобы она была слишком похожа на меня... Посмотри, какой у нее ротик. Он будет таким же большим, как и мой... Сара Бернар? О нет, я вовсе не желаю, чтобы моя девочка стала такой же, как Сара Бернар... Впрочем, она вообще не будет актрисой.

Через год с небольшим деньги испарились. Именно испарились. Ведь не могли же стоять так безумно дорого английские рысаки, экипажи, скачки,

шубки, ужины, театры, платья Магнолии, костюмы Гая, бонна и гостиница? Равенель утверждал, что лошади, например, не были чистокровные и что чистокровные стоили бы гораздо дороже, не менее тысячи долларов каждая. И несмотря на это, денег как не бывало.

За этот первый год пребывания в Чикаго Магнолия столкнулась с совершенно новыми для нее сторонами жизни. Многое быстро выветрилось из ее памяти. Но кое-чему ей пришлось научиться. Так, она научилась оставаться хладнокровной, когда муж ее отправлялся в ложу к Хетти Чилсон и ее "барышням". Встречая их на улице, она делала вид, что даже и не замечает их, хотя выезд Хетти, а также туалеты ее и "барышень" считались самыми шикарными в Чикаго. Гай говорил, что эта дама вообще задает тон.

"Барышни" Хетти Чилсон одевались прекрасно, но отнюдь не крикливо, напротив, почти скромно. Они даже не были накрашены. По-видимому, они пользовались большим успехом в том кругу, где вращался Равенель. Несмотря на грубость и распущенность нравов на реке, Магнолия привыкла считать, что женщины с профессией Хетти Чилсон находятся вне общества. Она думала, что они не имеют прямого отношения к жизни, что это только тени, зловещие, угрожающие, мрачные. В Чикаго ее ждало потрясающее открытие. Она узнала, что эти женщины играют большую роль в общественной и политической жизни громадного города. Хетти Чилсон была полная, белокурая, довольно красивая женщина, державшаяся самоуверенно, а ее умные, проницательные глаза и добродушный смех вызывали невольную симпатию. "Барышни" ее, пожалуй, тоже были привлекательны. Каждое утро их можно было встретить в Линкольнском парке -- они катались верхом по аллеям, специально предназначенным для верховой езды, у них были чудесные лошади, длинные черные амазонки красиво облегали их стройные фигуры.

Хетти Чилсон была своего рода крупной величиной. Когда приезжим перечисляли достопримечательности Чикаго -- дворец Поттера Палмера на набережной, Музей искусств, Биржу, Общественное собрание, дом Филиппа Эрмура и его сына на Мичиган-авеню, сады, на месте которых можно было построить целый город, -- то обыкновенно упоминали и о Хетти Чилсон (причем, конечно, голос понижался до шепота и на устах говорящего появлялась многозначительная усмешка). Она жила в большом гранитном особняке на Кларк-стрит, два каменных льва, словно в насмешку поставленных кем-то, охраняли вход в это святилище, отнюдь не недоступное для смертных.

-- Гостиная Хетти Чилсон, -- объяснил Гай своей молодой жене, -- представляет собой своего рода клуб. Там, за стаканом доброго вина и хорошей сигарой, собираются все видные политические деятели Чикаго. Половина тех политических событий, о которых публика узнает из газет, обсуждается и подготавливается в гостиной у Хетти. Она очень богата. И знаешь, Нолли, у этой женщины золотое сердце! Она подарила своим родителям ферму в пятнадцать акров! Не слишком близко от Чикаго, конечно! А какой у нее вкус! У нее есть имение на реке Канкаки, которое

славится великолепной библиотекой -- редкие издания Сервантеса, Бальзака и других авторов, прекрасными лошадьми, розами...

-- Все-таки, дорогой Гай...

Магнолия часто видела ее на Стейт-стрит, где Хетти ежедневно делала покупки, щеголяя своим действительно роскошным экипажем. Экипаж был сработан на заказ Кимбодем, известным в свое время каретным мастером, и лакированный кузов его блестел как зеркало. Пышная юбка Хетти была разложена красивыми складками на мягких лиловых подушках. Летом прелестный кружевной зонтик слегка покачивался над ее головой. Зимой она куталась в элегантную выхухолевую шубку. Одна из безупречно одетых "барышень" неподвижно сидела рядом с ней. На козлах, выпрямившись, сидели кучер и лакей, оба, разумеется, в ливреях. Новая блестящая упряжь весело позвякивала. Гнедые рысаки оказали бы честь любому миллиардеру.

-- Все-таки, дорогой Гай...

-- А что ты скажешь в таком случае о Франции?

-- О Франции?

-- Ну да, о тех француженках, о которых читают в романах, пишут исторические исследования, упоминают даже в школьных учебниках? Вспомни мадам Помпадур, мадам Ментенон, мадам Дю Барри. Они принимали участие во всех политических делах своего времени, и все считались с ними! А кто они такие? Простые куртизанки! Неужели ты думаешь, что поскольку у них были пудренные парики, фижмы и мушки...

Матово-бледные щеки Магнолии покрыл легкий румянец. То была краска негодования. Она была очень неопытной, но отнюдь не глупой женщиной. Последние месяцы многому научили ее. К тому же она, как оказалось, не совсем еще забыла историю, которую ей так старательно вдалбливала Парти Энн.

-- Хетти -- самая обыкновенная кокотка, Гай. Ни парик, ни фижмы, ни мушки -- ничто не сделало бы ее кем-то иным. Она такая же Дю Барри, как твой Хинки Динк -- Мазарини.

Равенелю доставляло какое-то странное удовольствие раскрывать своей молодой жене дурные стороны жизни.

Но дурное не шокировало ее. Сталкиваясь с ним, она испытывала лишь удивление и легкий испуг. Перед мысленным взором Магнолии вырастала в таких случаях суровая фигура Партины Энн Хоукс, казалось даже, что она видит недовольные глаза матери. В самом деле, что бы сказала Парти Энн при виде всех этих людей, мелькавших перед Магнолией, словно тени на экране, -- при виде Хетти Чилсон, Тома Хеггерти, Майка Макдональда, "принца" Варнеля, Джеффи Хенкинса? Как ей было ни грустно, Магнолия все же не могла удержаться от улыбки при мысли о том, в каких выражениях высказалась бы об этих людях Партия Энн. В словаре миссис Хоукс отсутствовали термины, обозначающие нюансы. Она вообще не признавала полутон. Девка -- так девка. Мошенник -- так мошенник.

С болью и нежностью вспоминала Магнолия отца. Вот кто бы чувствовал себя хорошо в Чикаго и позабавился бы всласть! Его блестящие черные

глаза не упустили бы ни одной детали, а подвижная маленькая фигурка так и мелькала бы по узкому и мрачному переулку, между Вашингтонским парком и Медисон-стрит, известным под названием "Аллеи игроков". Он с удовольствием сыграл бы партию в фаро, оценил бы по достоинству каждую хорошенькую женщину, побывал бы в кабаре Сэма Джека, и, уж конечно, в театре Хуллея. Ничто из жизни Чикаго не ускользнуло бы от зорких глаз маленького капитана, и ничто дурное не пристало бы к нему.

-- Интересуйся всем, Нолли, -- говорил он в добрые дни, когда Парти запрещала Магнолии болтаться по берегу. -- Не верь людям, которые говорят, что надо прятаться от скверных сторон жизни. Это величайшая ложь. Зорко присматривайся ко всему, не бойся ничего и будь верна себе. Тогда ничто не запятнает тебя. Если даже ты увидишь что-нибудь нехорошее, что за беда! Убедившись в том, что это действительно дурно, ты отвернешься!

В течение всей своей жизни Магнолия следовала этому совету.

Главной причиной их разорения был, разумеется, фараон, самая модная игра того времени. Равенель страстно увлекался ею. Играл он, конечно, не у Джорджа Хенкинса -- там играли по маленькой, -- а у Джеффи Хенкинса и Майка Макдональда. Фараон был для Равенеля больше чем игрой, он был для него профессией, наукой, искусством, дамой его сердца. Кроме страсти к картам, у Равенеля, к сожалению, не было пороков. К сожалению потому, что ничто, кроме карт, не могло увлечь его. Он редко и умеренно пил, мало курил, притом исключительно легкие сигареты, аппетит у него был небольшой, вещами он почти не дорожил.

Ни Гайлорд, ни Магнолия не ожидали, что деньгам придет конец. Они вовсе не беспокоились о деньгах. Обоим казалось, что их так много, что они никогда не переведутся. На той недельке их можно будет вложить в какое-нибудь надежное предприятие! У Равенеля много деловых связей. Он слышал об одном чрезвычайно выгодном деле. Но сейчас неблагоприятный момент для того, чтобы вступить в него. Надо ждать подходящей минуты. Когда эта волшебная минута настанет, некто немедленно сообщит об этом. А пока что -- не пойти ли поиграть в фаро! А пока что -- роскошные комнаты гостиницы, устланные толстыми мягкими коврами, широкая удобная кровать, блюда, специально приготовленные для мистера и миссис Равенель. Джентльмены во фраках, стоявшие у театральных касс Хуллея, Маквикерса или Оперного театра, приветствовали Гайлорда словами "добрый вечер, мистер Равенель". Главные приказчики Манделя и других лучших магазинов Чикаго рассыпались в любезностях перед Магнолией. "У нас есть кое-что для миссис Равенель" или "Получив этот товар, мы тотчас же подумали о вас!.."

Порою Магнолии казалось, что "Цветок Хлопка" был чем-то вроде корабля-призрака, реки -- сном, а жизнь на них -- сказкой.

Весь первый год пребывания в Чикаго Равенели жили весело и роскошно. Магнолия старалась приучить себя к шуму, который на Кларк-стрит не прекращался ни днем, ни ночью. Разнообразные звуки врываются в их жилище и наполняли каждый его уголок. Она недоумевала, зачем

кондуктора омнибусов беспрерывно дают звонок. Может быть, он оказывает благотворное влияние на их нервы?

-- Га-а-зеты! Утренние га-а-зеты! Динь-динь-динь! Крак! Крак! Крак! Крак-крак-крак!

В самой гостинице тоже было шумно. Вот раздаются тяжелые шаги. Кто-то проходит мимо их комнаты и долго возится с ключом, открывая свой номер. С улицы доносятся голоса, смех, непрекращающийся звук шагов. Вот кричит пьяница. Эти крики отлично знакомы ей. Равенель рассказывал ей недавно о Большом Стиве, тяжеловесном полисмене, который за умелое применение палки, являющейся отличительным знаком его служебного достоинства, носил кличку Джека-Дубинки.

-- Никто не видел, чтобы Большой Стив арестовывал по ночам пьяных, - смеясь рассказывал Гай. -- Ни он и никто из его помощников на Кларк-стрит не делает этого. И знаешь почему? Ларчик открывается очень просто. Арестовав пьяного, они должны были бы в девять часов утра явиться в полицию для дачи показаний. Иначе говоря, им пришлось бы рано вставать. А это им нисколько не улыбается. Вот почему всех пьяных, сколько-нибудь способных стоять на ногах, они передают друг другу до тех пор, пока им не удастся сплавить их в глухие части города по ту сторону реки. Очень остроумная система, не правда ли?

Возможно, система и в самом деле была не лишена остроумия. Но восстановлению тишины на Кларк-стрит она отнюдь не способствовала.

Иногда, терзаясь бессонницей, отвернувшись от мужа, мирно спавшего с нею рядом, или поджидая его, когда он запаздывал, Магнолия крепко закрывала глаза, стараясь как можно яснее представить себе глубокое, бархатистое безмолвие летней ночи на реке, чудесную родную тишину, плеск воды, заснувший, далекий, родной корабль-призрак.

-- Га-а-зеты! Га-а-зеты! Динь! Динь! Крак!

Катастрофа наступила совершенно неожиданно.

-- Гай, дорогой мой, почему ты так упорно отказываешься дать мне эти несчастные сто долларов? Мне они нужны, чтобы заплатить за темно-зеленое бархатное платье, которое ты так любишь! По правде говоря, я нахожу, что оно очень бледнит меня. Я сделала его, исключительно чтобы угодить тебе. Портниха уже третий раз присылает мне счет. Дай мне эти сто долларов, пожалуйста. Или, если это тебя больше устраивает, выпиши чек.

-- Я уже сказал тебе, Нолли, что у меня нет денег.

-- О Господи! Ну что ж делать, придется отложить до завтра. Только уж завтра непременно, Гай! Ты ведь знаешь, я так не люблю, когда...

-- Я ничего не могу обещать тебе, Нолли. У меня нет ста долларов. Понимаешь, совсем нет...

Он долго старался объяснить ей, что на этот раз речь идет не о временном затруднении, что состояния ее больше не существует, что деньги вышли. Наконец он замолчал. Все еще не понимая, все еще будучи не в состоянии поверить ужасной правде, она смотрела на него большими удивленными глазами.

-- Мне очень не везло последнее время.
-- В чем?
-- В фараон, конечно!
-- Но, Гай! Ведь денег было так много!..
-- Настанет день, когда их снова будет много.
-- Как?
-- Очень просто. Можно попытаться счастья на бирже.
-- На бирже? Как это?
-- Ты все равно ничего не понимаешь в этом.
-- Но все-таки, куда же девались все наши деньги?
-- Я повторяю тебе, что последнее время все проигрывал.
-- Где?
-- У Хенкинса.
-- Сколько же ты проиграл?
-- Зачем тебе знать это?
-- Но все-таки?..
-- Несколько тысяч.
-- Пять?
-- Д-д-да. Да, пять.
-- Больше?
-- Около десяти.

Тут она обратила внимание на отсутствие тросточки с набалдашником из слоновой кости. Магнолия сняла с пальца кольцо и протянула ему. С годами она стала делать это автоматически.

Таким образом, перемена, которая неизбежно должна была произойти в их жизни, произошла не постепенно, а сразу. Магнолия чувствовала себя Золушкой, с быстротой молнии перенесенной из королевского дворца в грязную кухню. Им пришлось расстаться с бархатом, зеркалами, коврами, тонким постельным бельем, изысканным столом и великолепной сервировкой отеля Шермена. Они поселились в маленьком пансионе на Онтарио-стрит, где жили преимущественно актеры. По мысли Равенеля, удобство его заключалось в том, что он находится недалеко от...

-- От чего? -- спросила Магнолия.

Но, в сущности, ответ ей не был нужен. Она знала, что в десяти минутах ходьбы от их пансиона находится "Аллея игроков". В продолжение последующих пятнадцати лет Гайлорд Равенель ходил туда каждый вечер.

Глава четырнадцатая

В "Аллее игроков" делали вид, что не замечают плачевного положения Равенеля. Таковым было одно из правил кодекса чести этой среды. Следует платить карточные долги. Никогда не следует говорить о деньгах. Вообще, много говорить не рекомендуется. Всем жизненным неудачам надо противопоставлять позу, полную собственного достоинства.

Конечно, далеко не всем и не все удавалось скрыть. Некоторые факты говорили за себя. Можно было делать из них какие угодно выводы. Нельзя

было только комментировать их, по крайней мере вслух. Человека, который целую неделю или даже две недели подряд, появлялся в кафе "Косой глаз", приветствовали с той же изысканной вежливостью, с какой его встречали, когда он был завсегдатаем у Билли Бойля или в Пальмерсхаузе. Можно было носить дырявые башмаки, при том неременном условии, однако, чтобы они всегда были вычищены. Белье могло быть поношено, но должно было блистать чистотой. Щеки могли стать впалыми от недоедания, но должны были всегда быть хорошо выбриты и слегка пахнуть одеколоном. Обедая за пятнадцать центов у Беркея или Майлана, можно было жадно набрасываться на хлеб, масло и пикули, которые ставились на стол для общего пользования. Но у Джеффи Хенкинса и Майка Макдональда надо было выказывать избалованный вкус и отсутствие аппетита. Костюм мог изнашиваться, конечно. Но он должен был, во что бы то ни стало, быть сшит у Билля Маклина, лучшего портного того времени. Когда человек оказывался в стесненных денежных обстоятельствах и не мог поэтому развлекаться в обществе Хетти Чилсон, он все же должен был с презрением отворачиваться от красавиц, высывающихся из окон на Бойлер-авеню и Кларк-стрит. Он обязан был мыться, бриться, одеваться, есть, пить, курить -- точно так же, как в те дни, когда ему сопутствовала удача. В полночь -- также следовало быть на ногах. В промежутках между полуднем и полуночью можно было поспать глубоким и сладким сном.

Одним словом, кодекс чести той среды, в которой вращался Равенель, требовал, чтобы игрок был истинным джентльменом.

Вот почему, когда Равенели переселились из комфортабельного отеля Шермена в убогий пансион на Онтарио-стрит, в манерах и поведении. Гайлорда трудно было заметить какую бы то ни было перемену. Приятели, конечно знавшие о его материальных затруднениях, не говорили об этом ни слова. У Магнолии подруг не было. Хотя она жила в Чикаго уже больше года, общество Гая и Ким вполне удовлетворяло ее. В наивной серьезности девочки было что-то странно взрослое.

-- Знаешь, Гай, -- часто говорила Магнолия, -- в присутствии Ким я чувствую себя такой легкомысленной, глупой, юной. Когда мне весело, или я возбуждена, или восхищаюсь чем-нибудь, она так смотрит на меня своими большими глазами, что... О Гай, ты не находишь, что в ней много общего с мамой?

-- Упаси Бог! -- испуганно восклицал Равенель.

Магнолия посвящала Ким довольно много времени. Втроем -- мать, дочь и бонна -- они часто уезжали из гостиницы в поисках каких-нибудь невинных развлечений. Но день начинался поздно. Ким часто видела, как в десять или даже одиннадцать часов, подходя к спальне ее родителей, бонна прикладывала палец к губам и делала страшные глаза. Мало-помалу это стало казаться ей совершенно естественным.

Однажды утром, накинув поверх ночной рубашки шелковый капот, Магнолия вышла из своей комнаты и увидела, что у самых дверей стоит Ким, приложив палец к губам и делая страшные глаза кукле, лежащей в

углу. Это была любимая кукла девочки. Очень серьезно, материнским тоном, но вместе с тем в высшей степени строго, Ким страдала свою неподвижную дочку. Это было настолько трогательное зрелище, что Магнолия расплакалась. Схватив девочку на руки, она прижала ее к груди, страстно расцеловала и понесла к Равенелю.

-- Знаешь, Гай, она стояла у дверей нашей комнаты и уговаривала свою куклу не шуметь. Бедный ребенок! Мы слишком мало думаем о ней. Мы забросили ее. Нет, ты пойми... Она охраняла наш покой! Это в двенадцать-то часов дня! О Гай, нам не следовало бы жить здесь! Хорошо было бы поселиться в каком-нибудь спокойном, тихом, маленьком домике, где она могла бы нормально развиваться и играть на свободе.

-- Очаровательно! -- возразил Равенель. -- По-твоему, мы должны были бы жить в Фивах, что ли? Не устраивай трагедии, Нолли. Я считал, что со всем этим давно покончено.

Когда они разорились, бонна-англичанка исчезла, как и все прочие атрибуты благосостояния. Исчезла, как исчезли лошади, высокая щегольская коляска, фиалки, ложа в театре и шампанское. Бонна уже никогда не вернулась к ним. Но кое-что из потерянного времени от времени возвращалось. Они жили лишь сегодняшним днем. Состоятельными людьми им, разумеется, больше не суждено было стать.

Но в чередовании мрачных и светлых периодов было нечто до монотонности закономерное. Очень редко бывало что-нибудь среднее. Голод -- так голод. Пир -- так уж пир горой. Иногда Равенелю везло. Ему случалось выигрывать в фараон большие суммы. Чего тут раздумывать! Скорее! Комнаты в Пальмерсхаузе! Скачки! Театр! После театра ужин. "Но, Гай, дорогой..." "Какой чудный вечер, миссис Равенель! Вы сегодня просто обворожительны!" Новое пальто. Голубоватый бриллиант красуется на руке Магнолии. Гайлорд заказывает два новых костюма у Билли Маклина. Гай угощает приятелей в роскошном ресторане Бемиса на Мичиган-авеню. Хозяин понимал его с полуслова.

-- Какой вы хотите обед, мистер Равенель? -- спрашивает он.

-- Гм... коктейль... красное винцо... -- отвечал Равенель. И Бемису было ясно, что тот выиграл немного и потому обед надо подать хороший, конечно, но не слишком шикарный.

Но когда в ответ на его тактичный вопрос Гай небрежно отвечал: "Коктейль, кларет, сотери, шампанское, ликеры!" -- Бемис, угадывая, что выигрыш в эту ночь был изрядный, устраивал обед на славу, стараясь придать ему особый блеск каким-нибудь замысловатым новым блюдом. На десерт, как правило, подавался замороженный арбуз, которым и славился ресторан. Весь пропитанный шампанским, он выдерживался в леднике двадцать четыре часа. Вкус у него был замечательный. В сравнении с этими душистыми ярко-красными ломтиками даже божественная амброзия показалась бы пресной и безвкусной.

Когда фортуна поворачивалась лицом к Гайлорду, Магнолия старалась отложить хоть небольшую сумму денег, как делала это на "Цветке Хлопка", в первые месяцы их брака. Но это ей редко удавалось. Гай бывал очень

щедр, когда выигрывал, но тратил свой выигрыш по своему усмотрению и никогда не делился деньгами с женой.

-- Купи несколько приличных платьев, Нолли, -- для себя и для девочки. Пусть мне пришлют счет. На тебе отвратительное платье. И почему ты носишь его каждый день в течение стольких месяцев?

Платье было, в самом деле, неважное. Гай, действительно, не понимал, почему Магнолия так долго носит его. В том, что он не удосуживался понимать это, было нечто поразительное. Ларчик ведь открывался крайне просто. У Магнолии просто не было другого платья. То, которое ненавидел Равенель, постоянно чистилось, чинилось, перешивалось. Уменьше шить, приобретенное Магнолией в дни ранней юности, сослужило ей хорошую службу.

Бывали периоды, когда даже второразрядный пансион на Онтарио-стрит становился для них недостижимой роскошью. Призрак нищеты витал над ними. В такие периоды они переезжали в меблированные комнаты на Огайо-стрит, Индиан-стрит или Эри-стрит -- своего рода Блемсбери Чикаго. Между десятью и одиннадцатью часами утра из подъездов домов, расположенных по улицам этих кварталов, выходили заспанные, небритые мужчины, тщетно поднимавшие воротники, чтобы скрыть отсутствие крахмального, а иногда и какого бы то ни было белья. В руках их были кувшины. Они шли покупать молоко и сухари к кофе, который тем временем варился на газовой горелке. Сонное уныние царило по утрам в этих мрачных улицах. Неряшливо одетые, растрепанные, поблекшие женщины производили ужасное впечатление. В течение дня с ними происходила чудесная перемена. Они принаряжались, подмазывались, затягивались в корсеты, душились, причесывались по последней моде, надевали ботинки на высоких каблуках и шелковые платья. Встречаясь с бледной и тоненькой Магнолией, эти болтливые дамы останавливались и начинали тормозить неизменно серьезную Ким.

-- Улыбнись же скорее, крошка! Ну?

Магнолии тоже приходилось варить кофе и яйца на газовой горелке. Как бы плохи ни были их денежные дела, она всегда старалась иметь в запасе несколько лишних центов на поездки в Линкольн-парк. Для матери и ребенка этот парк был своего рода оазисом, живительная вода которого придавала им бодрости и сил. Очутившись там, можно было забыть о газовой горелке, о жалкой комнате, о грязных коридорах, о толстых и вульгарных соседках. Можно было пойти в Зоологический сад, посидеть у озера, досыта налюбоваться пышной зеленой травой.

Во время этих прогулок Магнолия рассказывала дочери всевозможные истории о своих родных реках. Девочка постепенно знакомилась с прошлым матери. При виде синих вод Мичигана Магнолию охватывала страстная тоска.

-- Ты помнишь плавучий театр, Ким?

-- Плавучий театр?

В манере говорить у девочки было что-то взрослое. Это объяснялось тем, что ей не приходилось проводить время с другими детьми.

-- Неужели не помнишь? Неужели ты не помнишь рек, бабушку, дедушку?

-- Капитана?

-- Да! Капитана! Вот видишь! Я была уверена, что ты помнишь его. Что ты помнишь еще? Помнишь маленьких негритят на пристани? А музыкантов? А сирену? Помнишь, ты убегала от нее, затыкая уши? Помнишь Джо и Кинни?

-- Расскажи мне что-нибудь о реках!

Рассказывая дочери всевозможные эпизоды из своей прошлой жизни, Магнолия утоляла свою собственную тоску. Мало-помалу рассказы ее начали принимать форму сказок и легенд. Герои были все те же. Воспоминания о реке сливались с воспоминаниями о людях. Элли, Шульци, Джули, Стив, бородатый великан, чуть было не застреливший ее партнера по пьесе "Прекрасная Креолка", первая поездка Магнолии по рекам, мистер Пеппер, светлая рубка -- все это стало для Ким родным, привычным и в то же время сказочным, чем-то вроде "Красной Шапочки", "Трех медведей", "Золушки", "Мальчика с пальчик". Рассказывая свои волшебные сказки, Магнолия не скупилась на яркие краски. Ким никогда не уставала слушать ее.

-- Расскажи о том, как ты была маленькой девочкой и бабушка запирала тебя в комнате, потому что не хотела пускать тебя в театр, а ты вылезала в окно, в одной сорочке...

По всей вероятности, Ким была единственной белой девочкой в Чикаго, засыпавшей под невыразимо грустные и задумчивые негритянские песни, которым суждено было сделаться очень модными несколькими годами позже. Это были те самые песни, которым Магнолия научилась от Джо и Кинни, на кухне "Цветка Хлопка": "Как глубока была эта река", "На небе Крылья нам дадут, дитя", "Сойди на землю, Моисей".

Девочке нравились эти песни. Когда Ким бывала больна и лежала в постели, она всегда просила мать петь их. Магнолия пела точно так же, как ее учитель Джо, бессознательно подражая негритянской манере. В течение всего детства Ким, куда бы ни забрасывала всех троих судьба, -- в роскошных апартаментах отеля Шермена, с его красным бархатом и зеркалами, в скучном, мрачном, но все же почтенном пансионе на Онтарио-стрит, в нищенских меблированных комнатах -- всюду звучали эти нежные и печальные песни. Однажды, в то время как Магнолия, сидя на качалке и держа на коленях Ким, пела одну из них, какой-то шум в коридоре заставил ее прервать пение. Она тихонько подошла к дверям и, распахнув их, вскрикнула, охваченная изумлением и страхом. У дверей стояло около десяти негров. Все они улыбались, весело поблескивая зубами и закрывая глаза. Это были лакеи и рассыльные отеля Шермена! Привлеченные пением, которое им так редко приходилось слышать на севере, они не удержались от соблазна и столпились у запертых дверей. Редкий певец получает столь явное доказательство искреннего восхищения со стороны публики.

Вряд ли какому-нибудь ребенку пришлось испытать больше превратностей судьбы, чем маленькой Ким, дочери профессионального игрока и актрисы плавучего театра. Она относилась к этим переменам очень спокойно. Между тем эти постоянные скитания повлияли бы, несомненно, на всякого другого, менее уравновешенного ребенка. Одну неделю она жила в нищенском квартале, в доме, где все насквозь пропахло переваренной капустой, другую -- в лучшей гостинице Чикаго, где услужливые лакеи во фраках готовы были немедленно исполнить любое ее желание. Там -- она жила более чем скромно. Здесь -- ела мороженое, ходила в нарядных платьицах и ежедневно каталась в экипаже по берегу озера.

В жизни Равенелей театр играл большую роль. Страстно увлекаясь им, Магнолия между тем не отличалась разборчивостью. Комедия, фарс, мелодрама -- все одинаково интересовало и захватывало ее. Гайлорд относился к театру совсем иначе, он был более разборчив. На открытии вновь отстроенного Линкольн-театра, на Кларк-стрит, он вышел в антракте в фойе и со скупающим видом закурил папиросу. Играла труппа Густава Фромана.

-- О Гай, я в восторге!

-- А по-моему, неважно. Театр производит убогое впечатление. Не стоило отстраивать его заново.

Ким познакомилась с театром очень рано. Ей не было и десяти лет, когда она перевидала всех знаменитостей того времени, от Джулии Марлоу до Анни Гельд, от Сары Бернар до Лилиан Руссель. Серьезно и внимательно смотрела она классический репертуар братьев Роджерс. Так же серьезно и внимательно относилась она к труппе Клоу и Ирленджера.

-- Нельзя сказать, чтобы она не понимала комического жанра, -- говорила Магнолия с тревогой в голосе. -- Он просто не нравится ей. Собственно говоря, следовало бы радоваться ее серьезности, но я боюсь, что она слишком развита для своих десяти лет. Право, когда ей будет двадцать, она начнет журить меня и заставит ложиться вовремя. Я буду чувствовать себя девчонкой рядом с ней.

Магнолия и теперь уже была более ребенком, чем Ким. Она принадлежала к числу тех зрителей, которые так увлекаются представлением, что могут схватить за руку сидящих рядом с ними. Когда Равенеля с ними не было, ей приходилось изливать свои восторги дочери. Они часто ходили в театр вдвоем. Полнейшая безалаберность их жизни не позволяла им завести сколько-нибудь постоянные знакомства. Театр заменял им друзей. Он вносил в их жизнь разнообразие, оживление, радость, в тяжелые минуты давал им забвение и красочные воспоминания. По мере того как Равенель все более и более запутывался в сетях ночной жизни Чикаго, Магнолия и Ким все больше увлекались театром.

Как это ни странно, беспутная жизнь Равенеля отличалась своеобразной организованностью. Он приходил и уходил в строго определенные часы. Время Гай-лорда было распределено так же точно, как если бы он служил в какой-нибудь конторе. Фортуна была с ним весьма капризна. Но ни

удачи, ни неудачи не отражались на его привычках. К превратностям судьбы он относился гораздо хладнокровнее, чем Магнолия и даже Ким. Где бы они ни жили -- в отвратительных меблированных комнатах или в шикарном отеле, -- он всегда уходил в одно и то же время, весь день болтался по городу и возвращался большей частью глубокой ночью, то с карманами, набитыми золотом, то буквально без гроша. Иногда, когда он приходил раньше, Магнолия шла с ним в театр. Между прочим, в каком бы тяжелом материальном положении Равенели ни находились, на театр у них всегда хватало денег.

Как уже было сказано, в дни невзгод они поселялись обычно где-нибудь в северной части города, по ту сторону реки Чикаго, грязной и зловонной: в то время еще не было отводного канала, который очищал бы ее. Несмотря на плохие времена, Равенель, выходя из какого-нибудь мрачного отеля или неопрятных меблированных комнат на Онтарио- или Огайо-стрит, был так же бодр, весел и элегантен, как тот молодой человек, который несколько лет назад стоял на набережной Нового Орлеана, прислонившись к высокому деревянному ящику, и которому дырявые ботинки не помешали произвести хорошее впечатление на капитана Энди Хоукса.

Как и в то памятное весеннее утро на юге, он любил, остановившись на пороге, хладнокровно созерцать жизнь, бьющую ключом вокруг него. То, что наблюдательным пунктом ему служил грязный подъезд второразрядных меблированных комнат, а предметом его наблюдений являлась еще более грязная улица, ничуть не смущало его. Встав с постели, он производил все те же сложные манипуляции, которые привык в лучшие времена совершать при помощи хорошего лакея. Он мылся с головы до ног, брился, тщательно одевался. Магнолия давно поняла, что утренние туалеты, которые она привыкла видеть на обитательницах "Цветка Хлопка" -- на Джули, миссис Минс, миссис Сопер, даже на прихотливой Элли, -- неприемлемы для жены Равенеля. Скромное, практичное белье, которое Парти приготовила своей дочери в приданое, было очень быстро упразднено и заменено тонким батистовым бельем с кружевами, прошивками и вышивками. Когда неудачная игра в фараон обрекала семью Равенель на жизнь на Огайо-стрит, уход за таким бельем становился сложным делом.

Равенеля не касались все эти мелочи. Выйдя из своего убогого жилища, он полностью располагал своим временем. Каждый день предвещал ему что-нибудь новое. Кто мог поручиться за то, что в этот же вечер он не сорвет банк? Ведь бывали же случаи, что ему начинало фантастически везти именно тогда, когда в кармане его оставался только один доллар.

Выйдя из дома, Равенель большей частью направлялся к Висячему мосту. Тут он замедлял свои и без того ленивые шаги или даже останавливался на несколько минут -- посмотреть на многочисленные суда. Большей частью это были пароходы. Попадались и парусники. Иногда появлялась трехмачтовая шхуна "Финней", доставлявшая в Чикаго муку. В воздухе висел легкий запах кофе, доносившийся со складов Рейда и Мердока, расположенных немного западнее. Иногда Равенель подходил к складам,

чтобы полной грудью вдохнуть этот приятный аромат и взглянуть на отель Шермена, весь залитый солнцем. -- С добрым утром, Джордж!

-- С добрым утром, мистер Равенель! Как изволите поживать? Возьмите газетку!

-- Н-н-нет. Нет... Гм!

Он не желал расходовать последние пятьдесят центов на "Таймс-Гарольд" или "Трибуну". У Макдональда можно было прочесть их даром. Какое чудесное утро! Туман, окутывавший озеро, к полудню рассеивался. Еще одно преимущество позднего вставания!

Равенель направлялся в "Косой глаз". Завтра он будет завтракать у Бойля. Сегодня счастье улыбается ему. Он уверен в этом! Он сразу почувствовал это, как только открыл глаза.

-- Завтра мы будем пить шампанское, Нолли. У меня хорошее предчувствие. Когда я проснулся, у меня зачесалась ладонь правой руки. А вчера вечером я встретил горбуна.

-- Выпей сегодня кофе дома. Хорошо, Гай? Я сейчас покормлю тебя. Ведь наш кофе гораздо вкуснее того, который ты пьешь в... в городе.

Нагнувшись над зеркалом, стоявшим на старом маленьком туалетном столике, Равенель критическим взглядом разглядывал свой галстук. Потом пожимал плечами и надевал прекрасно сшитый сюртук.

-- Ты отлично знаешь, что я никогда не ем в той комнате, где сплю!

Миновав здание суда, Равенель доходил до угла улицы Вашингтона. За зеркальным стеклом цветочного киоска красовались в хрустальных вазах срезанные цветы. Чтобы привлечь на себя внимание торговца, Равенель стучал монетой в окно или ударял тросточкой по мостовой -- в том случае, конечно, если тросточка была еще не заложена.

-- Эй, Джо!

Джо тотчас же появлялся на деревянных ступеньках.

-- Это вы, сэр? Вот и отлично! Только что получены свежие цветы.

Он подавал белую гвоздику. Равенель подносил цветок к лицу, с наслаждением вдыхал его пряный аромат, потом обрывал стебель и просовывал гвоздику в петлицу своего элегантного костюма.

Он был безукоризненно изыщен. Молодой, красивый, одетый по последней моде, слегка небрежный. Глядя ему вслед, продавец Джо частенько предавался размышлениям на тему о счастье.

Каким бы плачевным ни было его финансовое положение, Равенель никогда не опускался до второразрядных игорных домов, где публика состояла главным образом из мелких служащих и ремесленников. Между заведениями Джеффи Хенкинса и его брата Джорджа была громадная разница. Около игорного дома Джорджа, как и около других подобных ему заведений, стояли специальные "крикуны", заманивавшие публику:

-- Игра в полном разгаре, господа! Игра в полном разгаре! Заходите! Попытайте счастья! Имея десять центов в кармане, любой может в один вечер превратиться в миллионера!

У Джорджа Хенкинса высшей ставкой в фараон было десять центов. Здесь можно было встретить рабочих в грязных сапогах, в прокуренных

дешевым табаком блузах, с жестяными судками для обеда в руках. Здесь играли в рулетку, в покер и во всевозможные другие азартные игры. Все это не существовало для Равенеля; Он играл только в аристократический фараон, рискуя все потерять и надеясь много выиграть.

Фараон царствовал у Майка Макдональда. Здесь Равенель чувствовал себя как дома. Роскошь, блестящее общество, крупная игра, возбуждение - все это было необходимо ему как воздух. Здесь в любой момент ему могла улыбнуться фортуна. Здесь он всегда мог рассчитывать на кредит, который позволил бы ему начать игру. В первом этаже помещалось кафе, стены которого были до половины отделаны ореховым деревом, в простенках стояли громадные зеркала, изящные столики с инкрустациями из слоновой кости притягивали взор, на стенах висели картины, изображающие всевозможных красавиц. В то время рестораны и игорные дома соперничали друг с другом тяжеловесностью и богатством своего убранства. Например, ресторан "принца" Варнеля в течение долгих лет славился великолепным камином из мексиканского оникса, мраморной статуей, изображающей смерть Клеопатры, и огромными севрскими зеркалами.

Во втором этаже "лавочки" Макдональда помещался мраморный зал, излюбленное место Равенеля. Он проходил мимо роскошно инкрустированного стола рулетки, даже не взглянув на быстро вертящийся шарик. Крупье почтительно кланялся ему. Большею частью это были люди хорошего происхождения, потомки южных аристократов, воспитанные и элегантные. Но сам Макдональд был действительно похож на фермера. Прекрасный черный костюм всегда плохо сидел на нем. Он неизменно носил черный галстук. Тонкий, коротконогий, седовласый король игроков мог бы прекрасно сойти за добродушного крестьянина.

-- Будете играть сегодня, мистер Равенель?

-- Возможно... Да, вероятно...

-- Устроить вас?

-- Пожалуйста!

Макдональд пальцем подзывал слугу:

-- Дэв, займитесь мистером Равенелем.

Равенель усаживался за зеленый стол. Тут он был как бы в своей семье: игрок-джентльмен среди игроков-джентльменов.

Его партнеры были так же прекрасно одеты, спокойны, элегантны, выдержанны, как и он. Многие из них носили драгоценности: бриллиантовые булавки в галстуках, бриллиантовые кольца, изредка бриллиантовые запонки -- последние считались признаком дурного тона. Почти все держали в зубах потухшие сигареты. У всех можно было заметить мелкие морщинки вокруг глаз. Все были крайне вежливы и, обращая друг к другу, говорили: "Сэр...", "Благодарю вас, сэр...", "Кажется это ваше, сэр..." В зале царила тишина. Но, казалось, самый воздух этого зала был насыщен электричеством. Действительно, спокойным оставался один крупье. Проходил час... два... три... четыре... пять.

Слуги-негры в туго накрахмаленных белых фартуках бесшумно сновали между группами играющих. Внешне они никому не оказывали предпочтения, хотя отлично знали разницу между шукой и карасем.

-- Не желаете ли что-нибудь выпить, сэр? Может быть, виски, сэр? Не угодно ли вам сигару? Может быть, вы не откажетесь от цыпленка и бутылочки вина?

Равенель рассеянно оборачивался:

-- Который час?

-- Около шести, сэр.

Иногда, довольно редко, Равенель прерывал игру, чтобы закусить. Большею частью, однако, он ужинал после того, как игра была закончена. Само собой разумеется, что Равенель и подобные ему угощались за счет Макдональда. Их считали не обыкновенными посетителями, а почетными гостями. Двадцатипятицентовые сигары были всегда в их распоряжении, как и вино любого качества. Разнообразные и изысканные горячие закуски могли быть заказаны и съедены так же свободно, как у себя дома, а слуги выбивались из сил, чтобы угодить посетителям. Можно было поужинать за отдельным маленьким столиком или в обществе многочисленных друзей, можно было закусить, не прерывая игры. В буфете, рядом с игорным залом, были расставлены холодные закуски: жареные куры, копченый язык, колбаса, сыр, холодный ростбиф и салаты всех сортов. Мягкие красные ковры, высокие канделябры с хрустальными подвесками, зеркала, запах дорогих сигар и хороших закусок, легкий шорох сдаваемых карт, тихие голоса крупье -- все это создавало атмосферу роскоши, изобилия и комфорта. Надо, впрочем, заметить, что, когда банкомет открывал маленький ящичек, умело скрытый в столе (это был денежный ящик, где лежали рядами разноцветные кредитки и стопки золота и серебра), при остром зрении можно было разглядеть, рядом с благородным металлом и бумажками, зловещий блеск серо-голубой стали...

Все игроки были до крайности суеверны. Капризная фортуна принадлежала к числу женщин, требующих особенного внимания: ее надо было опасаться, приходилось льстить ей и ухаживать за ней, как за возлюбленной.

Ни один дикарь-идолопоклонник, ни один простодушный обитатель джунглей не носился так со своими предрассудками, как эти серьезные люди с жесткими лицами.

Равенелю случалось вставать из-за стола, не имея ни цента в кармане и крупно задолжав Макдональду. Но выражение лица его оставалось спокойным и безмятежным.

-- Надеюсь, в следующий раз вам больше повезет мистер Равенель!

-- Еще бы, Майк! Счастье должно улыбнуться мне! До завтра! Твердо рассчитываю отдать вам свой долг.

И надежды его сбывались. Ну, если не на следующий день, то через два дня. Счастье действительно улыбалось ему! И как улыбалось! Пятьсот! Тысяча! Пять тысяч!

-- Вы слыхали о Равенеле?

- Да, ему здорово повезло!
- Отыгрался в какой-нибудь час!
- Ушел с десятью тысячами долларов в кармане!
- Что вы! Я слышал, что он выиграл гораздо больше.

Выиграв, Равенель возвращался домой таким же спокойным и хладнокровным, как и в дни проигрыша. Он шел по Кларк-стрит, засунув руки в карманы, туго набитые золотом и пачками кредиток. В те времена по улицам смело можно было ходить ночью, не опасаясь нападения грабителей. Правда, шикарных джентльменов, вроде Равенеля, частенько останавливали нищие, но от них легко было отделаться одной из многочисленных бумажек, так приятно похрустывающих в кармане.

Равенели все время переезжали с места на место. Они жили то в скромной, но комфортабельной гостинице "Ривер" на Кларк-стрит. То в приличном, но совершенно лишенном комфорта пансионе на Онтарио-стрит. То в грязных и неуютных меблированных комнатах на Огайо-стрит. Но куда бы ни бросила их судьба, Равенель никогда не падал духом и всегда был так жизнерадостен, так весел, так очарователен, что никто не мог противостоять ему, и меньше всех его собственная жена. Лучше, чем кто бы то ни было, понимала она натуру своего замкнутого и слабохарактерного мужа, иногда презирала его, частенько ненавидела, но все же любила его той любовью, которая кончается только вместе с жизнью.

Когда Гайлорд возвращался, Ким обычно давно спала. Но Магнолия никогда не ложилась до его возвращения. Поджидая мужа, она читала, шила или просто задумчиво сидела у окна. Ему не приходилось выслушивать упреков за поздние возвращения. Супруги ссорились часто, но не из-за этого. Порою, сидя у окна, она мыслями уносилась далеко-далеко, к родным рекам, которые так еще недавно, в сущности, составляли всю ее жизнь. Так проходило несколько часов. Вот кончилось последнее действие. Занавес. Публика, оставшаяся на концерт, торопится занять места, многие пробираются поближе к сцене. Инженю исполняет новый романс. А теперь, должно быть, комические куплеты. Характерный актер выступает с какой-то забавной песенкой. Концерт окончен. Публика расходится. Оркестр замолкает. Несколько замешкавшихся зрителей карабкаются на высокий берег. За кулисами звучат отрывочные фразы. "Ты опять не подал мне реплики! В какое дурацкое положение ты меня ставишь!" -- "Как же я мог предугадать, что ты выпустишь весь трюк с дверью? Почему ты не предупредил меня?" -- "Не можешь ли ты порепетировать со мною этот романс? Одно место у меня не получается. Та-та-та-там! Там-там!" -- "Ты, кажется, не в особенно хорошем настроении сегодня!" Актеры ужинают. На спиртовке стоит кофе. Сыр. Ветчина. Напряжение сменяется усталостью. Как скучно разгримировываться! В актерские уборные доносится плеск воды. Мало-помалу в плавучем театре прекращается шум. Становится тихо. Еще тише. Совсем тихо. Как темно! Как спокойно! Не слышно ничего, кроме мелодичного журчания реки...

Иногда дремота овладевала Магнолией. И вдруг до слуха ее доносился знакомый пронзительный звук сирены с одного из больших пароходов на Мичигане. Сама не своя, она вскакивала с кресла, прижимала руки к груди и долго не могла понять, слышала ли она на самом деле этот звук или он лишь приснился ей, как только что приснился "Цветок Хлопка" и ночной мрак над извилистыми берегами Миссисипи.

Однажды, в то время как Магнолия сидела, так вот окунувшись в прошлое, на лестнице послышались по-особенному быстрые и веселые шаги Равенеля. Он не вошел, а влетел в комнату:

-- Скорей, Нолли! Мы тотчас же покидаем эту мышиную нору!

-- Но, Гай, дорогой... Не сейчас же! Ведь уже очень поздно.

-- Нет, именно сейчас! Ведь переезд не займет много времени. Я разбужу служанку. Она поможет нам.

-- Не надо! Уж лучше я все сделаю сама. О Гай! Ведь Ким уже спит. Не лучше ли отложить переезд до утра?

Она отговаривала Равенеля, но, в сущности, его нелепая затея увлекла ее, как увлекало все, выходящее из рамок повседневности. Обоим стало бесконечно весело. Они зажгли все лампы, вытряхнули содержимое письменного стола, комода, шкафа, чемоданов: оставшиеся от лучших времен драгоценности, кружева, куски шелка сразу оживили неуютную, мрачную комнату. Чтобы не разбудить спящего ребенка, им приходилось говорить шепотом. Они чувствовали себя детьми и беспрерывно хохотали.

-- Куда же мы поедem, Гай?

-- К Шермену. Может быть, ты предпочитаешь для разнообразия "Аудиториум"? Можно взять комнаты, выходящие на озеро.

-- Гай!

Она всплеснула руками, стоя на коленях перед чемоданом.

-- На будущей неделе мы поедem в Висбаден. Там так хорошо! Днем можно гулять, кататься, ездить верхом. Мы непременно должны научиться ездить верхом, Нолли! Вечером пойдem к Тому Хеггерти.

-- О, не играй там, Гай, дорогой! Ну разве только немножко, ладно? Мне бы так хотелось, чтобы этих денег хватило хотя бы на некоторое время.

-- Должны же мы дать Тому возможность оплатить наши расходы! Помнишь, когда мы были там в последний раз, я выиграл тысячу долларов. А ведь рулетка не моя специальность.

Несмотря на то что была уже глубокая ночь, Равенель разбудил хозяйку и потребовал счет. Она не слишком рассердилась на то, что ее беспокоят в такой неурочный час. Вообще, женщины редко сердились на Равенеля. Заплатив по счету, он пошел нанимать экипаж.

Ким уже не в первый раз случалось засыпать в грязных меблированных комнатах северной части Чикаго, а просыпаться в роскошном номере, блистающем золотом и зеркалами. Во время переезда она крепко спала. Когда она проснулась, вместо бутылки молока и одного яйца ее ждал великолепно сервированный завтрак. Все блюда были покрыты блестящими крышками, а под каждой крышечкой таилось какое-нибудь лакомое кушанье: особым образом поджаренная ветчина, посыпанная

петрушкой, запеченные яйца в специальных красивых коричневых горшочках, золотые ломтики поджаренного в масле белого хлеба. Из соседней комнаты раздался веселый голос Магнолии:

-- Запивай молоком каждый кусочек, Ким! А то ты всегда выпиваешь его залпом!

Так проходило детство Ким. Как было ей не верить после этого сказкам, утверждающим, что добрые духи постоянно творят чудеса? Некоторые из них периодически занимались приведением в порядок дел ее родителей.

Аккуратно, раз в месяц, Магнолия получала письма от матери. Не реже, чем раз в месяц, но и не чаще. Дела Партины Энн Хоукс шли блестяще. И хоть она постоянно жаловалась на что-нибудь, между строк легко было прочесть, что она очень довольна и даже, по-своему, счастлива. В своем маленьком мирке она была, наконец, полновластной госпожой. Приказания ее исполнялись беспрекословно. Вокруг ее имени создавались целые легенды. Парти Энн Хоукс, владелица и администраторша плавучего театра "Цветок Хлопка", сильная, высокая, грузная, с нахмуренными черными бровями, из-под которых холодно светились умные, пронизательные глаза, с густыми волосами, в которых едва начинала пробиваться седина, пользовалась на реках известностью и уважением. Она управляла театром с деспотизмом какого-нибудь самодержавного царька. Подданные ее часто подвергались опале и даже изгонялись. Говорят, что некоторые богобоязненные люди крестились при виде ее, а встречу с "Цветком Хлопка" считали дурным предзнаменованием.

Письма Парти Энн к Магнолии были в высшей степени характерны для нее.

"Здравствуй, Маджи! Надеюсь, что ты и девочка здоровы. Частенько подумываю о том, как ты ухитряешься воспитывать ребенка при том образе жизни, который тебе приходится вести. Могу себе представить! Впрочем, что посеешь, то и пожнешь! Не сомневаюсь в том, что он промотал уже до последнего цента те деньги, которые с таким трудом заработал твой бедный отец. Мои предсказания сбылись. Слышала ли ты о несчастье, случившемся с "Новой Sensацией"? Не повезло Френчу! Полтора месяца тому назад она затонула у Нового Мадрида. Виноват штурман. Большой разиня, по-видимому. Наткнулся в тумане на подводные камни! Это напомнило мне о том, как погиб твой бедный отец. Потребовалось две недели, чтобы поднять "Новую Sensацию", хотя она затонула на глубине жалких шести футов! А месяц тому назад в Иллинойсе, близ Гардена, потонул второй пароход Френча, "Золотой Жезл". Спасти его не удалось. Бывает же такое несчастье!..

Дела мои идут хорошо. Грех пожаловаться. Но приходится смотреть в оба, чтобы не остаться в дурах. Знаешь, я взяла нового трагика. Как актеру ему гроши цена, но техника у него есть, собою недурен, и зрители им довольны. В угольном районе публика вела себя, по обыкновению, возмутительно. Но как только в воздухе начинало пахнуть дракой, я

выходила к рампе и объявляла, что, в случае чего, выведу судно на середину реки и затоплю его, ибо не намерена терпеть скандала в своем театре..."

Магнолия ясно представила себе грузную фигуру в черном, стоящую перед ярким занавесом... Свет рампы бросал мрачные блики на ее и без того мрачное лицо... Да, эта женщина была, несомненно, способна усмирить самую неистовую публику!..

"Урожай в здешних краях в этом году хороший. Это благотворно сказывается на сборах... На прошлой неделе я варила варенье. Пришлось порядком повозиться, но покупного я терпеть не могу, потому что лавочники делают его на желатине и подмешивают в него Бог знает что.

Полагаю, ты считаешь ниже своего достоинства вспоминать "Цветок Хлопка" и рассказывать о нем Ним. Фотографию ее я получила. Нахожу, что девочка выглядит неважно. Наверное, ложится не вовремя и питается неподходящей для ребенка пищей. Интересно знать все-таки, какое ты даешь ей воспитание? Что это за монастырский пансион, о котором ты писала? От роду не слыхала о таких. Ну, кончаю! Бог свидетель, у меня слишком много дела, чтобы писать длинные письма, да еще тем, кто вовсе в них, должно быть, не нуждается. Все-таки мне хотелось бы знать, как вы живете, то есть ты и девочка, конечно.

Твоя мать Партинья Энн Хоукс".

Письма Парти Энн наполняли Магнолию тревогой, досадой, нежностью и тоской. Она знала, конечно, что мать по-своему любит и ее, и внучку, что ей часто не хватает их обеих. Она была уверена, что мать оказала бы им, в случае нужды, и денежную помощь. Но какое злобное удовольствие почувствовала бы она, если бы дочь обратилась к ней за помощью! Этого удовольствия Магнолия не желала ей доставлять. Между тем материальное положение ее становилось все хуже и хуже. Ким подрастала. Пора было серьезно подумать о ее воспитании. И все-таки Магнолия держалась стойко. Письма ее к матери были полны героической лжи.

"Гай бесконечно добр ко мне... Стоит мне высказать какое-нибудь желание... Все говорят, что Ким развитая девочка... В будущем году мы собираемся в Европу... Новая шубка... Мы никогда не ссоримся... Я очень счастлива..."

Но мать так же хорошо умела читать между строк, как и дочь. На одно из восторженных писем Магнолии миссис Хоукс ответила: *"Знаю я твои шубки! Сегодня роскошная шуба, а завтра есть нечего. Полно врать".*

Глава пятнадцатая

Все чаще задумывалась Магнолия о необходимости дать Ким образование. Что будет с девочкой? Чтобы быть спокойной за будущее дочери, ей были необходимы собственные деньги. Ведь на Равенеля трудно было рассчитывать. Когда ему везло, он засыпал жену и дочь подарками и удивлялся тому, что в глазах Магнолии все чаще появляется выражение тревоги.

-- Разве тебе не хватает чего-нибудь? Я подарил тебе все, что ты желала. На тебя трудно угодить последнее время.

Когда бумажник его был пуст, он грустно разводил руками:

-- Да ведь я сказал уже, что у меня ничего нет! Разве я отказывал тебе в чем-нибудь, когда у меня были деньги? Почему ты изводишь меня?

-- Трудно жить так, Гай. Сегодня -- все, завтра -- ничего. Неужели мы не можем жить, как все? Эти скачки от богатства к нищете -- ужасны. Я больше не в силах выносить это.

-- Тебе следовало бы быть женой какого-нибудь конторщика.

Магнолия стала подумывать о заработке, который позволил бы ей иметь собственные деньги. Чем бы ей заняться? Что она умеет делать? В течение нескольких сезонов она была актрисой плавучего театра. Немножко играет на рояле. Немножко -- на банджо. (О милый камбуз Джо и Кинни на "Цветке Хлопка"!) У нее небольшой, но чистый и мелодичный голос...

Робко, нервничая, с краской на лице, она заговорила однажды на эту тему с Равенелем. Был прекрасный вечер. Они ехали обедать в Соннисейд-отель. На этой неделе фортуна была к Гайлорду благосклонна. Холеные красивые лошади едва касались копытами земли. Высокий желтый лакированный шарабан ярко блестел в лучах осеннего солнца. Магнолия смеялась и чувствовала себя счастливой. Прогулки в шарабане по пригородам доставляли ей огромное удовольствие. Равенель был очарователен и весьма доволен собой, своей красивой, нарядной, молодой женой, своим шарабаном, своими лошадьми, погодой и предстоящим обедом. Они ехали через Линкольн-парк. Соннисейд-отель находился в двух часах езды на север от Чикаго и пользовался особым расположением публики. Владелец ресторана, старик Доулинг, брал по доллару с персоны за обед. И какой это был обед! Бифштексы были так сочны и нежны, что их можно было разрезать вилок. Старик Доулинг сам ходил за своими телятами. Старуха Доулинг сама откармливала птиц. У них был собственный огород. К столу подавались только что собранные помидоры и зеленый лук. Из сладких блюд славилось сливочное мороженое и гигантский шоколадный торт собственного изготовления.

-- Дай мне вожжи, Гай!

-- Подожди немного! Лошади горячатся. Будешь править потом, когда мы выедем за черту города. Здесь очень тесно.

Пользуясь прохладой ясного августовского дня, все экипажи Чикаго высыпали на улицу.

-- Я хочу сейчас, Гай!

-- Пусть лошади уgomонятся немного!

-- Но я совсем не хочу править ими, когда они угомонятся! Папа всегда позволял мне править горячими лошадьми!

-- То были просто клячи по сравнению с этими! Неужели прогулка и так не доставляет тебе удовольствия? Не собираешься ли ты стать спортсменкой? Завтра, чего доброго, ты захочешь надеть штаны!

-- Я очень довольна, но...

-- Только не вздумай стать похожей на свою мать, Нолли!

Магнолия умолкла. Во время одного из частых пребываниях на Онтарио-стрит она познакомилась с полной, любезной актрисой с пепельно-золотистыми волосами, пышной грудью и необычайно туго затянутым корсетом. Она внимательно наблюдала за четой Равенелей своими водянистыми, но тем не менее зоркими и умными глазами.

-- Почему вы все сидите дома, милочка? -- спросила актриса однажды вечером.

Она собиралась на какую-то вечеринку и поэтому постаралась принарядиться. На платье ее было столько оборок, а на ней самой столько бус, перьев, браслетов и цепочек, что издали она напоминала увешанную игрушками рождественскую елку. Встретив Магнолию в коридоре, актриса, приветливо улыбаясь, остановила ее. Магнолия улыбнулась в ответ. Но улыбка вышла невеселая.

-- Вам необходимо развлекаться. Ведь вы так молоды! Я давно заметила, что вы почти все время возитесь со своей девочкой и никуда не выходите. Берите пример с меня! Впрочем, вы, наверное, считаете меня легкомысленной.

Магнолия действительно считала ее легкомысленной. Вместе с тем она понимала, что это несколько вульгарное существо хорошо относится к ней и желает ей добра. Ей даже пришло в голову, что Элли, должно быть, теперь похожа на нее, теперешняя Элли, уже немолодая, поблекшая, обрюзгшая.

-- О, я очень часто выезжаю и развлекаюсь! -- вежливо ответила она.

-- Ваш муж дома? -- резко спросила актриса.

Она была занята совершенно безнадежным делом, пытаясь натянуть на свою массивную руку маленькую черную перчатку.

Магнолия высокомерно подняла тонкие брови. Это была привычка, бессознательно перенятая ею у Равенеля.

-- Мистера Равенеля нет дома.

Она пошла к своей комнате. Не успела Магнолия сделать и десяти шагов, как актриса догнала ее и схватила за руку.

-- Не вздумайте обижаться на меня, милочка! Я гораздо старше вас и многое повидала на своем веку. Вы сидите дома и возитесь с ребенком, между тем как муж ваш все время порхает где-то. Скажите по совести, разве это способствует улучшению ваших отношений? Нет, не правда ли? Позвольте же мне дать вам один совет. Когда он будет звать вас куда-нибудь, непременно идите с ним, даже если у вас не будет соответствующего настроения. Если вы не пойдете с ним, пойдет кто-

нибудь другой. Поверьте, желающие найдутся! А со временем он перестанет вас звать куда бы то ни было.

С этими словами она быстро пошла к выходу, весело цокая до смешного высокими каблучками и распространяя вокруг себя запах невероятно крепких духов. Сначала Магнолия пришла в бешенство, потом рассмеялась, потом задумалась и, наконец, почувствовала некоторую благодарность к этой легкомысленной женщине, которая от души желала ей добра. За последнее время Магнолии часто приходилось встречаться с женами профессиональных игроков. Как ни странно, это были чаще всего спокойные, бледные, грустные женщины, больше всего на свете любящие свой домашний очаг и своих детей. Дети их были почти всегда не по годам серьезны и очень хорошо одеты. В первый раз Магнолии пришло в голову, что она и Ким должны производить на посторонних точно такое же впечатление. Скоро она научилась узнавать жен профессиональных игроков по выражению их лиц.

Магнолии часто доводилось видеть их поспешно выходящими из дверей одного из многочисленных ломбардов, расположенных на Порт-стрит, недалеко от реки. Окна этих ломбардов почему-то притягивали ее. В них были выставлены такие знакомые вещи; каждая из них имела свою историю, которую безмолвно рассказывала всякому, кто достаивал ее своим вниманием. Среди них попадались куклы, обручальные кольца, флейты, пеньковые трубки, масонские знаки, библии, куски кружев, очки в золотой оправе.

Сидя рядом с Равенелем в высоком желтом шарабане и задумчиво разглядывая свой роскошный туалет, Магнолия невольно думала обо всем этом. Потом она подняла голову и взглянула на Равенеля. Румянец играл на его щеках. Модное пальто с темными перламутровыми пуговицами великолепно сидело на нем. В петличке красовалась пышная белая хризантема. Да, он был очень красив... Магнолия приготовилась к решительному объяснению:

-- Я не собираюсь делаться спортсменкой, Гай. Мысли мои заняты другим. Мне бы хотелось, чтобы ты серьезно отнесся к тому, что я скажу тебе. Пора, наконец, подумать о Ким. Воспитание, которое мы даем ей, никуда не годится. Полгода она ходит в частную школу, полгода в казенную и полгода не учится совсем... Ах, я и без тебя знаю, что в году только два полугодия! Но ведь так нельзя. И все это происходит оттого, что у нас то много денег, то ни гроша.

-- О Господи, говорить о таких вещах во время прогулки!

-- Но, Гай, дорогой, нужно все-таки когда-нибудь говорить о них! И вот я думала... я хотела... Гай, я хочу сама зарабатывать деньги!

Равенель изо всех сил хлестнул лошадей.

"Пусть! -- подумала Магнолия. -- Этим он не испугает меня. Что за человек! Срывать досаду на ни в чем не повинных лошадях!.."

Она положила руку на рукав его пальто.

-- Пусти! Не мешай мне! Разве ты не видишь, что они сейчас понесут?

-- В этом не будет ничего удивительного, Гай. Ты так жесток с ними! Иногда мне кажется, что ты любишь лошадей так же мало, как и...

Магнолия замолкла. Невольный страх охватил ее. Она чуть было не сказала "так же мало, как и свою жену". Несколько мгновений царил молчание. Потом она заговорила снова:

-- Гай, милый мой, я хочу вернуться на сцену. Хочу опять стать актрисой. Здесь, в Чикаго.

Магнолия приготовилась к буре и готова была выдержать ее. Но он только громко расхохотался. Этот неожиданный смех испугал не только ее, но и лошадей. Они и без того уже горячились, а теперь закусил удила и понесли. Добрых четверть часа сидела Магнолия, одной рукой уцепившись за сиденье, а другой придерживая готовую улететь шляпу. Лошади мчались во весь опор по неровной сельской дороге (город уже давно остался позади). Из глаз их сыпались искры, ноздри раздувались, копыта так и мелькали в воздухе; легкий высокий шарабан подпрыгивал и мотался из стороны в сторону. Равенель всеми силами старался сдержать животных. На руках его сквозь нежную белизну кожи отчетливо просвечивали темно-синие жилки. Правый рукав его пальто лопнул. На лбу и подбородке появились капли пота. С побелевшими губами, страшно испуганная, Магнолия крепко стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть невзначай, и, действительно, не проронила ни звука. Она понимала, что лошадей больше пугать нельзя. Если бы не ее выдержка, дело могло бы кончиться плохо.

Мало-помалу лошади стали успокаиваться, с бешеного галопа они перешли на рысь и, наконец, в изнеможении остановились. Равенель спрыгнул. В то время как он вытирал раздушенным тончайшим полотняным платком свое вспотевшее лицо, лошади тянулись взмысленными мордами к траве, растущей около дороги. Сняв блестящий цилиндр, Гайлорд усталым жестом провел рукой по влажным волосам и тихонько выругался -- ругательства в таких случаях служат мужчинам формулой отречения от испытанного ими страха, в котором, разумеется, они не особенно любят признаваться.

Равенель повернулся и, сощурившись, посмотрел на Магнолию, а та в свою очередь взглянула на него. Ее большие глаза были широко открыты. Приложив руку к сердцу, она сделала несколько шагов по направлению к нему. И вдруг оба звонко расхохотались. Смеялись они потому, что были молоды, и только что испытали большой страх, и нервы их были взвинчены пережитой вместе опасностью. И еще потому, что они любили друг друга и мысль о возможности смерти или увечья казалась им вдвойне ужасной.

-- Вот видишь, к чему привел разговор о твоём поступлении на сцену, -- сказал Равенель. -- Даже лошади пришли в бешенство! Надеюсь, что это послужит тебе уроком.

Он взял в руки вожжи.

-- Можно подумать, что я не была актрисой и не знаю, что такое сцена!

-- Неужели ты воображаешь, что те спектакли, в которых ты участвовала, можно назвать спектаклями, а всякую дыру в стене -- сценой? Да разве ваше старое корыто имело право называться театром? А эти пьесы...

великий Боже! Помнишь: "Сю, если ты его любишь и он любит тебя, иди к нему. Но если он будет обращаться с тобою дурно, возвращайся ко мне... Помни, под этой домотканой синей блузой..."

-- Конечно, это был театр! -- горячо воскликнула Магнолия. -- Странно было бы, если бы я думала иначе! Я любила свое дело. И все мы играли только потому, что была артистами по призванию. Может быть, мы играли плохо, не спорю. Но зрители были довольны нами. Они плакали именно тогда, когда им полагалось плакать, смеялись именно тогда, когда им полагалось смеяться, верили тому, что происходило на сцене, и почитали за счастье смотреть нас. Что же это как не театр?

-- Чикаго -- не захолустный городишко, и публика здешних театров -- не какой-нибудь провинциальный сброд. Ты видела Моджеску, Монсфильд, Сару Бернар, Джефферсона и Аду Риген. Неужели ты не понимаешь, что такое настоящие актеры? Неужели ты не видишь разницы...

-- Представь себе, нет. Разница, по-моему, не так уж велика. О, я вовсе не хочу сказать этим, что не признаю таланта всех этих знаменитостей. Разумеется, они талантливы. Они прошли прекрасные школы. В их распоряжении великолепные сцены, декорации, костюмы... Но... как объяснить тебе... ведь они делают решительно то же, что заставлял нас делать Шульци, и публика, собирающаяся смотреть их, плачет и смеется над тем же, над чем смеялась наша публика, и они постоянно ездят в турне -- правда по суше, а не по рекам, -- но ведь это несущественно. Герои и героини, которых они играют, очень похожи на тех, которых играли мы. В пьесах говорится о той же любви, о тех же страстях, о тех же муках. И после спектакля, когда зрители расходятся, на лицах их то же выражение, какое бывало у нашего "провинциального сброда", когда он оставался -- а это было всегда, -- оставался довольным представлением.

-- Дорогая, не говори глупостей... Вот мы и приехали!

Они действительно подъехали к ресторану. Было еще довольно рано, обеда пришлось ждать, и в ожидании его супруги Равенели поболтали с супругами Доулингами, Магнолия сдержанно, Гайлорд очень любезно. Глядя на бумажные розы и китайские статуэтки, служившие украшением гостиной, Магнолия невольно вспомнила Фивы.

Обед был великолепный -- обильный и вкусный. Едва уселись Равенели за длинный стол у окна, как из сада послышался громкий шум и звук веселых голосов. К крыльцу подъехало несколько нарядных тильбюри. Выскочившие из них элегантные молодые люди в цилиндрах и лакированных остроносых ботинках бросились помогать своим дамам, которые, шурша широкими юбками, с визгом и смехом спрыгивали с высоких подножек прямо в их объятия.

У нескольких из них были в руках банджо и мандолины. Великолепные лошади едва стояли на месте. На крыльце шумная компания замешкалась. Молодые женщины, только что пронзительно кричавшие, безудержно смеялись чему-то. Рассмотрев их как следует, Магнолия нашла, что они далеко не так молоды, как ей показалось вначале.

-- Черт возьми! -- воскликнул Равенель.

Брови его сдвинулись.

-- Ты знаешь эту компанию, Гай?

-- Это Блисс Чепин с приятелями. Он угощал их. Дело в том, что он послезавтра женится. Вот они и решили справить...

-- В самом деле? Как это мило! Которая же из этих дам его невеста? Покажи мне ее, Гай!

И во второй раз за этот день Равенель сказал:

-- Дорогая, не говори глупостей!

Шумной гурьбой ввалилась в ресторан компания Блисса Чепина. Мужчины и женщины бросились к столу и, не успев даже усесться как следует, принялись есть хлеб. Не прошло и минуты, как они заметили Равенеля.

-- Гай! Ну, конечно, он! Гай, старая лисица, так вот почему ты не желал поехать с нами! Эй, Бланш, что же ты зеваешь? Посмотри-ка на этого шалуна! Хорош, нечего сказать.

-- Вы же говорили, что едете к Кремпу! -- сказал Гай, подойдя к одному из мужчин.

Он говорил шепотом и был чем-то крайне недоволен.

Собеседник его не отличался сообразительностью и к тому же был слегка пьян. В ответ на какое-то замечание Равенеля он громко расхохотался:

-- Вот так штука! Слушайте, господа! Гай, оказывается, был твердо уверен, что мы едем к Кремпу. Не желая встречаться с нами, он привез свою подружку сюда. Слышишь, Бланш? Понимаешь теперь, почему он...

Он с явным восторгом посмотрел на Магнолию.

-- Впрочем, кто посмеет бросить в него камень? А, Бланш?

-- Ну его к черту! -- сказала особа, которую болтливый джентльмен называл Бланш и которая сидела на противоположном конце стола. В голосе ее не было ни малейшей злости. Просто она считала, очевидно, своим долгом сказать что-нибудь. На ее восклицание присутствующие ответили громким смехом и криками одобрения.

-- Замолчишь ли ты, наконец! -- шепнул Равенель болтуну.

Но тот не унимался:

-- Бедный Гай! Как он боится, что его подруга намылит ему голову!

Тем временем "подруга" Равенеля блестяще доказывала, что ее "друг" был совершенно неправ, упрекая ее в недостаточном владении сценическим искусством. Она подняла голову и внимательно окинула буйную компанию, усевшуюся наконец за длинным столом. Лицо ее было очень бледно, большие глаза потускнели, но на устах заиграла улыбка.

-- Что же ты не знакомишь меня со своими друзьями, Гай? -- спросила она.

Голос ее прозвучал как-то особенно звонко.

-- Ты с ума сошла! -- шепнул ей Равенель.

Блисс Чепин встал, машинально скомкав салфетку. Однако, несмотря на то что он был сильно пьян, видно было, что он из всех сил старается вести себя, как подобает светскому человеку.

-- Миссис... гм... миссис Равенель... я... гм... я очень рад познакомиться с вами. Помнится, я видел вас как-то в ложе... в те-те-те... это слово почему-то никак не давалось ему, -- ...в те-театре. Я Чепин. Блосс Чепин. Зовите меня просто Блосс. Все зовут меня так. Да!

Он твердо решил довести до конца роль любезного хозяина и стал указывать изящным, хоть и не совсем уверенным движением на каждого из присутствующих поочередно.

-- Это Тантина... Фифи... Герти... Виолетта... Бланш... Миньона... Очаровательные создания!.. Да... Очаровательные!.. Перейдем, однако, к представителям сильного пола. Джорджи Скифф... Том Хеггерти... Маленький Билли... Мы так и называем его -- Маленький Билли... Очаровательный юноша, не правда ли?.. Дей Лансинг... Джерри Дарлинг... [*Darling -- дорогой, любимый (англ.)*] это его настоящее имя... Честное слово. Можете себе представить, как он должен нравиться женщинам. Леди и джентльмены! Перед вами миссис Гайлорд Равенель, супруга знаменитого эксперта по части фараона! Молодчику повезло и тут! Не сердитесь, сударыня!.. Я люблю говорить правду в глаза... Уж таков мой обычай. Завтра я женюсь. Прощай, веселая жизнь!

Раздались аплодисменты. Послышался звук настраиваемых мандолин и банджо.

-- Миссис Равенель должна произнести ответную речь! -- воскликнул болтливый молодой человек. -- Миссис Равенель должна произнести ответную речь! Просим!

И все -- Фифи, Виолетта, Билли, Герти, Джерри -- все хором подхватили: -- Просим! Просим!

-- Мы должны ехать домой, -- начал Равенель. -- К сожалению...

-- Садись! Заткните ему глотку! Хитрец Гай! Замолчи!

Равенель повернулся к Магнолии.

-- Поедем домой, -- сказал он.

Он положил руку на ее плечо. Она подняла голову и посмотрела на него. Глаза ее были печальны, но она продолжала улыбаться.

-- Нет. Мне хочется остаться, Гай.

-- Мы ждем ответной речи! -- кричали Тантина, Миньона, Дей, стуча вилками и ножами по тарелкам.

Магнолия невольно прижала руки к груди. Сердце ее сильно билось, но лицо было так спокойно, что никто не заметил этого.

-- Я... я не умею говорить речей, -- начала она тихо.

-- Просим! Просим!

Она взглянула на Равенеля. Ей стало немножко жаль его.

-- Но если кто-нибудь из вас даст мне банджо, я с удовольствием спою песенку.

Полдюжины банджо тотчас же было протянуто ей.

-- Магнолия!

-- Сядь, дорогой Гай! Не пытайся отговаривать меня. Я очень рада доставить удовольствие твоим друзьям.

Улыбка по-прежнему играла на ее губах.

-- Я спою вам одну песенку, которой меня научили негры. Я была тогда еще совсем ребенком и жила в плавучем театре, на реке Миссисипи.

Склонившись над банджо, она стала тихонько перебирать струны. Потом медленно откинула назад голову и начала ногой отбивать такт, длинные ресницы опустились. Она едва заметно раскачивалась -- точь-в-точь как раскачивался когда-то черный Джо.

-- Песенка называется "Как глубока была эта река!". Содержания в ней нет никакого. Негры поют ее обычно в то время...

Магнолия оборвала свое объяснение и начала петь:

"Как глубока..."

Когда она кончила, раздалось несколько вежливых аплодисментов.

-- Замечательно трогательно! -- заявила, громко сморкаясь, та из дам, которую Чепин назвал Виолеттой.

Мистер Том Хеггерти счел нужным высказать свое мнение.

-- Вы сказали, что это негритянская песня. Может быть, это действительно негритянская песня. Не смею спорить. Но таких негритянских песен я не слышал. А слышал я их очень много. "Отдай назад мои дары", "Однажды в жаркую погоду", "Освободи меня" и кучу других.

-- Спойте что-нибудь еще! Только не такое печальное! Ведь, ей-Богу, можно было подумать, что это не ресторан, а молитвенное собрание. Виолетта и то уже задумалась о своих грехах.

Уступая их просьбам, Магнолия спела другую песню -- "Господь даст всем своим детям крылья".

В то время как она пела, ее веселые слушатели качали головами и топали ногами в такт песне.

Господь даст всем своим детям крылья.

Надену крылья я и полечу на небо.

На Божье небо, небо, небо, небо...

Эта песня встретила больше сочувствия. Мистер Том Хеггерти начал размахивать руками, делая вид, что собирается улететь "на небо, небо, небо". Прямодушная Бланш отказалась участвовать в общем хоре одобрения.

-- Если вы хотите знать мое мнение, -- сказала она, надувшись, -- то я нахожу, что все эти песенки -- гадость.

-- Я тоже предпочла бы что-нибудь веселенькое, -- заметила девица, которую называли Фифи. -- Вы не знаете романса "Женись поскорее на ней"? Я слышала его в исполнении Мэй Айрвин. Замечательный романс.

-- Нет, -- ответила Магнолия. -- Я знаю только те песни, которые я спела вам.

Она встала.

-- Ну, нам пора.

Взгляд ее больших темных глаз остановился на красном лице жениха.

-- От души желаю вам счастья.

-- За здоровье Равенелей! За здоровье Гайлорда Равенеля! За ваше, миссис Равенель!

Она с улыбкой подняла бокал. Равенель нахмурился. Он густо покраснел и -- во второй раз за этот день -- вытер своим тончайшим носовым платком лоб и шею.

Они вышли на крыльцо. Компания Блисса Чепина вышла на веранду, чтобы проводить их. Магнолия легко вскочила в высокий шарабан.

Наступали сумерки. Воздух сильно посвежел, как, впрочем, это всегда бывает к осени в окрестностях озера Мичиган. Вздвогнув, Магнолия зябко закуталась в маленькую модную накидку. Под аккомпанемент банджо и мандолины стоящие на веранде запели песню, которую только что пела Магнолия. Огни ресторана ярко освещали веселые лица. Жалобно и нежно звучали женские и мужские голоса. Пели все -- и Джерри, и Герти, и маленький Билли.

Магнолия махала рукою веселой компании до тех пор, пока ресторан не скрылся за поворотом.

Молчание длилось добрых полчаса. Когда Равенель заговорил, голос его прозвучал очень смиренно:

-- Ты, должно быть, сердись на меня, Нолли?

Магнолия едва слышала его слова. Она думала: "Какой глупой девочкой была я до сих пор! Так нельзя. Я зрелая замужняя женщина. Должно быть, мама слишком долго держала меня в ежовых рукавицах. Вот я и сорвалась с цепи. Пора заняться Ким. Я была безумна. "Не говори глупостей, дорогая", -- дважды сказал мне Гай. Он был прав. Я вела себя..."

-- Что ты говоришь? -- переспросила она.

-- Ты отлично знаешь, что я хочу сказать. А я знаю, что ты собираешься прочесть мне нравоучение, вроде тех, которые так любила читать мне твоя мать. Начинай же! Отчитай меня как следует, и не будем вспоминать об этом.

-- Не говори глупостей, дорогой, -- сказала Магнолия. В ее голосе послышались лукавые нотки. -- Какая чудесная звездная ночь!

Она тихонько засмеялась:

-- Знаешь, все эти пухленькие Фифи, Тантины и Миньоны очень похожи на принарядившихся служанок какой-нибудь фермы на Огайо или Иллинойсе. Помнишь, их так много всегда бывало у нас, в плавучем театре. И я готова держать пари, что, когда эти бедняжки бегали босиком на родине, их называли не этими вычурными именами, а просто Энни, Дженни, Тилли и Эмми...

Глава шестнадцатая

-- Это часовня, -- сказала сестра Сесилия.

Одним из многочисленных ключей, висевших на связке у пояса, она открыла высокие темные двери. Трудно было объяснить, почему и от этих дверей, и от стен, выкрашенных масляной краской, и от чистого пола веяло таким мрачным унынием.

Сестра Сесилия первой вошла в часовню. Коридор, в котором они находились, казался Магнолии каким-то страшным туннелем. Все помещение производило на нее впечатление тюрьмы. Воспользовавшись тем, что сестра Сесилия не может их слышать, Магнолия наклонилась к Ким и вполголоса сказала ей:

-- Ким, деточка моя, я не оставлю тебя здесь. Если тебе не нравится все это, мы уйдем отсюда и никогда не вернемся. Здесь так мрачно!

-- Мне здесь очень нравится, мама! -- ответила девочка своим звонким и решительным голосом. -- Здесь так чисто и спокойно.

Как это ни странно, детское личико, все еще сохранявшее сходство с Равенелем, в эту минуту было удивительно похоже на строгое лицо бабушки, Партии Энн Хоукс.

Сестра Сесилия предложила войти в часовню. Магнолия слегка вздрагивала.

Когда Магнолия отдавала Ким в монастырский пансион, ей и в голову не приходило, что когда-нибудь в газете будет напечатано интервью со знаменитой актрисой, начинающееся словами: "Воспитание свое я получила у сестер-монахинь". Магнолия не допускала и мысли, что театр сыграет сколько-нибудь существенную роль в дальнейшей жизни Ким. В этом отношении она, несомненно, проявила недостаточную дальновидность. Самой судьбой Ким была предназначена для сценической деятельности. Все толкало ее на сцену: происхождение, среда, в которой она выросла, частые посещения театра. Не надо забывать, что в том возрасте, когда другим маленьким девочкам разрешается веселиться только на детских праздниках, куда они являются в белых муслиновых платьях с голубыми шелковыми кушачками, Ким уже отлично разбиралась в игре лучших драматических артистов своего времени, а на фокусников, вытаскивающих живых кроликов из будто бы пустой шляпы, она смотрела равнодушно и свысока.

В частных школах, имевших солидную репутацию, косо смотрели на вновь поступающих воспитанниц, родители которых, подобно чете Равенелей, занимали довольно неопределенное положение в обществе. Дочь профессионального игрока и бывшей актрисы плавучего театра встретила бы более чем холодный прием у мисс Динем, начальницы пансиона для благородных девиц на Гудзоне, как, впрочем, и у всякой другой начальницы. Монастырские же пансионы широко раскрывали свои мрачные двери перед всеми детьми. В чистых коридорах монастыря Святой Агаты, находившегося в южной части города, на Уобиаш-стрит, можно было встретить много девочек, которые, несмотря на туго заплетенные косички, синие форменные платья, хорошие манеры и набожное выражение лиц, поразительно напоминали всем известных особ, блиставших в кафе-шантанах на Кларк-стрит, Медисон-стрит или Дирборн-стрит. В приемные дни перед строгим кирпичным фасадом монастыря Святой Агаты выстраивался ряд элегантных экипажей, но дамы, выходившие из них были всегда одеты очень скромно. По самому поверхностному впечатлению было ясно, что их темные, простые платья

сделаны специально для данного случая и что обычно они одеваются совсем иначе. От них всегда сильно пахло духами.

Мысль о монастырском пансионе пришла в голову Магнолии. Когда она поделилась этим планом с Равенелем, он громко рассмеялся.

-- Впрочем, ее будут там хорошо кормить, -- согласился он. -- Вообще, говорят, в таких пансионах к детям относятся очень внимательно. Что ж! Она научится болтать по-французски и вышивать, приобретет хорошие манеры и, может быть, даже постигнет арифметику. Но не забудь, что в этих пансионах учатся дочери женщин легкого поведения.

-- Надо же ей учиться где-нибудь, Гай! Наш образ жизни совсем не годится для ребенка.

-- Что же ты скажешь в таком случае о собственном детстве? Или, может быть, ты считаешь, что вела правильный образ жизни в плавучем театре?

-- Во всяком случае, я жила гораздо спокойнее, чем живет Ким. Ложась в постель в моей маленькой комнатке на "Цветке Хлопка", я могла быть, по крайней мере, уверена, что в ней же и проснусь. А Ким частенько приходится засыпать на Кларк-стрит, а просыпаться на Мичиган-авеню. Она никогда не играет с детьми своего возраста. Зато рассыльных, горничных и лакеев она перевидала больше, чем любой путешественник. Она глубоко убеждена, что дети это нечто такое, в обмен на что можно получить некоторое количество конфет, и что дырявые чулки следует выбрасывать. Она не в состоянии решить самую простую арифметическую задачу. Вчера я застала ее на окне второго этажа плюющей на головы прохожих!

-- Она попала в кого-нибудь?

-- В этом нет ничего смешного, Гай.

-- Конечно, есть! Мне самому часто хотелось плюнуть кому-нибудь на голову.

-- И мне тоже. Но подумай о том, что будет с Ким лет через пять, и ты перестанешь смеяться.

Пансион Святой Агаты занимал половину громадного каменного здания. Парадная лестница его выходила прямо на улицу. Сзади к пансиону прилегал сад, окруженный со всех сторон толстой кирпичной стеной высотой в десять футов. Над входной дверью висела большая картина, изображающая патронессу монастыря. Казалось, сама Святая Агата, окруженная сонмом херувимов, критически рассматривала Магнолию и Ким, в то время как они поднимались по длинной широкой лестнице, ведущей к резным дверям. Магнолия была очень взволнована. Окна так ярко блестели на солнце! Ступеньки лестницы были так безукоризненно чисты! Раздавшийся звонок разнесся таким гулким эхом по бесконечным и таинственным коридорам. Двери распахнулись как будто сами по себе -- так бесшумно принято было ходить в этом доме! А когда двери были закрыты, Магнолии казалось, что они не могут открыться, что они никогда не откроются! В том, что они все-таки вновь распахнулись, а главное, в том, что это произошло совершенно неожиданно и беззвучно, было что-то волшебное. Большая передняя выглядела мрачно. Черная фигура, стоявшая

перед Магнолией, показалась ей не женщиной, а каким-то нереальным существом: у нее было странное лицо, как будто грубо и наспех вылепленное неумелой рукой.

-- Я хочу отдать мою девочку в ваш пансион.

К великому изумлению Магнолии, на лице этого странного существа появилась улыбка. И тотчас же нереальное существо утратило всю свою таинственность и превратилось в самую обыкновенную женщину средних лет, с добрым, хотя и маловыразительным лицом.

-- Пожалуйста сюда.

Они прошли в маленькую, темную комнату, где их встретило другое таинственное существо, которое, в свою очередь, проводило их в смежную, большую и залитую солнцем комнату. В ней восседало за письменным столом третье существо в черном, совершенно не похожее на двух первых. Это была женщина с полным румяным лицом. Из-под очков в золотой оправе блестели острые, пронизывающие голубые глаза. Голос у нее был глухой и низкий. Во всей осанке ее чувствовалась привычка повелевать. Мать-настоятельница немного напоминала Партию Энн Хоукс. "Силы небесные!" -- подумала Магнолия. Панический ужас охватил ее. Дрожащими пальцами она крепко сжала холодную маленькую ручку Ким. Из них двоих она, несомненно, была менее взрослой. Классы. Мастерские. Сестра такая-то. Сестра такая-то. Сад. Некрашенные деревянные скамейки. Дорожки, посыпанные гравием. Каменные статуи святых, окруженные цветниками. Святые. Ангелы. Апостолы. "Может быть, по ночам, когда блестящие окна окутывает черный мрак, когда, сложив руки крестом (непременно крестом!) на впалой груди и положив голову на самую середину жесткой подушки, существа в черном погружаются в сон; может быть, когда лунный свет заливают своими неверными лучами унылый монастырский сад и, словно по мановению волшебного жезла, превращает его во что-то загадочно манящее, -- может быть, тогда все эти каменные статуи, все эти ангелы и святые превращаются в нимф и дриад", -- думала Магнолия. И в то же время вслух она говорила:

-- Да, да... вижу... понимаю... Так это столовая?.. Понимаю... Молитва... семь часов... темно-синие платья... по четвергам от двух до пяти... рукоделие, музыка, рисование...

-- Это часовня, видите?

-- Да.

-- А это дортуар, в котором она будет спать со своими подругами.

-- Но она привыкла иметь отдельную комнату.

-- У нас нет отдельных комнат.

-- Да, да, конечно... Позвольте же представить вам ее. Ее зовут...

-- Ким, я знаю.

-- Дело в том, что это ее настоящее имя. Она родилась между Кентукки, Иллинойсом и Миссури... вот почему... Это дико звучит... но она так привыкла к своему имени. Мне нужно поговорить с нею... спросить, хочет ли она остаться здесь...

В саду, в классных помещениях, в коридорах, на лестнице им все время попадались навстречу девочки от десяти до шестнадцати и даже до восемнадцати лет (все в одинаковых синих платьях), искоса поглядывавшие на посторонних, Магнолии чудилось что-то недоброжелательное в их взглядах. Что-то враждебное притаилось во всех уголках, в нишах на лестнице, в холодных, выкрашенных масляной краской коридорах.

Подробно осмотрев все помещения, Магнолия и Ким вернулись в большую солнечную комнату на втором этаже. Румяная особа, похожая на миссис Хоукс, внимательно рассматривала их. Магнолия тесно прижалась к Ким. Казалось, не она привела с собой девочку, а девочка ее.

-- Но я же говорю тебе, что мне здесь нравится! -- с недоумением в голосе сказала Ким.

Магнолия с большим трудом удержалась от того, чтобы не крикнуть:

-- О нет! Не может быть, Ким!

Вместо этого она сказала:

-- Ты говоришь правду, Ким? Ведь я не собираюсь оставить тебя здесь, если тебе этого не хочется. Все будет так, как ты пожелаешь.

-- Мне хочется остаться здесь, -- произнесла девочка тем терпеливым тоном, каким говорят взрослые с непонятливыми детьми.

Неприятное чувство разочарования овладело Магнолией. Она смутно надеялась, что Ким затопает ногами, станет кататься по полу, будет умолять не оставлять ее в этом чистом, унылом, мрачном монастыре, захочет вернуться в очаровательно шумную гостиницу на Кларк-стрит. Она не могла отогнать мысль о том, что, отдавая дочь в монастырский пансион, где из нее сделают настоящую светскую барышню, она вместе с тем лишает ее чего-то яркого, красочного и ценного. Собственное детство всплыло в ее памяти. Глубокие реки. Широкие реки. Серо-зеленые ивы, низко склонившиеся над самой водой. Нежные цветы шиповника. Негры на пристанях. Тюки хлопка. Плантации. "Сю, если ты его любишь и он любит тебя, иди к нему. Но если он будет обращаться с тобой дурно, возвращайся ко мне... Помни, под этой домотканой синей блузой бьется верное сердце!.." "Леди и джентльмены, приходите смотреть великолепную драму..." Музыканты уже надели свои красные куртки. Медь духовых инструментов горит ярче, чем полуденное солнце...

Стальные голубые глаза на румянном лице, полузакрытом белым монашеским платком, поверх которого был надет клобук, насквозь пронизывали Магнолию.

-- Если вам, сударыня, почему-либо не угодно доверить нам свое дитя, мы предпочли бы...

-- О нет! -- поспешно воскликнула Магнолия. -- Я хочу, чтобы она воспитывалась у вас!

Они быстро сговорились. На следующей неделе. В понедельник. Столько-то белья. Такие-то вещи.

Спускаясь по длинной широкой лестнице, Магнолия чувствовала себя как школьница, вырвавшаяся на свободу.

-- До понедельника много времени! Надо повеселиться как следует. Чего ты хочешь?

-- В воскресенье утром... -- начала Ким весело. Магнолия сразу успокоилась. Ужасная мысль мелькала у нее в голове. Она подумала, что монастырский пансион успел уже наложить свою мрачную печать на душу серьезной девочки.

Ким вырвалась из губительного омуты блестящей жизни Чикаго как раз в то время, когда этой жизни суждено было претерпеть целый ряд преобразований. Перемена произошла с молниеносной быстротой. До сих пор жизнь в Чикаго можно было уподобить полной, веселой, говорливой великанше в духе Рабле, вырядившейся в красное шелковое платье, нацепившей на себя кучу драгоценностей и гордящейся тем, что двери ее дома открыты днем и ночью для всякого, кто пожелает повеселиться с ней. В этом доме вели сытую, пьяную и разгульную жизнь. Сильные руки великанши одинаково нежно обнимали владельцев ранчо из Монтаны, фермеров из Индианы и банкиров из Нью-Йорка. Болтливый Коулин, прозванный "Джоном из купален", и молчаливый маленький Хинки Динк Майк Кинни были, с одной стороны, членами городского правления, а с другой -- любимыми блудными сынами Чикаго. В "Аллее игроков" процветал фараон, игра шла непрерывно ночью и днем. Сам мэр частенько заходил в игорные дома, чтобы распить с приятелями бутылочку-другую и посмотреть на игру. Войдя в зал, где стояли зеленые столы, он добродушно говорил: "Надеюсь, вы все в выигрыше, ребята?", а иногда даже сам принимал участие в игре. Хетти Чилсон была признанной законодательницей мод в своем мире, и то обстоятельство, что этот мирок назывался полусветом, несколько не смущало веселых жителей Чикаго. Многочисленные ломбарды, ростовщики, кафе и игорные дома обслуживали Кларк-стрит и прилегающие к ней улицы. Владельцы ранчо с обветренными и загорелыми лицами, щеголяющие медвежьими куртками и сомбреро, были на Полк-стрит и Кларк-стрит таким же обычным явлением, как благородные джентльмены в сюртуках покроя принца Альберта. Все были равно дорогими гостями для Чикаго. "Игра в полном разгаре, господа! Игра в полном разгаре!"

Рассматривая в лорнетку свою западную кухню -- Чикаго, солидный Нью-Йорк хмурился и покачивал головой.

-- Какая грубая и вульгарная особа! -- сказал однажды Нью-Йорк.

-- Это я-то? -- воскликнула эта особа, небрежно счищая пятна еды и вина со своей широкой груди. -- Это я-то? Я докажу тебе, что я настоящая леди.

И вот все изменилось. Имена профессоров Чикагского университета стали появляться в списках кандидатов в члены городского управления. Серьезные молодые люди и барышни с записными книжками и стилографиями стучались в запертые двери частных домов и задавали самые интимные вопросы, объявляя при этом, что им поручено собирать сведения для "Охраны нравственности". Было сразу уничтожено несколько притонов на Кларк-стрит и Дирборн-стрит, а их владельцы подозрительно быстро исчезли куда-то. В городе начали возводить солидные здания для

всевозможных контор. Игроки принуждены были уступить место конторщикам. Щелканье счетов заглушило веселый шорох карт.

Наконец распространились слухи о том, что скоро закроются игорные дома Джеффа Хенкинса и Майка Макдональда и что скачек в Вашингтонском парке больше не будет.

-- Не может быть! -- сказал Гайлорд Равенель.

-- Очень даже может быть!

И действительно, вскоре двери заведений Хенкинса, Макдональда и других оказались заколоченными. В Чикаго почти не осталось игорных домов. Скоро закрылись и последние. Приходилось играть в тайных притонах, все время прислушиваясь, не раздастся ли предостерегающий стук в дверь.

Что же удивительного в том, что изящные сюртуки покроя принца Альберта стали изнашиваться на игроках, тонкое белье их начало рваться и почти все их драгоценности перешли к Липманам и Голдсмитам. Кольцо и котиковое манто Магнолии, казалось, и не собирались больше возвращаться к ней. Тросточка с набалдашником из слоновой кости превратилась в мертвый капитал. Магическая сила ее иссякла. Пребывание ее в доме больше не являлось доказательством благополучия. Прошли те времена, когда Голдсмит и Липман готовы были дать за нее Равенелю любую сумму. Частенько случалось, что даже завтраки в "Косом глазе" были ему не по карману. О Билли Бойле нечего было и думать. Те дни, когда Гайлорд бывал там, отмечались красным в его календаре.

По сравнению с теперешним бедственным положением прошлая жизнь Равенелей начала казаться им спокойной и даже монотонной. Они почти все время жили на Огайо-стрит или Онтарио-стрит. И когда Магнолия проходила мимо окон многочисленных городских и частных ломбардов, ей большей частью приходилось видеть не только чужие вещи, навевавшие на нее грустные размышления, но и свои собственные. Как хорошо, что Ким вовремя отдала в монастырский пансион! Там ей удобно, спокойно, уютно...

-- Я словно предчувствовала что-то, -- сказала она мужу. -- Меня все время мучила тревога за нее. Я так рада, что она не здесь. Когда я думаю о том, что она живет в приличных условиях и пользуется достаточным комфортом, на душе у меня становится как-то легче!

-- Вряд ли ей удастся остаться там, -- уныло ответил Равенель. -- Я окончательно сел на мель. Ты отлично знаешь это. Кроме всего прочего, мне чертовски не везло последнее время.

Глаза Магнолии широко раскрылись от ужаса:

-- Необходимо, чтобы она оставалась там, Гай! Мы обязаны сделать для этого все, что только в наших силах. Не мог ли бы ты заняться чем-нибудь? То есть не заняться... а может быть, ты попробуешь работать, как работают другие мужчины? Ведь ты такой способный. Может быть, тебе удалось бы найти какое-нибудь место... в банке... Я слышала, некоторые покупают какие-то бумаги... и муку... а потом перепродают их...

Равенель поцеловал ее.

-- Ты прелесть, Нолли, -- сказал он. -- Твоя наивность просто очаровательна.

Было нечто странное в той любви, которая связывала этих двух людей. Все зловещие предсказания Парти Энн сбылись одно за другим. Магнолия знала Гайлорда как свои пять пальцев. Она часто ненавидела его. Он часто ненавидел ее. Он ненавидел ее за то, что ее веселость, ее прямота, мужество и неизменная нежность нередко заставляли его краснеть за себя. Он изменял ей. Она отлично знала это, и он знал, что она знает. Но Магнолия принадлежала к числу тех, кто любит лишь один раз в жизни. Между ними бывали ужасные ссоры.

-- Ты связываешь меня по рукам и ногам.

-- Я? Видит Бог, без тебя я была бы гораздо счастливее. Ты не приносил мне в жизни ничего, кроме несчастья.

-- Как надоели мне эти вечные упреки! Терпеть не могу, когда ты принимаешь вид человека, оскорбленного в своих лучших чувствах!

-- Что за жизнь ты создал мне! Мне стыдно глядеть людям в глаза!

Обвинения. Горечь. Муки. Страсть.

Жизнь в малокомфортабельной, почти нищенской обстановке не улучшает человеческих отношений. Приходилось тут же, дома, стирать белье, готовить обед на газовой горелке. Одна комната. Одна кровать. Неважная пища. Упреки. Слезы. Рыдания. Смех. Объяснения. Примирения.

Да, несмотря на все, они горячо, нежно, страстно любили друг друга.

И вот, именно в те дни, когда дела Равенелей были из рук вон плохи, когда мать-настоятельница прислала вторичное напоминание о том, что надо же, наконец, уплатить за обучение Ким, когда они сильно задолжали за комнату на Онтарио-стрит, когда даже избалованный Гайлорд принужден был довольствоваться по утрам домашним кофе, когда, прогуливаясь по Кларк-стрит, он неизбежно встречал дюжину приятелей в костюмах, столь же потрепанных, как и его собственный, -- именно в эти печальные дни Партию Энн Хоукс осенила мысль посетить дочь, зятя и внуку. Письма свои она всегда посылала на гостиницу Шермена, не зная, конечно, что они блуждают иногда в поисках Магнолии несколько дней и находят ее далеко не всегда в помещении, которое можно было назвать приличным.

За время своего пребывания в Чикаго Магнолия два раза ездила с Ким в Фивы, конечно зимою, когда "Цветок Хлопка" находился на ремонте. Визиты к матери она приурочивала к тем периодам, когда финансовые дела ее мужа были хороши. И она и девочка приезжали к Парти разодетые в пух и прах, щеголяя шелковыми платьями, кружевами, перьями и мехами. Нельзя сказать, впрочем, что пребывание Магнолии и Ким в Фивах проходило вполне благополучно. В день приезда Магнолия всегда была полна самых благих намерений. В день отъезда она обычно уже не знала, какое из двух чувств сильнее говорит в ней -- бешенство или неудержимое желание рассмеяться.

-- В сущности, она ровно ничего не сделала мне, -- признавалась она потом Равенелю. -- Я, конечно, злюсь лишь потому, что она уж очень бесцеремонно обращается со мной.

Подумав несколько минут, она добавляла:

-- Я не встречала более тщеславной женщины.

Как это ни странно, Партинья и Ким тоже не ладили друг с другом. Магнолия понимала, что между ними есть большое сходство. И бабушка, и внучка обладали железной волей, неисчерпаемой жизненной силой, упрямством, предусмотрительностью и, что важнее всего, громадным честолюбием. Когда между ними происходили ссоры, они напоминали двух быков, в ярости упершихся друг в друга лбами и недвигающихся с места.

Оба раза Магнолия и Ким не выдерживали и недели в Фивах. Этот маленький городок производил зимою в высшей степени унылое впечатление. В холодной гостиной белого коттеджа висел большой портрет капитана Энди, написанный каким-то художником с маленькой фотографии, на которой Энди был снят в своей синей куртке, фуражке с козырьком и мешковатых старых брюках. Портрет был ужасен. Но как ни бездарен был художник, ему все же удалось схватить живое и немного лукавое выражение блестящих умных карих глаз маленького капитана. Зато бачки напоминали клочки грязной ваты, а щеки были нарумянены, как у накрашенной хористки. Но глаза смотрели с портрета как живые. Магнолия часто приходила в гостиную и подолгу стояла перед ним, улыбаясь отцу. Часто ходила она и на берег реки, чьи желтоватые воды, скованные теперь льдом, по-прежнему влекли ее к себе. Кутаясь в дорогие меха, стояла она на пристани, и взгляд ее больших глаз, уставших от вечного мелькания громадных серых зданий, унылых серых улиц и вечно бегущих куда-то серых людей, становился светлее и спокойнее. Ей мерещились залитые солнцем набережные южных городов, сонные южные деревушки... Каир, Мемфис, Уиксбург, Начез, Новый Орлеан -- Кинни, Джо, Элли, Шульци, Энди, Джули, Стив...

В первый же день по приезде она порывисто подвела Ким к самой воде. Ким река не понравилась.

-- Это и есть река? -- спросила она.

-- Ну да, детка! Почему ты задаешь мне такой вопрос? Конечно, это река!

-- Та самая, о которой ты рассказывала?

-- Та самая.

-- Она грязная и некрасивая. Ты говорила, что она прекрасна!

-- Неужели ты не находишь что она прекрасна, Ким?

-- Нет.

Магнолия показала ей портрет капитана Энди.

-- Это дедушка?

-- Да.

-- Капитан?

-- Да, деточка. Ты называла его так, когда была совсем маленькой. Ему очень нравилось это. Посмотри на его глаза, Ким! Не правда ли, хорошие глаза? Они улыбаются.

-- Какой он смешной! -- равнодушно заметила Ким.

Парти засыпала дочь вопросами:

-- Гостиница Шермена? Что это за гостиница? И почему вы все время живете в гостиницах? Что там хорошего? Видно, много у тебя денег, раз ты так легко швыряешься ими! Почему вы не обзавелись собственной квартирой, как это делают все порядочные люди?

-- Гай любит жить в гостиницах.

-- Ну и вкус! Это стоит, должно быть, уйму денег?

-- Да, -- согласилась Магнолия.

-- Интересно бы узнать, откуда вы их берете?

-- Гаю очень везет.

Партинья выразительно фыркнула.

Пользуясь отсутствием Магнолии, она расспрашивала девочку о жизни, которую ведут ее родители. Ким доверчиво рассказывала ей и об отеле Шермена, и о пансионе на Онтарио-стрит, и о меблированных комнатах. После разговоров с ней на суровом лице вдовы Хоукс можно было видеть выражение злобного удовлетворения.

И вот теперь Партинья Энн Хоукс намеревалась навестить дочь. Она никогда не была в Чикаго. О приезде своем она предупредила за две недели. Сезон кончился. Плавающий театр должен был встать на ремонт.

Парти писала, что остановится там же, где и они, -- в гостинице Шермена, если, впрочем, там не чересчур дорого. Разумеется, платить за нее не придется. Она вовсе не желает быть обязанной кому бы то ни было. Собирается она пробыть в Чикаго недельку, может быть, две, а может быть, и больше, как вздумается. Ей хочется повидать все: Биржу, Оперный театр, Линкольн-парк.

-- Господи! -- произнес Гайлорд Равенель, словно в самом деле призывая помощь свыше. -- Господи!

Охваченные ужасом, Магнолия и Гай безмолвно смотрели друг на друга. Им было не до смеха. Вся обстановка, в которой они жили, свидетельствовала о полном разорении. О том разорении, неизбежность которого предсказывала Партинья и наступление которого должно было наполнить торжеством ее сердце.

Письмо Парти Энн застало Равенелей в убогой комнате на Онтарио-стрит. Дела их были так плохи, что Магнолии с большим трудом удавалось покупать подарки Ким. Приходить же в монастырскую приемную с пустыми руками и лишать себя той радости, которая охватывала ее, когда она видела удовольствие на лице дочери, было слишком тяжело. Правда, подарки эти были последнее время очень скромные: какой-нибудь торт (необходимо было угощать подруг), какая-нибудь книжка, несколько билетов на особенно интересный утренний спектакль, иногда цветы для матери-наставницы. Между тем приближалось Рождество. Ким не сомневалась в том, что она проведет его с родителями. Как устроить это?

Нельзя же взять девочку в эту конуру! К тому же перед каникулами необходимо было внести плату за обучение. Конечно, Равенели уже не первый раз находились в затруднительном материальном положении. "Все устроится!" -- утешали они друг друга, подбадривая себя тем, что в прошлые разы все действительно как-то устраивалось. "Счастье приходит иногда совершенно неожиданно". "Судьба любит подразнить человека". Говоря подобные фразы, они понимали, что теперь их положение было несколько иным, чем прежде. Мир, в котором жил Гайлорд Равенель, рухнул. С этим приходилось считаться. И Парти! Парти! Было от чего прийти в ужас! Им грозил позор окончательного поражения.

-- Надо достать денег! -- сказала Магнолия.

-- Под залог чего?

-- Без всякого залога. Я думала не о ростовщиках. Ведь можно же взять в долг у каких-то знакомых. У друзей. Все это люди...

-- Какие люди?

-- Ну... эти... там...

Магнолия всегда делала вид, что не знает, с кем и как проводит время ее муж. Она никогда не употребляла выражений "Игорный дом", "Аллея игроков" У нее не хватало мужества признать открыто, что он ходит туда ежедневно и что игра является для него единственным источником существования.

-- Одним словом, те люди, с которыми ты был столько лет в приятельских отношениях.

-- Все они сами уже пытались занять у меня.

-- Но Майк Макдональд... Хенкинс... Варнель.

Магнолия отбросила в сторону притворство.

-- Это богатые люди. Сколько тысяч долларов прошли через их руки! Им достались все те деньги, которые мы привезли с собой в Чикаго. Неужели они не согласились бы вернуть тебе хоть часть их?

Вместо того чтобы рассердиться, Равенель пришел в хорошее настроение, стал громко хохотать, как хохотал всегда, когда Магнолия демонстрировала свою невероятную наивность. В такие минуты его охватывала щемящая нежность к ней, ему хотелось приласкать ее, как ребенка, только что удивившего взрослых неожиданной и забавной выходкой. Подойдя к жене, Гай стал целовать ее затылок, наклонился к румяным губам. Она оттолкнула его, не понимая, как он может вести себя так во время разговора, который она считала исключительно серьезным.

-- Ты бесподобна, Нолли! Если бы ты только знала, какая ты прелесть. В целом мире нет женщины, похожей на тебя!

Он снова залился смехом:

-- Вернуть деньги! Макдональд! Это могло прийти в голову только тебе.

-- Чему ты радуешься? Разве ты не понимаешь, как все это серьезно?

-- Понимаю. Мы в отчаянном положении. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы она приехала сюда и увидела, как мы живем. Мы должны найти какой-нибудь выход... Что, если нам уехать, Нолли? В Чикаго все так переменялось. Что нам делать тут? Мне надоел этот город.

-- Прежде всего, у нас нет денег, на которые мы могли бы уехать. А потом... ты забываешь о Ким. Она учится здесь и будет учиться здесь, даже если бы мне пришлось ради этого...

-- Что пришлось бы?

-- Обратиться за помощью к маме.

Слова ее прозвучали злобно. Равенель пришел в бешенство:

-- Ну ее к... Я бывал и не в таких положениях, Нолли, но мне всегда удавалось выпутаться из них.

Наступило молчание. Равенель глубоко задумался. Невидящий взгляд его блуждал по жалкой рухляди, которой было обставлено их убогое жилище. Магнолия сидевшая напротив него и шившая платье для Ким, вдруг опустила руки на колени. Ей стало страшно. Она угадала, что муж ее где-то далеко, что он думает о чем-то ей неведомом, что его нет в этой комнате так же, как если бы его унес какой-нибудь волшебник, что она для него перестала существовать. Он совершенно ушел в себя. На лице его не было, наконец, обычной маски.

Магнолия молча смотрела на него -- человека, против брака с которым так восставала Парти Энн. Ему было уже около сорока лет, а между тем его лицо все еще было лицом юноши, а не мужчины. Несвежая кожа, начинающаяся проседь, несколько морщинок около глаз, что-то неуловимо усталое в движениях -- все это, казалось, говорило о зрелости. Но мужественности в нем все-таки не чувствовалось... Это был спортсмен, а не боец. Но ведь прежде, в юности, он был бойцом. Она вспомнила пастора, с которым он так сурово расправился, невежественного, глупого пастора, твердо уверенного в том, что все актеры осуждены на вечные муки. Впрочем, едва ли расправу с пастором можно было считать подвигом. Но в упорной борьбе своей с миссис Хоукс Гай, несомненно, проявил силу. Правда, с тех пор прошло много времени. Жизнь которую он вел, изнежила и развратила его. Роскошная мягкая мебель. Изысканная пища. Кларк-стрит. Он стал слабым человеком. Какой бесхарактерный рот! Почему это случилось? Двенадцать лет тому назад он не был слабым... Он все еще был красив. В лице его ощущалась какая-то жестокость. Можно ли быть жестоким и в то же время слабым? О чем он думает сейчас так напряженно? Такое лицо у него бывает только тогда, когда он крепко спит. Магнолии даже стыдно стало, что она так пристально рассматривает его, как было бы стыдно, если бы она потихоньку подглядывала за кем-нибудь.

И вдруг на этом лице появилось выражение решимости. Он встал, надел свою потрепанную шляпу и взял в руки трость с набалдашником из слоновой кости. Было десять часов вечера. В этот день он обедал в каком-то плохом ресторане, находящемся поблизости от их дома. За обедом Равенель почти ничего не ел, разглядывая блюда, которые ставили перед ним, с веселым видом человека, уверенного в том, что его угощают такой пакостью по ошибке и что слуга не замедлит заменить дешевые блюда лучшими.

Магнолия никогда не спрашивала Гайлорда, куда он идет. Но взгляд, который она бросила на него, был на этот раз так выразителен, что он счел необходимым как-нибудь ответить на ее безмолвный вопрос:

-- Потерпи немного, дорогая! Я нашел выход.

-- Какой, Гай?

-- Есть один человек, которому я не раз оказывал услуги. Она должна помочь мне.

Он думал вслух.

-- Она?

-- Не все ли равно?

-- Она, Гай?

-- Разве я сказал "она"? Но все равно! Я попытаюсь.

Он вышел.

За эти годы Магнолия привыкла никогда не спрашивать, откуда у Гая появляются деньги, и никогда не жаловаться на отсутствие их. Они часто обсуждали вместе вопрос о том, где бы им достать несколько долларов. Они часто брали в долг и часто давали в долг. Все это было в порядке вещей. Все это вполне соответствовало веселой, беспечной, беззаботной жизни одним днем, которую они вели в Чикаго. Но жизнь эта изменилась. Изменился и Чикаго. Собственно говоря, от прежнего Чикаго не осталось и следа. На его месте появился другой -- холодный, строгий, чинный город.

Конечно, Магнолия вполне освоилась с денежными кризисами. Но все же она была достаточно умна, чтобы понять, что на этот раз это был не кризис, а, действительно, катастрофа.

"Надо выпутаться!" -- сказал Гай. Но как? Выхода, по-видимому, не было. Люди, у которых он мог прежде взять займы, находились теперь в таком же плачевном положении, как и он. Источники их существования иссякли. Все игорные дома были закрыты. "Есть один человек, которому я не раз оказывал услуги когда-то. Она должна помочь мне..." Страшное подозрение мелькнуло у Магнолии. Оно было до такой степени ужасно и неприглядно, что она попыталась отогнать его. Но подозрение это уже не желало уходить. Магнолии казалось, что она видит недобрый оскал чьего-то рта, нашептывающего отвратительные вещи.

Она снова взялась за шитье, стараясь сосредоточить свои мысли на Ким. Девочка уже спит. В большом монастыре на Уобиаш-стрит царит холодное безмолвие. Французский язык, рукоделие, хорошие манеры, рисование, белые монашеские платки, синие платья, длинные темные коридоры, бледные лица, желтые восковые свечи, статуи святых, по ночам превращающиеся в фавнов... Вдруг раздается какой-то стук. То один из святых уронил свои четки на холодный блестящий пол... И это вовсе не четки... Это якорь "Цветка Хлопка".

Магнолия проснулась. Ее разбудили ножницы, соскользнувшие на пол с колен. Лицо ее было заплакано. Она выпрямилась, вздрогнула и снова взялась за шитье. Должно быть, уже поздно. Магнолия привыкла бодрствовать до двенадцати, до часу, до двух. Но сейчас, конечно, еще позже (ее золотых часиков, которые обычно лежали на комод, давно уже

нет). Об этом говорили ей густой мрак за окном, тишина комнаты, зловещее молчание грязных стен. Дешевенькие часы, стоявшие на полке, остановились. Стрелки на них показывали двадцать минут третьего. Нет, двадцать одну минуту третьего. Она сама не знала, зачем ей понадобилась такая точность.

Перед самым рассветом пришел Равенель. За окном уже стало слегка сереть. Магнолия не узнала его легкой походки. Он стал зажигать лампу. Но еще прежде, чем свет ее упал на его лицо, Магнолия скорее угадала, чем увидела непривычное для нее выражение его глаз. Впервые за их совместную жизнь Гайлорд Равенель был пьян.

Магнолия села в кровати, взяла платок, лежавший у нее в ногах, и зябким движением набросила его на плечи. Равенель держал себя с большим достоинством, даже чуть-чуть торжественно. Он слегка покачивался, взгляд его был мутен.

-- Выпутался! -- сказал он, как бы продолжая разговор, начатый в девять часов вечера. Он аккуратно поставил в угол тросточку с набалдашником из слоновой кости, скинул пальто, сюртук, не забыв снять шляпу. Это показалось Магнолии просто диким, тем более что обычно он раздевался и одевался в высшей степени тщательно. Слегка покачиваясь, он вынул из кармана туго набитый бумажник и бросил его на кровать. Рука его немного дрожала.

-- Сосчитай! -- сказал он резко. -- Десять бумажек по сто долларов каждая и еще десять бумажек по сто долларов каждая. Итого двадцать. Всякий, кто скажет, что я ошибаюсь, -- лжец. Две тысячи долларов. Не б... будете ли вы так добры сосчитать их, миссис Равенель? Надеюсь, -- у него был важный и вполне деловой тон, -- надеюсь, я сосчитал п... правильно.

Кутаясь в платок, Магнолия Равенель смотрела, словно зачарованная, на маленький кожаный бумажник. Но все-таки она не дотронулась до него.

-- Две тысячи долларов? -- спросила она.

-- Н... надеюсь, я сосчит...тал п-правильно...

Речь Гайлорда становилась все менее внятной.

-- Откуда они у тебя, Гай?

-- Не все ли равно? Я выпутался!

С некоторым усилием Гайлорд расстегнул жилет. Он безостановочно зевал. У него был вид человека, который тяжким трудом заработал право на отдых.

Магнолия пристально смотрела на мужа. Лицо ее напоминало в эту минуту рисунок, сделанный тушью: белые щеки, громадные глаза, черные волосы.

-- Ты взял эти деньги у Хетти Чилсон?

Гай не снял, а сорвал с себя воротничок. У него был оскорбленный вид. Не рассерженный, а именно оскорбленный.

-- Как ты можешь говорить такие вещи, Магнолия! У милой старой Хетти я взял только одну тысячу. Ни цента больше. Потом я пошел к Шиди и выиграл тысячу. Мне адски повезло. Ведь там рулетка! Я не спец... ц... циалист по этой части. Не л... люблю рулетку. Др...ругое дело фараон!

Ар...ристократическая игра! Т...тысячу у Хетти... другую на рулетке... выиграл... Т...тысячу... Тис...

Он упал на кровать.

Заснул Гай сразу, тяжелым, глубоким сном. Его изящная голова лежала на самом краю подушки. Став на колени, Магнолия попробовала устроить его удобнее. После некоторых усилий это удалось. Она укрыла его одеялом. Потом снова закуталась в платок и словно застыла, пристально глядя на туго набитый бумажник. Взошло солнце. В комнату медленно вползла серая мгла рассвета. Нужно было потушить лампу. Магнолия встала. Взяла в руки бумажник. Перед тем как выключить газ, она старательно отсчитала десять бумажек по сто долларов. Тысяча долларов. Она прикоснулась к ним очень осторожно, немного брезгливо. Легкая гримаса отвращения искривила ее рот. Отсчитанную тысячу она положила на комод. Бумажник с оставшимися деньгами сунула под подушку. Равенель не пошевелился. Погасив Лампу, Магнолия вернулась к кровати и надела стоявшие рядом с ней туфли. Потом вынула из комода чистую белую блузку, а с вешалки, покрытой белой простыней, сняла юбку и жакетик. Она согрела воду, вымылась, причесалась, оделась, положила шляпу на комод, потом уселась в единственное более или менее удобное кресло -- грязное, продавленное кресло, красная бархатная обивка которого говорила о лучших временах -- и стала ждать. Ей даже удалось немного вздремнуть. Безжалостный утренний свет падал ей прямо в лицо. Магнолия проснулась около полудня. День был пасмурный и слегка туманный, как, впрочем, почти всегда в Чикаго. Она внимательно посмотрела на Гайлорда. Тот все еще спал. Он казался таким юным, беспомощным, невинным, жалким. Магнолия снова сварила кофе и большими, жадными глотками выпила его. Поставив на место чашку, она надела жакетик и шляпу, положила в сумочку тысячу долларов и посмотрела в зеркало.

-- Как плохо я выгляжу, -- подумала она равнодушно.

Неопрятная хозяйка, стоявшая у подъезда, вытряхивала половики прямо на улицу, как будто считая своим долгом внести личную лепту в уличную грязь Чикаго.

-- Что заставило вас подняться в такую рань, миссис Равенель? Дело или безделье?

Собственная шутка показалась ей, очевидно, очень удачной.

-- Дело, -- ответила Магнолия.

Глава семнадцатая

Красный кирпичный дом, охраняемый каменными львами, показался Магнолии зловещим. Тяжелой пеленой нависла над ним привычная мгла Чикаго. Ступени подъезда казались осевшими. Даже у львов был какой-то жалкий вид. Освещенное бледными лучами солнца, преломлявшимися в густом тумане, здание это производило впечатление рябой, морщинистой, злой колдуньи, сидящей на корточках посреди рыночной площади и вспоминающей о лучших днях.

Была уже половина первого. Дойдя до дома Хетти Чилсон, Магнолия Равенель почувствовала внезапно, что мужество покидает ее, и быстро прошла мимо. Она так сильно волновалась, что сама не заметила, как очутилась в южной части города. Случайно нащупав в сумочке пачку кредиток, Магнолия опомнилась и твердо решила привести в исполнение задуманное. Она открыла сумочку, посмотрела на деньги, повернулась и быстрым шагом пошла обратно к дому. На этот раз она не колеблясь позвонила у входной двери. Дожидаясь, пока ей откроют, она разглядывала чисто вымытые ступени и старалась не замечать мурашек, пробежавших у нее по спине. Колени ее дрожали. В любой момент ее мог увидеть какой-нибудь знакомый. Ее, Магнолию Равенель, у дверей знаменитой Хетти Чилсон! Ну так что ж! Все это вздор! Она позвонила вторично.

Негр в белоснежной куртке открыл ей дверь. Почему-то -- Магнолия сама не знала почему -- печальные глаза негра успокаивающе подействовали на нее. Теперь она знала, как себя держать.

-- Мое имя -- миссис Равенель. Мне надо поговорить с Хетти Чилсон.

-- Миссис Чилсон занята, сударыня, -- сказал негр, как бы отвечая затверженный урок. Но, по-видимому, вид бледной, хорошо одетой, серьезной дамы все-таки произвел на него впечатление. За последнее время ему не раз приходилось иметь дело с подобными дамами, которые на его заявление, что миссис Чилсон занята, показывали ему какие-то удостоверения и настойчиво требовали, чтобы их пропустили.

-- Вы из "Охраны нравственности"?

Не поняв, что он, собственно, хочет сказать этим, Магнолия отрицательно покачала головой. Негр сделал вид, что собирается закрыть дверь. Но Магнолия недаром прожила столько лет на юге.

-- Не смейте закрывать дверь! Мне надо видеть Хетти Чилсон!

Властный тон подействовал.

-- Что вам угодно?

Магнолия совершенно овладела собой. Ведь это не обычный жилой дом, а "заведение".

-- Скажите вашей хозяйке, что с ней желает говорить миссис Равенель. Скажите, что я пришла возратить принадлежащую ей тысячу долларов.

Она открыла сумочку и показала негру пачку кредиток. Он вытаращил глаза:

-- Хорошо, сударыня. Я скажу ей. Войдите, сударыня.

Магнолия вошла в дом Хетти Чилсон. Она была испугана, колени слегка дрожали. Крепко сжимая в руках сумочку, она с любопытством осматривалась по сторонам. Стены вестибюля были обиты красной парчой, пол -- сплошь устлан коврами. Высокая лампа у самой лестницы освещала уютное помещение мягким розовым светом. На подоконниках красовались громадные севрские вазы. Точно такие же вестибюли были в особняках богатых купцов на Прэри-авеню или на набережной. В вестибюле было очень тихо. Иногда доносился стук открываемой или закрываемой двери, пахло кофе.

Наконец на лестнице показалась Хетти Чилсон, высокая, полная, внушительная особа в черном шелковом платье с белой отделкой. Казалось, что-то мешало ей двигаться быстро и легко. Одной рукой Хетти все время держалась за перила. Магнолия нашла, что она очень постарела за последние десять лет, не могло быть сомнений в том, что она страдает каким-то тяжелым недугом.

-- Что вам угодно? -- спросила Хетти Чилсон.

Ее умные глаза в упор смотрели на посетительницу.

Слуга-негр бесшумно двигался по вестибюлю.

-- Вы миссис Равенель?

-- Да.

-- Чем могу служить?

Магнолия чувствовала себя школьницей, которую экзаменует строгая, но доброжелательная учительница. Она открыла сумочку, достала пачку кредиток и протянула ее Хетти. Щеки ее пылали.

-- Вот деньги, -- пробормотала она. -- Деньги, которые вы дали нам... моему мужу.

Хетти Чилсон посмотрела на пачку кредиток.

-- Я не давала ему денег. Я только одолжила их ему. Он сказал, что вернет. Я поверила. Имя Равенеля -- достаточная гарантия.

Магнолия поднесла к руке Хетти Чилсон пачку кредиток, взяла эту руку и всунула в нее деньги почти насильно.

-- Мы не хотим этих денег.

-- Не хотите? Зачем же он приходил тогда просить их? Ведь у меня не банк, откуда в любой момент можно брать деньги и куда их можно возвращать когда заблагорассудится.

-- Извините, пожалуйста. Он не знал... Я не могу... Мы не можем... я не могу взять эти деньги.

Хетти Чилсон посмотрела на пачку кредиток, приняла деловой вид и вооружилась очками.

-- Так вот вы какая!

Она дважды пересчитала деньги:

-- А ваш муж знает о том, что вы пошли ко мне?

Магнолия ничего не ответила. Держалась она с большим достоинством, но чувствовала себя очень глупо. Деловой вид Хетти Чилсон особенно подчеркивал некоторую мелодраматичность поступка Магнолии.

Хетти подозвала негра в белой куртке.

-- Моисей, пришли сюда Джули. Скажи, чтобы она захватила с собой блокнот и перо.

Негр бросился бегом по устланной ковром лестнице.

Послышались голоса, стук в дверь. Хетти повернулась к Магнолии:

-- Я сейчас дам вам расписку. В случае чего, вы покажете ее мужу.

С этими словами она подошла к лестнице и остановилась там, глядя вверх. Магнолия невольно подняла глаза в том же направлении. На верхней площадке лестницы показалась стройная женская фигура. На ней было черное шелковое платье с белым воротничком, скромное и

приличное. В полумраке вестибюля трудно было разглядеть ее лицо. Магнолия обратила внимание на то, что волосы у женщины почти совсем седые. На мгновение она задержалась у самой лампы, разговаривая с Хетти Чилсон. Лицо у нее было очень бледное, почти белое, с желтоватым отливом слоновой кости, похожее на лицо покойника. В белых волосах мелькали черные пряди. Она была очень худа. Мертвенная бледность лица как-то особенно подчеркивала черноту ее глаз. Магнолия не могла оторвать от нее взгляда. Эта женщина с потухшим взором, занимавшая, по-видимому, положение секретарши или компаньонки, показалась ей знакомой. Может быть, она видела ее где-нибудь в театре или на скачках? В памяти смутно мелькало что-то, так и не доходившее до сознания.

-- Напишите расписку в получении тысячи долларов от миссис Гайлорд Равенель. Р-а-в-е-н-е-л-ь. Так. Давайте, я подпишу. Извините, -- сказала она, обращаясь к Магнолии. -- Мне нужно попасть в банк не позже двух. Джули, отдайте миссис Равенель расписку. И как можно скорее проходите наверх.

Хетти стала подниматься по лестнице. Своеобразным достоинством дышала отяжелевшая фигура этой странной женщины. Магнолия смотрела ей вслед. Хетти Чилсон все время опиралась о перила. Руки у нее были тонкие и красивые. Почти старуха, согнувшаяся под бременем лет и грехов. Магнолия чувствовала себя рядом с нею очень глупой.

Секретарша оторвала листок от блокнота, подошла к Магнолии и протянула расписку.

-- Тысяча долларов, -- сказала она.

У нее был глубокий, звучный голос.

-- Проверьте, пожалуйста.

Магнолия взяла расписку. Не отдавая себе отчета в том, что с ней происходит, она ощутила дрожь во всем теле. Бумажка выпала из ее рук. Обе женщины нагнулись одновременно, выпрямились и невольно улыбнулись друг другу. Но внезапно улыбка на лице секретарши превратилась в гримасу ужаса. Каждая черта бледного лица исказилась немим отчаянием. Потухшие глаза расширились. Рот искривился. В течение одного короткого мгновения, показавшегося им вечностью, обе женщины пристально смотрели друг на друга. Потом секретарша опустила глаза, бросилась к лестнице и исчезла, точно призрак. Магнолия вскрикнула и сделала несколько шагов вперед:

-- Джули! Джули! Не уходите!

Собственный голос показался ей незнакомым.

Тотчас же откуда-то появился Моисей.

-- Выход здесь, сударыня, -- почтительно сказал он, распахивая перед нею двери. Магнолия вышла.

Спускаясь по ступенькам, она уже не видела каменных львов, охраняющих красный дом, не видела желтого зимнего солнца. Слезы застилали ей глаза. Прохожие, сновавшие взад и вперед по Кларк-стрит, не обращали на нее внимания. Мало ли в Чикаго плачущих женщин! Но если бы даже кто-нибудь вздумал остановить ее, спросить, что с нею, или

предложить ей свою помощь, она не нашлась бы что ответить. Ведь не могла же она сказать: "Мне показалось, что я видела призрак женщины, которую я знала, когда была совсем маленькой... Был ясный летний день... я влезла на калитку... Белый домик в маленьком городке... Она прошла мимо... на ней было черное платье с треном... вуаль на ее шляпе развевалась по ветру... и вот я видела ее только что... нет, должно быть, мне это померещилось. Не может быть! Не может быть!"

Магнолия постаралась овладеть собой. Она вытерла слезы, опустила вуальку. Ей так нужны были силы! Ведь так много еще предстояло сделать в этот день. У нее было такое чувство, что с момента возвращения Равенеля прошла целая вечность. Спать Магнолии не хотелось. Просто она устала, как еще никогда не уставала в жизни. Все случившееся казалось ей далеким и туманным, отодвинутым в прошлое. Она подумала, что следует поесть. Ведь утром она выпила только чашку черного кофе и почти ничего не ела накануне.

В кошельке осталось немного мелочи, Магнолия открыла сумочку, посмотрела расписку, подумала о том, какой твердый и деловой почерк у Хетти Чилсон, и стала считать: двадцать пять -- тридцать пять -- сорок, пятьдесят -- семьдесят три цента. Целое состояние! Зайдя в кафе на Гаррисон-стрит, она съела бутерброд и выпила две чашки кофе. Самочувствие сразу улучшилось. Магнолия внимательно осмотрела себя в зеркало. Бледное лицо, следы слез, слегка распухший нос, выбившиеся из-под шляпы волосы. Где-то она читала -- или слышала, -- что у человека, ищущего работу, должны быть прежде всего чистые башмаки. Осторожно, стараясь, чтобы никто не увидел, Магнолия вытерла ботинки о чулки, как это делала, когда была маленькой.

Ей пришлось в голову зайти в дамскую комнату в одном из больших магазинов и там привести себя в порядок. Чище всего было у Филда. Она быстро направилась туда.

В большой комнате, уставленной зеркалами, было много женщин. Там было тепло, светло, пахло пудрой, мылом и духами. Магнолия сняла шляпу, вымыла лицо, причесалась, напудрилась. После этого она перестала чувствовать резкую разницу между собой и всеми этими спокойными, беззаботно щебечущими женщинами -- женами конторщиков, лавочников, рабочих. Чтобы поправить вуалетку, Магнолия подошла к зеркалу, у которого стояла другая женщина. Они невольно смотрели друг на друга. "Интересно знать, -- думала Магнолия, -- какое у нее сделалось бы лицо, если бы я сказала, что была актрисой плавучего театра, что мой отец утонул в Миссисипи, что мать моя, шестидесятилетняя старуха, ведет совершенно самостоятельно большое театральное дело, что мой муж -- профессиональный игрок, что мы нищие, что я только что была в одном из самых шикарных публичных домов Чикаго, куда ходила, чтобы возвратить тысячу долларов, которые муж мой взял у хозяйки этого дома, и что сейчас я хочу попытаться получить работу в каком-нибудь театре". Мысль об этом показалась ей такой забавной, что она улыбнулась. Заметив эту улыбку, ее

предполагаемая собеседница с видом оскорбленного достоинства отошла от зеркала.

В то время в Чикаго было очень мало театральных бюро, а те немногие, что были, пользовались неважной репутацией. Магнолия не знала, где они помещаются, но предполагала, что их следует искать на Кларк-стрит, Медисон-стрит или Рандольф-стрит. Театральный опыт подсказал ей, что на эти бюро рассчитывать, в сущности, не приходится. Она часто слышала от Равенеля о театрах варьете на Стейт-стрит, Кларк-стрит и Медисон-стрит. Слово "водевиль" только что входило в моду. Вместе с мужем Магнолия побывала однажды в варьете Кола и Миддлтона: скромный, пропитанный табачным дымом, но все-таки уютный театр на Кларк-стрит, где входная плата была не выше десяти центов. Это было еще во время их первого пребывания в Чикаго, до рождения Ким. Дамы редко ходили в такого рода театры, но Равенель почему-то решил познакомить Магнолию с варьете. У Кола и Миддлтона работали хорошие актеры: Вебер и Фильге играли у них за пятнадцать долларов в неделю, часто выступал забавный ирландец Эдли Фой, пела и танцевала Мэй Говард.

-- Со временем этот жанр войдет в моду. Для варьете будут возводиться прекрасные и дорогие здания, -- предсказывал Равенель.

То, что увидела Магнолия, напоминало концертное отделение, которое давалось после спектакля на "Цветке Хлопка".

-- Целый вечер таких пустяков! -- сказала она.

Однако в скором времени предсказания Равенеля сбылись.

-- Вот видишь! -- торжествующе воскликнул он. -- Что я тебе говорил! Многие из артистов варьете зарабатывают триста, четыреста долларов в неделю, а может быть, и того больше.

Публика увлекалась семьей жонглеров Эгоуст, которые жонглировали тарелками, стульями, зажженными лампами, любезно передавали друг другу по воздуху столы, сервированные для обеда. Джесси Бартлет Дэвис прославилась своими сентиментальными песенками о любви.

Театры-варьете большей частью помещались во втором этаже. В первом этаже обычно находился ночной ресторан с открытой сценой, на которой выступали с песенками и танцами не только профессионалы, но и любители. Театры-варьете охотно посещала золотая молодежь Чикаго. Лучшим среди них считался театр-варьете Джоппера на улице Уобиаш, устроенный по образу лондонского "Критериона". Из ресторана, расположенного в первом этаже, мраморные ступени лестницы вели вниз, в подвальное помещение, где был устроен зрительный зал. Ходили слухи, что Лилиан Руссель начала у него свою карьеру.

В этот-то театр и направилась Магнолия. Вид у нее был деловой и озабоченный, вполне, впрочем, приличествующий женщине, твердо решившей найти заработок. Было уже довольно поздно. Быстро надвигались декабрьские сумерки. Над улицами навис густой туман с Мичиган-озера. Смущение Магнолии перед домом Хетти Чилсон было ничто в сравнении с тем страхом, который она испытывала теперь. Она чувствовала себя совершенно обессиленной как физически, так и

морально. Нервный подъем, поддерживавший ее утром, исчез. Она старалась подбодрить себя мыслью о Ким, находившейся в пансионе, и о Парти, которая должна была приехать.

Дойдя до Уобиаш-стрит, Магнолия твердо решила побороть свое малодушие. Ей было ясно, что если она пройдет мимо, то никогда уже не найдет в себе мужества вернуться назад. Не раз проезжала она мимо этого театра во время своих прогулок с Равенелем. Теперь театр был в двух шагах от нее. Собрав всю свою волю и подтянувшись, как солдат на параде, Магнолия вошла в подъезд.

Ресторан был пуст. Белые скатерти на столиках выделялись на сером фоне. Желтоватый свет падал на ступени лестницы, ведущей в подвал. Оттуда раздавались звуки рояля. Магнолия спустилась по широким мраморным ступеням, колени у нее дрожали, и ей казалось, что ее тело как бы перестало существовать -- ни костей, ни кожи, ни мускулов.

Магнолия увидела фойе, устланное красным ковром, окошечко кассы, зрительный зал, двери которого были открыты настежь. Она прислонилась к этим дверям и заглянула в темный зал: там чернели длинные ряды пустых стульев; на сцене, из-за наполовину поднятого занавеса, были видны аляповатые декорации. Увидев все это, Магнолия сразу стала спокойнее и увереннее. У нее было такое чувство, словно она вернулась домой. Все это было так знакомо. Эти бритые мужчины в шляпах на затылках, вытянувшие ноги на стулья следующего ряда, так похожи на Шульци, Фрэнка, Ральфа, Минса. По-видимому, что-то репетировали. Один из мужчин нещадно барабанил по роялю и пел. Голос его по своей резкости и немзыкальности напоминал пронзительный звук паровой сирены. Магнолия догадалась, что он поет негритянскую песню.

Она решила подождать и понаблюдать. Посреди сцены, на простой деревянной табуретке, сидел худощавый и бледный молодой человек без сюртука, в измятой рубашке и сером цилиндре. Когда певец кончил свой номер, молодой человек повернулся к нему:

-- Вы утверждаете, что работали у Геверлея?

-- Да! Спросите Джима. Спросите Мэма. Кого угодно спросите.

-- Ну так попробуйте опять устроиться там! Или вы ничего не смыслите в пении, или я ничего не смыслю в театральном деле. Больше никого нет, Джо?

С этим вопросом он обратился к высокому, толстому широкоплечему субъекту, круглая голова которого виднелась в третьем ряду партера. Толстый субъект встал, потянулся, зевнул и издал утвердительное мычание.

Магнолия быстро подошла к сцене и посмотрела на худощавого молодого человека, который в свою очередь посмотрел на нее.

-- Не согласитесь ли вы прослушать меня? -- спросила она.

-- Кто вы такая? -- в свою очередь спросил молодой человек.

-- Мое имя -- Магнолия Равенель.

-- Ваше имя ничего не говорит мне. Что вы поете?

-- Негритянские песни под аккомпанемент банджо.

-- Ладно! -- сказал молодой человек, по-видимому примирившись со своей горькой участью. -- Выкладывайте ваше банджо и пойте.

-- Я не взяла его с собой.

-- Кого его?

-- Банджо.

-- Так вы же сами сказали, что поете под банджо.

-- Да. Только я не взяла его с собой. Не найдется ли у вас банджо?

По правде говоря, до этой минуты она и не подумала о банджо. Только что потерпевший фиаско безголосый певец, надевавший в эту минуту потрепанное пальто, неожиданно выказал себя рыцарем. Взяв с рояля свое банджо, он протянул его Магнолии.

-- Пойте на здоровье, голубушка!

Магнолия остановилась в нерешительности.

-- Идите сюда, -- сказал толстяк, показывая большим пальцем на проход за крайней ложей.

Магнолия быстро прошла на сцену. Она чувствовала себя спокойно и непринужденно, совсем как дома. Усевшись на один из многочисленных стульев, она привычным движением положила ногу на ногу.

-- Снимите шляпу! -- скомандовал молодой человек.

Она сняла шляпу и вуалетку. Актеры с любопытством рассматривали худенькую молодую женщину с бледным лицом, большими глазами, в прекрасно сшитом костюме, совсем не похожую на актрису. Магнолия стала тихонько перебирать струны. В ее памяти всплыло нечто давно прошедшее и вместе с тем совсем недавнее, слова, произнесенные много лет тому назад женщиной, которую она видела в последний раз в то утро. "Когда вырастешь большая, не улыбайся слишком часто. Но всякий раз, когда ты будешь сильно желать..."

Магнолия улыбнулась. На худощавого молодого человека это, однако, произвело мало впечатления. Откинув голову назад, как учил ее когда-то Джо, полузакрыв глаза и отбивая правой ногой такт, она начала петь, стараясь передать как можно лучше негритянскую манеру пения. Голос ее стал нежным и немного глухим, как голоса негров, которых она слышала так часто на пароходах, на пристанях и в селеньях.

-- Еще! -- сказал молодой человек.

Тогда она спела ту песню, которая ей нравилась больше всего.

Глухой, унылый, мелодичный голос. Мерное постукивание ногой. Полузакрытые глаза.

Молчание.

-- Вы называете эти песенки негритянскими? -- спросил молодой человек в сером цилиндре.

-- Да. Этим песням я научилась на юге, от негров.

-- Во всяком случае, они напоминают церковные гимны.

Он помолчал. Его бесцветные, острые глаза в упор смотрели на нее:

-- Вы негритянка?

Краска залила щеки, лоб, даже шею Магнолии.

-- Нет, -- ответила она.

-- Но вы поете так, что вас свободно можно принять за негритянку. Что-то в голосе... в манере петь... Правда, Джо?

-- Правда, -- согласился Джо.

Молодой человек в сером цилиндре казался смущенным. Несколько лет спустя Ким встречалась с ним в Нью-Йорке. Он сделался одним из самых видных театральных деятелей своего времени. Познакомившись с Ким, он сказал: "Равенель? Я знал вашу мать. Она была гораздо красивее, чем вы. В ней было столько изящества! Однажды она пришла ко мне со своими негритянскими песенками. Я принял их за церковные гимны и забраковал. А теперь они вошли в моду. Нет театра на Бродвее, где бы их не пели. Они так приелись, что хоть в церковь от них беги!"

Благодаря этому гибкому, чуткому и в своей области знающему человеку, Магнолии удалось впоследствии попасть на сцену. Он не особенно понимал и не особенно любил негритянские народные песни, но что-то в самой певице заинтересовало его. Через год с небольшим он устроил Магнолию в довольно большой театр, и имя ее стало появляться на афишах рядом с именем Сисси Лофтус, Маршала Уилдера и Четырех Коганов.

Но это все случилось через год. А пока что она стояла перед чужими людьми, которые бесцеремонно смотрели на нее. Румянец на ее щеках сменился мертвенной бледностью. Не говоря ни слова, она вернула безголосому певцу его банджо, надела шляпу, прикрепила вуалетку.

-- Подождите, голубушка! Я совсем не хотел обидеть вас, -- воскликнул молодой человек без сюртука. -- Просто голос ваш похож на... ведь, правда Джо?

Искренне расстроенный, он снова обратился за поддержкой к своему неразговорчивому приятелю, сидевшему в третьем ряду.

-- Правда! -- подтвердил Джо.

Забракованный певец, одолживший Магнолии свое банджо, собрался уходить. По-видимому, он вовсе не считал себя оскорбленным. Магнолия решила последовать его примеру. Она снова улыбнулась. И на этот раз улыбнулась своей настоящей улыбкой, той, о которой потом так много писалось в газетах.

И на этот раз ее улыбка произвела впечатление.

-- Посмотри-ка на нее, Джо! -- воскликнул молодой человек в сером цилиндре. Это было не слишком вежливо, может быть, но лестно.

Он подошел к Магнолии:

-- Послушайте, голубушка. С вашими песенками далеко не уедешь. Они слишком похожи на церковные гимны, понимаете? Что-то в них есть слишком похоронное! Но ваша манера петь мне все-таки нравится. Спойте мне лучше какую-нибудь веселую негритянскую песенку. "Алло, мой бэби!" или что-нибудь в этом роде.

-- Я не знаю других. Я знаю только эти песни.

-- Жаль! Ну так выучите несколько модных песен и приходите ко мне через неделю. Вот, возьмите! Разучите их хорошенько.

Он отобрал несколько нот, лежавших на рояле, и дал ей. Магнолия покорно взяла их.

И вот сырая, холодная мгла улицы опять обступила ее. Было уже почти темно. Выйдя на Стейт-стрит, она села в омнибус и поехала домой. Дверь ее комнаты в третьем этаже была закрыта. Открыв ее, Магнолия убедилась в том, что комната пуста. Как-то особенно пуста. Покинута. Еще до того, как она зажгла лампу ее охватило холодное отчаяние. Взгляд ее упал прежде всего на комод. Магнолия окинула взглядом комнату и увидела на комодке письмо. На конверте изящным почерком Равенеля было написано ее имя.

"Магнолия, дорогая, я уезжаю на несколько недель... вернусь после отъезда твоей матери... или попрошу приехать тебя... Шестьдесят долларов в нижнем ящике, под бельем... Ким... пансион... хватит... на несколько недель... Люблю... лучше... всегда..."

Ей не суждено было его больше увидеть.

Должно быть, рассудок Магнолии был немного помрачен в этот вечер. По крайней мере, она сделала то, чего не сделала бы ни одна нормальная женщина в ее положении. Она еще раз перечитала записку вслух. Потом подошла к комоду и выдвинула нижний ящик. Шестьдесят долларов. Да. Шестьдесят долларов. Может быть, эти деньги тоже принадлежат той женщине? Все равно, больше она туда не пойдет. Даже если это так -- все равно больше она туда не пойдет.

Магнолия вышла из комнаты, не погасив лампу и даже не закрыв за собой дверь, пошла вниз по Кларк-стрит и вошла в контору одного из частных ломбардов. Хозяин узнал ее.

-- Добрый вечер, миссис Равенель! Чем могу служить?

-- Банджо.

-- Что?

-- Я хочу купить банджо.

Магнолия долго торговалась. Когда хозяин, наконец, уступил ей, она протянула ему бумажку в десять долларов. Лицо его вытянулось.

-- О миссис Равенель, ведь я уступил вам только потому...

-- Если вам это не выгодно, я пойду в другое место.

Прижимая к своей груди банджо, Магнолия поспешно вернулась домой. Оставшиеся пятьдесят долларов валялись на комодке. Дверь в комнату была открыта настежь. Да, конечно, сознание ее было не вполне ясным. Прошло много-много лет, прежде чем она могла спокойно рассказывать обо всех страшных нелепых событиях этого дня, начавшегося в четыре часа утра и окончившегося в двенадцать часов ночи. Этот занимательный и трагический рассказ очень нравился знакомым Ким.

Магнолия сняла жакетик и шляпу, открыла ноты, которые дал ей молодой человек в сером цилиндре, и, прислонив их к ветхому комоду, стала играть. Правая нога ее мерно отбивала такт. Прошел час. Два часа.

Вдруг раздался стук в дверь. Пришла хозяйка.

-- Миссис Равенель, нижняя жилища жалуется, что вы ей мешаете спать. Она нездорова. Она говорит что стучала вам, но вы не...

-- Я больше не буду. Я не слышала ее стука. Извините.
-- По мне, хоть всю ночь играйте!
Хозяйка прислонилась к дверям. Вид у нее был самый приветливый.
-- Я безумно люблю музыку. Я не знала, что вы играете и поете.
-- Как же! -- ответила Магнолия. -- Играю и пою!

Глава восемнадцатая

-- Я получила воспитание, -- начала Ким Равенель, внимательно разглядывая себя в зеркало и поспешно накладывая несколько мазков кармина на каждое ухо, -- я получила воспитание в Чикаго, у сестер-монахинь, в монастыре Святой Агаты.

Она рассмеялась, отлично зная, что ответит ей театральный критик, интервьюирующий ее прямо в уборной, между вторым и третьим действием "Иголок и Булавок". В этой комедии она играет с октября, но на сцене уже два года. Даже самый блестящий театральный критик едва ли мог бы написать об ее игре что-нибудь такое, что еще не было бы написано. Свою начальную фразу о монастыре Ким произнесла очень лукавым тоном и, не менее лукаво блестя глазами, ожидала реплики, которая, действительно, не замедлила последовать.

-- О, ради Бога, мисс Равенель! Что за ребячество!

-- Честное слово, я воспитывалась в монастыре! Ничего не могу поделывать! Спросите мою мать. Спросите моего мужа! Спросите кого хотите. Я воспитывалась у сестер-монахинь в мон...

-- Бросьте! Всякий человек, читающий газеты, давно уже знает эту сказку! Неужели вы не понимаете, что все эти монастыри вышли из моды еще тогда, когда миссис Сиддонс ходила в коротеньких платьях! Ну, будьте же умницей! Кауфман хочет, чтобы в воскресном номере появилась хорошая статья о вас.

-- Я к вашим услугам. Но в таком случае задавайте мне вопросы.

Ким пододвинулась ближе к большому зеркалу, в граненых краях которого играли янтарно-желтые искорки отраженного света.

Взяв заячью лапку, она стала гримироваться. Движения ее были нервны, ибо до поднятия занавеса оставалось четыре минуты.

Хотя Магнолия Равенель уже много лет жила в Нью-Йорке, она все еще не могла примириться с некоторыми особенностями театральной жизни большого города.

-- Что это все критики вздумали писать пьесы? -- с неудовольствием говорила она. -- А все актеры -- читать лекции о всевозможных направлениях современной драмы? Однажды вам удалось затянуть меня на такую лекцию. Я проскучала весь вечер. Право, в мое время все было гораздо лучше. Каждый занимался своим делом. И к тому же не было этой непристойной саморекламы!

Зять ее, Кеннет Камерон, написавший несколько вполне современных пьес, ласково журил ее за нетерпимость.

-- Как вам не стыдно, Нолли! У такого театрального аса, как вы, не должно быть таких устарелых взглядов! Вы ведь знаете, что даже Ким приходится иногда заниматься саморекламой.

-- На "Цветке Хлопка" все было проще и лучше. Музыканты шли на главную улицу города, в котором мы останавливались, и, добравшись до ближайшего угла, давали концерт. Папа говорил речь и раздавал всем желающим программы. Против такой рекламы возразить нечего.

Публика знала о Ким Равенель почти все. Театральный критик знал все решительно. Когда он заговорил снова, в тоне его чувствовалась глубокая горечь.

-- Прекрасно, дорогая моя! Нечего сказать, материал для образцовой статьи! Впервые выступала в Чикаго. Училась в нью-йоркской театральной школе. Была подающей надежды ученицей. Любимицей преподавателей. Блестяще дебютировала в небольшой роли. Родилась в Кентукки, Иллинойсе и Миссури одновременно -- объясните мне когда-нибудь, ради Бога, как это произошло? -- и потому получила имя Ким. Мать ее, бывшая актриса плавучего театра, сделалась впоследствии известной исполнительницей негритянских песен. Скажите, кстати, где она сейчас? Какая великолепная женщина! Я восторгаюсь ею. Ведь в юности я был равнодушен к ней, знаете? Нет, серьезно. Глаза ее снились мне по ночам. В ней есть что-то общее с Сарой Бернар и Дузе. Вы немного похожи на нее!

-- О сэр! -- с благодарной улыбкой прошептала Ким.

-- Да. Это большой комплимент! -- продолжал критик. -- А какая у нее улыбка! Боже! Когда мне случается встретиться с нею, я делаю все, чтобы заставить ее улыбнуться. Она считает меня, кажется, бездушным человеком. А между тем я, ей-Богу, способен на самоубийство и, клянусь, готов был бы...

-- Послушайте, молодой человек! Ради кого вы, собственно говоря, пришли сюда -- ради меня или ради моей матери?

-- Она здесь?

-- Нет. Она пошла вместе с Кеном смотреть последнюю пьесу Шоу.

-- В таком случае я займусь вами.

-- Любезность за любезность, сэр. Больше вы от меня не добьетесь интервью. Мод Адамс, миссис Фиси и Дузе отказывались принимать критиков. Они были правы. Все ваши газетные статьи ужасно безлики. Довольно болтовни. Да здравствует таинственность! Публика и так уже считает себя слишком хорошо осведомленной о жизни актеров!

-- Что в этом плохого? -- кисло отозвался театральный критик.

Раздался троекратный стук в дверь.

-- Занавес! -- в ужасе воскликнула Ким.

Можно было подумать, что это ее первое выступление. Она в последний раз посмотрелась в зеркало.

В этот момент в уборную вошла девушка-мулатка в черном шелковом платье, в чепчике и туго накрахмаленном белом переднике. У нее был такой корректный вид, что ее свободно можно было принять не за

настоящую горничную, а за актрису, собирающуюся выступить в роли горничной.

-- Занавес, Бланш?

-- Еще полминуты, мисс Равенель. Вам телеграмма.

Она подала Ким желтый листок.

Когда Ким ознакомилась с содержанием телеграммы, на лице ее появилось такое выражение, что театральный критик счел нужным спросить:

-- Надеюсь, ничего неприятного?

Ким тотчас же протянула ему желтый листок.

-- Тут, очевидно, ошибка, -- сказала она. -- Ее звали не Партия, а Партия.

Критик прочел:

"Миссис Партия Э. Хоукс скоропостижно скончалась восемь часов вечера Цветок Хлопка Кольд-Саринг Теннесси соболезнования Барнато".

-- Хоукс?

-- Это моя бабушка.

-- Позвольте выразить вам... Если я могу...

-- Я не видела ее очень давно. Она была уже совсем старая. Восемьдесят. Впрочем, точно не помню. На реках она пользовалась большой популярностью. Очень своеобразная личность! Владелица и администраторша плавучего театра "Цветок Хлопка". Между нею и моими родителями были, в сущности, забавные отношения. В своем роде замечательная женщина. Я боюсь за маму.

-- Занавес, мисс Равенель!

Она быстро пошла к дверям.

-- Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? Может быть, вызвать вашу мать?

-- Она и Кен приедут сюда через полчаса. Не стоит.

Ким поспешно направилась к выходу на сцену. Критик последовал за ней:

-- Я не хотел бы быть неделикатным, мисс Равенель. Но ведь это очень интересно... ваша бабушка... восемьдесят лет... вы сами понимаете...

-- Хорошо, -- бросила она ему через плечо. -- Поговорите с Кеном.

Ким постояла несколько секунд не двигаясь, чтобы окончательно прийти в себя. Потом исчезла. И еще через несколько секунд со сцены донесся ее приятный голос. Она играла американку, вышедшую замуж за англичанина. Критик отчетливо расслышал первые слова третьего действия:

-- Меня тошнит от этих английских завтраков! Угощать почками в девять часов утра! Только англичанам это и может прийти в голову!

В сотый раз играя эту роль, Ким все время упорно думала о том, что тотчас по возвращении в уборную должна спрятать телеграмму под баночку с вазелином или за зеркало. Только бы Магнолия не вздумала уйти из театра до окончания спектакля! Ее нужно подготовить. Вид каждой телеграммы приводит ее в ужас. Это вполне понятно. Ведь о смерти Гайлорда Равенеля в Сан-Франциско ей сообщили по телеграфу. Гайлорд

Равенель... Какое красивое имя! И какой это был пустой и вместе с тем очаровательный человек.

Занавес. Аплодисменты. Занавес. Аплодисменты. Занавес. Аплодисменты.

Ким вернулась в уборную, сняла грим и стала переодеваться. Она очень спешила. К тому моменту, когда в дверях уборной появились Магнолия и Кен, она была совершенно готова.

Магнолия и Кен вернулись в прекрасном расположении духа. Еще за дверями Ким слышала веселый голос мужа:

-- Я пожелаю на вас дочке, Нолли! Вот увидите!

-- Пожалуйста! Виноват он!

Ким посмотрела на них. И почему это они оба так веселы сегодня? Авторы драматических пьес вставляют иногда в свои произведения комические сценки, чтобы ярче оттенить трагические места... Да, конечно, содержание этой телеграммы в достаточной мере трагическое...

В течение Долгих лет Ким Равенель всячески оберегала и баловала мать. Магнолия говорила об этом с некоторым неудовольствием.

В тот момент на ее оживленное лицо падал яркий свет. На щеках играл румянец. Красивый меховой воротник придавал особую прелесть изящной головке Магнолии. Черное платье с большим вырезом оттеняло молочно-белую грудь и шею. У нее все еще было красивое тело. Рисунок черных бровей был безупречен. Совершенно белая прядь горделиво серебрилась в густых черных волосах. Несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, эта женщина производила впечатление красавицы. Рядом с ней ее элегантный зять казался невзрачным.

-- Как вам понравилась пьеса? -- спросила Ким смутно надеясь на то, что настроение матери изменится.

-- Спектакль хороший, -- сказал Камерон. -- Впрочем, Лунт был не в ударе. Миссис Фонтан все время пускала пыль в глаза. Старик Шоу, говоря между нами, малость устарел. Уэстлей нещадно орал. Постановка, действительно, удачная! Но что спектакль! К сожалению, должен сообщить вам, дорогая миссис Камерон, что ваша мамаша вела себя совершенно неприлично.

"Ну, так нельзя", -- подумала Ким, всецело занятая телеграммой. Она обняла мать за талию.

-- Отпускаю тебе твои грехи, -- сказала она, -- только поцелуй меня.

-- Ты не знаешь, что она натворила!

-- Все равно!

-- Во всем виноват Уолкот, -- заявила Магнолия закуривая папиросу. -- Я надеялась что сотрудник большой нью-йоркской газеты отнесется с уважением к...

Камерон стал рассказывать о происшедшем.

-- Случайно мы оказались рядом. Нолли сидела между нами. Ты ведь знаешь, что во время сильных сцен она имеет обыкновение хватать за руку своих соседей.

-- В последний раз, когда я была в театре с Уолкотом, он предупредил, что ударит меня по руке, если я еще раз...

Камерон опять перебил ее:

-- Во время второго акта она, разумеется, ошиблась адресом и схватила за руку не меня, а Уолкота. А он возьми да и хлопни ее по руке...

-- Он не только хлопнул! Он ущипнул меня!

-- А Нолли так толкнула его за это локтем в живот, что он чуть не потерял сознание. Что делать с такой тещей!

-- Mamочка! Дорогая! На премьере!

-- Во всем виноват он! И к тому же вы меня очень плохо воспитали!

Усталость внезапно овладела Магнолией. У нее было такое чувство, словно она сама играла в этот вечер, а теперь спектакль кончился, и нервное напряжение спало. Она поднялась с кресла.

-- Сходите за таксомотором, Кен. Я поеду домой. Мне что-то нездоровится. Вы еще, должно быть, поедете к Суопсам, не правда ли? И наверное, вернетесь не раньше трех?

-- Я никуда не поеду, -- сказала Ким. -- Помолчи Кен.

Она подошла к Магнолии.

-- Я только что получила телеграмму.

-- Мама?

Это слово вырвалось у Магнолии совсем по-детски.

-- Да.

-- Где телеграмма?

Ким указала пальцем на туалет:

-- Там. Дай ее сюда, Кен. Она под ящиком с гримом.

-- Умерла? -- спросила Магнолия, еще не прочитав телеграммы.

-- Да.

Она прочла. От того веселого настроения, в котором она вошла в уборную Ким десять минут тому назад, не осталось и следа. Лицо Магнолии сразу осунулось и постарело.

-- Теннесси... Путеводитель... дайте мне путеводитель.

-- Подожди до завтра, мама!

-- Нет, Ким, я знаю, что должен быть ночной поезд на Сент-Луис или Мемфис. И оттуда утренний на Теннесси.

-- С тобой поедет Кен.

-- Нет! -- резко ответила Магнолия. -- Нет!

Она настояла на своем и, несмотря на все протесты Ким и Кена, уехала в ту же ночь.

-- Если вы будете нужны мне милый Кен, я дам вам телеграмму. Там и без вас достаточно народу. Многие из актеров работали с ней десять -- пятнадцать лет.

Чтобы попасть в глухой городок, потребовалось несколько пересадок. Небольшие поезда с разговорчивыми кондукторами и пассажирами, костюмы и повадки которых казались ей прежде обыкновенными, теперь вызывали невольную улыбку. Долгое, трудное, утомительное

путешествие. Маленькие станции, на которых долгими часами приходилось ждать пересадки.

С каждой милей уносилась она все дальше и дальше от Нью-Йорка и той жизни, которую вела там все эти годы. Песчаная почва юга. Маленькие глухие деревушки. Некрашенные деревянные хижины, сделавшиеся от времени и непогоды такими же черными как и лица негров, стоящих на их порогах. При виде первых апрельских подснежников сердце Магнолии учащенно забилося. Она была точно во сне. Жизнь с Равенелем в Чикаго, годы разлуки с ним, предшествовавшие его смерти, то время, когда она пользовалась таким успехом в Чикаго, -- все эти годы были как будто вычеркнуты из ее памяти. Всем своим существом она была тут. Она никогда не расставалась с этой жизнью. Там, в плавучем театре, она найдет всех -- Джули, Стива, Уинди, Дока, Парти Энн, Шульци. Конечно, они все еще там. Это настоящее. Это реальность. А остальное -- призрачно. Все призрачно. Майк Макдональд, Хенкинс, Хетти Чилсон, пестрое общество Чикаго и маленький блестящий кружок в Нью-Йорке, в котором она вела себя так непринужденно, а чувствовала себя такой связанной.

Магнолия была очень утомлена. Ее слегка клонило ко сну. Ведь всю прошлую ночь она почти не спала. Смерть матери оказалась для нее более тяжким ударом, чем она могла предположить. Магнолия не думала, что будет так страдать. Пропасть между нею и миссис Хоукс становилась все шире и шире с каждым годом, а с того дня, когда властная старуха появилась в Чикаго и узнала об отъезде красивого и элегантного мужа своей дочери, пропасть эта стала настолько велика, что нечего было пытаться перекинуть через нее мостик. Партия Энн Хоукс не удержалась в тот день от торжествующего "а что я тебе говорила!". Это восклицание было каплей, переполнившей чашу.

Магнолия беспокоилась о том, как доберется до Кольд-Саринга: насколько ей было известно, железная дорога туда не доходила. Но когда она вышла на последней станции, оказалось, что там ее поджидает небольшая кучка людей. Один из них тотчас же подошел к ней. Это был Барнато, кассир и суфлер, сменивший Дока.

-- Как вы узнали меня?

К ее великому изумлению, он ответил:

-- Вы очень похожи на свою мать.

И прежде, чем она успела сказать ему что-нибудь, он добавил:

-- К тому же Элли сказала мне, что это вы.

К ней подбежала бойкая старушка, похожая на старенькую фарфоровую куклу. Щеки ее были нарумянены, глаза блестели, кожа напоминала высохший пергамент, на голове ее красовалась совершенно невероятная шляпа.

-- Вы не узнаете меня, Нолли? -- спросила она, забавно надувшись.

Магнолия смотрела на нее, пораженная.

-- Я Элли Чиплей... Ленора Лавери, -- обиженно прощепетала старушка.

-- Не может быть! -- воскликнула Магнолия.

Миссис Чиплей совсем разобиделась:

-- Почему это не может быть? Последние десять лет я служу на "Цветке Хлопка". Ваша матушка поместила в газетах объявление о том, что в ее театр требуется режиссер. Муж мой откликнулся на это объявление и...

-- Ваш муж?

-- Вы думаете -- Шульци? Нет, милочка, Шульци я похоронила двадцать два года тому назад, в Дугласе. Клайд!

Она быстро обернулась:

-- Клайд!

Муж подошел к Магнолии. Это был робкий седеющий мужчина лет пятидесяти, на добрых два десятка моложе самой Элли.

-- Познакомьтесь, пожалуйста. Это мой муж, мистер Клайд Мелхоп. А это Нолли, миссис Равенель. Ведь так? Я ведь все еще не могу освоиться с мыслью, что вы были замужем и что ваша дочь -- знаменитость. Последний раз я вас видела еще совсем ребенком. Ну и удивилась же ваша матушка, узнав, что дражайшая половина ее нового режиссера -- ее старая знакомая. Не могу сказать, что она приняла меня очень любезно. Сначала не хотела даже впустить меня в свой театр. А потом была очень даже рада, что заманила меня к себе!

Необходимо было каким-нибудь образом остановить этот поток красноречия. Магнолия встретила сочувственный взгляд Барнато.

-- Полагаю вы совершенно измучены, миссис Равенель. Но все-таки если вы дадите себе труд дойти до кареты. -- Он указал на экипаж, стоявший недалеко от маленькой станции.

Магнолия сделала несколько шагов по направлению к экипажу, внушительность которого несколько удивила ее.

-- Это ваш экипаж? Как это любезно с вашей стороны! Я много думала о том, как мне доехать до...

-- Нет, сударыня. Это не мой экипаж. Это экипаж вашей матери, то есть ваш, я хотел сказать.

Он помог ей усесться рядом с Элли, а сам вместе с Мельхопом взобрался на козлы. Перед тем как закрыть дверцу, Барнато наклонился к Магнолии:

-- Я полагал, что вы захотите проехать прямо к... что вы захотите как можно скорее пройти к гробу вашей матери. Она в часовне. Я исполнил все распоряжения, данные мне по телеграфу вашим зятем. Но, может быть, вам угодно заехать сначала в гостиницу? Я заказал для вас лучший номер. Очень недурная комната. Завтра утром мы возем... мы отправляемся десятичасовым поездом в Фивы.

-- Зачем мне гостиница? -- воскликнула Магнолия. -- Я хочу ночевать в плавучем театре. Я хочу ехать прямо туда.

-- Езды по крайней мере три четверти часа, даже на этих лошадях.

-- Я знаю. Все равно! Я хочу попасть туда как можно скорее!

-- Ваше желание будет исполнено.

Главная улица маленького городка сильно изменилась. На тех местах, где в дни юности Магнолии стояли телеги и повозки фермеров, выстроились теперь целые ряды автомобилей. Открылось много новых магазинов. Они проехали мимо нескольких кинематографов. В окнах книжных лавок

красовались последние издания. А Магнолия-то думала, что все осталось по-старому!

Наконец они приехали. У часовни собралась целая толпа. Внутри оказалось такое множество народа, что невозможно было пройти. Но Барнато и его спутнику все почтительно уступали дорогу.

-- Что это? -- прошептала Магнолия -- Что это за люди? Что случилось?

-- Ваша матушка была знаменитостью в здешних краях, миссис Равенель. Нет уголка на реках, где бы ее не знали. Я вырезал для вас все статьи, появившиеся в газетах после ее смерти.

-- Вы хотите сказать, что все эти люди вся эта толпа собралась здесь для того, чтобы...

-- Да, сударыня. Надеюсь, вы ничего не имеете против? Мне бы так не хотелось причинить вам неприятность.

У Магнолии закружилась голова.

-- Я бы хотела остаться одна.

На Партинье Энн Хоукс было надето ее лучшее черное шелковое платье. Густые черные брови на суровом старческом лице были слегка приподняты, придавая ему несколько удивленное и недовольное выражение. Очевидно, она и смерти не уступила без боя. Глядя на строгие восковые черты, на худые руки, в невольной покорности скрещенные на груди, Магнолия ясно видела, каким возмущением дышит это даже в смерти беспокойное лицо. "Что? Я хозяйка тут! Как вы смеете так обращаться со мною? Я Партинья Энн Хоукс! Смерть? Какой вздор! Может быть, другим она действительно страшна. Но не мне!"

Выйдя из часовни, они поехали к пристани. Элли Чиплей рассказывала о том, как умерла миссис Хоукс:

-- Ровно в семь часов вечера, -- ну, может быть, пять минут восьмого, -- она стала причесываться перед маленьким зеркалом. Последние годы мы с Клайдом занимали комнатку рядом. Мне часто приходилось оказывать ей кое-какие услуги. Не то чтобы она ослабела или что-нибудь в этом роде, о нет! Просто ей иногда нравилось чтобы с нею возился кто-нибудь помоложе ее самой.

Эти слова Элли произнесла с гордым сознанием того, что ей семьдесят лет: совсем девочка по сравнению с восьмидесятилетней покойной Парти Энн.

-- Ну так вот... Я была в своей комнате и уже собиралась гримироваться к спектаклю, как вдруг услышала сперва какие-то странные звуки, а потом невнятные крики "Элли! Элли!", удар, и, наконец, шум грузно падающего тела.

Магнолия с изумлением почувствовала, что все лицо ее залито слезами. Она плакала не от душевной боли, а от восхищения, охватившего ее при мысли, что мощная душа ее матери угадала присутствие врага, неожиданно подкравшегося к ней и нанесшего ей удар сзади.

-- Полно! Полно! -- повторяла Элли Чиплей, довольная тем, что ее рассказ заставил, наконец, расплакаться эту красивую сдержанную женщину. -- Полно! Полно!

Она погладила руку Магнолии:

-- Посмотрите, дорогая! Вот наш театр! Как странно видеть его неосвященным!

С каким-то трепетом в душе всматривалась Магнолия в темноту. Неужели и театр изменился до неузнаваемости? Что-то большое, белое и длинное виднелось на черной воде. "Цветок Хлопка" стал как будто больше. Но остался таким же. Подъехав ближе, Магнолия увидела громадные черные буквы на белом фоне:

"ЦВЕТОК ХЛОПКА"

Плавучий театр Партии Энн Хоукс

Наконец! Река! Она разлилась от апрельских дождей и снегов, которые щедро питали ее каждой весной Река Миссисипи.

Словно издалека долетали до Магнолии слова Барнато:

-- Мы только что открыли сезон, который обещал быть на редкость хорошим. Да! Урожай был великолепный, лучше, чем прошлым году. Мы ожидали отличных сборов. Я не хочу утруждать вас деловым разговором... но труппа волнуется. Это вполне естественно... всех беспокоит, что будет дальше. Наш театр -- лучший из плавучих театров... Собственная электрическая станция... Собственный холодильник... Пятьсот мест.

Река. Широкая, желтая, бурная. Магнолия вся дрожала. Она прошла по крутому берегу, по сходням, на нижнюю палубу, похожую на галерею. Свет в окошечке кассы. Несколько слуг-негров, почтительно уступающих дорогу белым. Звук банджо где-то на берегу. Афиша в фойе. Магнолия посмотрела на нее. "Буря и солнце". Буквы заплескали перед ее глазами. Глухо донесся до нее голос:

-- Посмотрите-ка! Ей дурно!

Страшное усилие воли.

-- Нет. Ничего! Я ничего не ела с самого утра.

Магнолия прошла в спальню. Ослепительно белые, туго накрахмаленные кисейные занавеси на окнах. Чистота. Уют. Порядок. Покой.

-- Ложитесь поскорей. Вот грелки. Выпейте чашку чая. Завтра вы встанете совсем здоровой. Нужно рано встать.

Она с удовольствием поужинала.

-- Не нужно ли вам еще чего-нибудь, Нолли?

-- Нет, спасибо.

-- Я тоже ужасно устала. Ну и денек! Спокойной ночи!

-- Спокойной ночи!

-- Я оставлю дверь открытой. Если вам понадобится что-нибудь, позовите меня.

Девять часов. Десять. Пронзительный гудок какого-то парохода. Звяканье якорной цепи. Громкий плеск воды. Тихий плеск. Тишина. Черный бархат. Ночь. Река. Театр. И все такое родное.

Десятое письмо Ким Равенель к матери было написано в очень решительном тоне. Попало оно к Магнолии в мае, когда "Цветок Хлопка" давал представление в Лулу на Миссисипи. С того места, где причалил плавучий театр, ничего похожего на город не было видно. Лулу на Миссисипи было сырым, грязным местечком, воздух которого буквально серел от мух. Негры спасались от жары в тени своих хижин. Большие белые цветы, сверкавшие в темно-зеленых ветвях, наполняли воздух волшебным ароматом, а пурпурные -- высовывали прохожим свои желтые языки.

Магнолия сидела на нижней палубе, устроенной наподобие веранды, наполовину в тени, наполовину на солнце, и наслаждалась влажным зноем. Маленькие черточки, появившиеся в Нью-Йорке около ее глаз и рта, исчезли под благотворным влиянием южного воздуха. И она снова приобрела утраченное было сходство с прелестным белым цветком, название которого носила, снова стала -- хотя лепестки ее поникли и поблекли -- прежней Магнолией.

Приведя в порядок свою комнату, Элли появилась на палубе. Она была в легком утреннем нежно-розовом капоте из легкой бумажной ткани и в шелковом с кружевами чепце. Морщинистая старушка производила в этом виде странное комическое впечатление.

-- Удивительно, как вы можете сидеть на таком солнцепеке, вы рискуете получить солнечный удар. Что вы -- ящерица или кошка? Смотрите, заболаете!

Оторвавшись от письма, которое она читала, Магнолия лениво потянулась.

-- Я люблю жару.

Старчески зоркие глаза Элли Чиплей скользнули по написанному на машинке письму.

-- Опять от дочери?

-- Да.

-- Ну и часто же она пишет вам! Ведь вы получаете по письму чуть ли не на каждой пристани. Вчера еще мы с Клайдом удивлялись этому. О чем это она может писать так часто?

Магнолия знала, что письма Ким вызывают большое волнение в труппе плавучего театра. Каким-то непонятным образом по "Цветку Хлопка" распространился слух о том, что между матерью и дочерью разгорелся письменный спор. Все понимали, что от исхода этого спора зависит будущее плавучего театра.

Бывшая инженеру говорила деланно равнодушным тоном, который звучал настолько фальшиво, что у каждого постороннего наблюдателя, без сомнения, сложилось бы весьма невысокое мнение о ее артистических способностях.

-- Что она пишет, а? Интересно бы узнать столичные новости!

Магнолия взглянула на письмо.

-- По-видимому, Ким рассчитывает приехать ко мне. В июне. С мужем.

Ленты на чепце Элли задрожали. Маленькие, увядшие, сухие ручки, красотой которых она до сих пор гордилась, задрожали.

-- Не может быть! Вот хорошо-то!

Выразив таким образом восторг, которого она не ощущала, Элли мелкими шажками засеменила в актерскую комнату.

Магнолия снова взялась за письмо. Ким терпеть не могла писать писем. То обстоятельство, что она написала их такое количество за один месяц, свидетельствовало о ее большой душевной тревоге.

"Нолли, любимая моя, ты совсем спятила. Как ты можешь оставаться там, в этих жарких и сырых местах, где каждую минуту можно схватить малярию? Сезон кончается у меня первого июня. В сентябре мы собираемся в Бостон, Филадельфию и Чикаго. По контракту я не обязана ехать в турне. Кригер предложил мне увеличить жалованье и участие в доходах. Но ты знаешь, как я ненавижу эти поездки. К тому же мне не хочется расставаться с Энди. Ему не хватает тебя -- так же, как мне и Кену. Если бы он умел говорить, то, несомненно, потребовал бы, чтобы к нему вернулась его бабушка. Если ты не приедешь в Нью-Йорк к третьему июня, я сама приеду за тобой. Мы с Кеном собираемся отплыть в Европу на пароходе "Олимпик" десятого июня. В Лондоне идет пьеса, которую Кригер хочет ставить в Нью-Йорке специально для меня. Нужно ее посмотреть. Мы побываем в Париже, Вене и Будапеште. Вернемся первого августа. Как ты предпочитаешь -- поехать с нами или остаться на даче с Энди? Джанет Фрейд обещает заняться твоими делами, если ты еще не покончила с ними. Ведь так просто -- сдать в аренду старое корыто и с первым же поездом прикатить в Нью-Йорк. По письмам твоим вижу, что в первых числах июня твой театр будет в Лазаре на Миссисипи. Фрейд говорит, что этот Лазар в двадцати милях от железной дороги. Какой ужас! Будь благоразумна, Нолли. Возвращайся домой.

Ким".

Рука, державшая письмо, тихо опустилась на колени. Полулежа в низком кресле, Магнолия смотрела сквозь полуопущенные ресницы на вздувшуюся, волнующуюся реку, стремительно мчавшую в океан свои желтые волны. На высоком глинистом берегу раскинулось жалкое маленькое селение, ярко освещенное жаркими лучами полуденного солнца. По дороге, тянувшейся вдоль берега, медленно ехала запряженная мулами, полуразвалившаяся повозка. Сидевший в ней негр держал в руках веревочные вожжи и мерно покачивался. Из кухни плавучего театра доносился громкий смех. Внезапно его заглушили звуки рояля, трубы, рожка и цимбал -- это оркестр приступил к репетиции.

Зной, музыка, смех, скрип колес на дороге... Магнолия Равенель перебирала в памяти последние двадцать пять лет своей жизни.

В сущности, могло бы быть гораздо хуже. Она ведь ничего не решала, ничего не обдумывала. Она действовала вслепую. И все как-то обходилось. Ким совсем другая. Очень вдумчивая, очень рассудительная. Из тихого пансиона при монастыре Святой Агаты она вышла уже вполне

сложившимся человеком. "Я хочу быть актрисой". -- "О нет, Ким! Не надо". Но Ким во всем и всегда умела настоять на своем. Она была умна, предусмотрительна, осторожна. "Ты не похожа на актрису! -- утверждала Магнолия. -- Какие глупости!" В течение пяти лет Ким играла в маленьких театрах Чикаго. Главным образом в музыкальных комедиях. Через пять лет ей стало ясно, что она ничего не понимает в сценическом искусстве. Она решила поступить в Национальную драматическую школу Нью-Йорка и начать все сначала. Сценическая же деятельность Магнолии подходила к концу. Несмотря на свои годы, она все еще была очаровательна и могла привлекать внимание публики. Но ей трудно было тянуться за молодежью и принаравливаясь к новым веяниям.

Желание Ким поступить в драматическую школу показалось ей до смешного нелепым, несмотря на то что Ким пространно объяснила, чего она ждет от школы. В конце концов Магнолия уступила и сняла небольшую квартиру в Нью-Йорке. Ким работала много, с увлечением.

Фехтование. Гимнастика. Ритмика. Пение. Постановка голоса. Французский язык.

-- Разве ты хочешь стать акробаткой, певицей или танцовщицей? Не понимаю, зачем вас учат всему этому.

-- Ну и отсталая же ты, дорогая Нолли! Знаешь, что? Переходи к нам в школу! Тогда ты сама поймешь, зачем учат всему этому.

Танцкласс. Большой, светлый, пустой зал. Фонограф. Десять учениц. Голые ноги. Все -- босиком. Ученицы выстроились по кругу на расстоянии пяти шагов друг от друга и, стоя на одной ноге, покачивались, размахивая другой в воздухе. Упражнение выполнялось десять минут. Со стороны казалось, что нет ничего проще. Придя домой, Магнолия попыталась проделать то же самое, но вынуждена была отказаться от своей попытки. Вытянуть ногу! Прямой корпус! Еще! Прямей! Некоторые движения были очень трудны. Ученицы слепо исполняли на первый взгляд бессмысленные приказания преподавательницы.

-- Вы спускаетесь в долину! Вы пробираетесь в тумане. Смотрите же на солнце! О, как оно прекрасно!

Постановка голоса. Преподаватель, дама в большой шляпе, вся обвешанная модными побрякушками, напоминала председательницу женского клуба на каком-нибудь предвыборном собрании. Слушая, как она говорит, Магнолия думала, что несколько бы не удивилась, если бы эта преподавательница вынула из горла свою голосовую машинку и показала ее ученикам. Голос ее был воистину произведением искусства. Каждое слово она произносила отчетливо и, несомненно, с большим изяществом:

-- Сегодня мы займемся звуковыми упражнениями.

-- Звук Б. Буб-уб-уб-уб. Боб бил по барабану Звук Т. Ты что-то тепло закутался. Звук Д. Дядя сделал дело. Звук Н. Ни одна из невинных монахинь не понравилась Иннокентию.

Хором и в одиночку ученики подолгу твердили все те же глупости о Бобе, дяде и невинных монахинях.

Упражнение голосовых связок. Несколько бессмысленных слов, повторенных нараспев. "Еще раз, мисс Равенель... Так, теперь лучше".

Четкость произношения. "Мистер Керель, прошу вас". Мистер Керель встает. "Царица-воцарится, девица-веселится, синица-умчится, белица-винится..." "Мисс Роджерс, ваше л". У мисс Роджерс такое мрачное лицо, как если бы она играла леди Макбет. "Лилия, колокол, лакал, молоко, лелеял, лиловый, мольбы..."

О Моджеска, Дузе, Рашель, миссис Сиддонс, Сара Бернар! Неужели таким путем можно добиться чего-нибудь?

-- Подожди, увидишь, -- спокойно говорила Ким. Танцы, пение, фехтование, постановка голоса, французский. Час. Два. Три. Магнолия ждала. И в конце концов -- увидела.

Ким не пришлось идти по той кремнистой дороге, полной опасностей и соблазнов, которая, как принято думать, является единственной для молодой и красивой девушки, желающей поступить на сцену. Она сразу завоевала себе положение. Получив роль дочери светской женщины в пьесе Форда Солтера, она провела ее так блестяще, что затмила известную актрису, игравшую роль матери. Игра ее была яркой, современной, изящной и убедительной. Свежесть сочеталась в ней со зрелостью.

Ким была умна, красива, способна, здорова, чутка и обладала редкой трудоспособностью. И она была одной из первых в плеяде умных, красивых, даровитых, здоровых, чутких и обладавших поразительной трудоспособностью актрис нашего времени. В ней, как и в них, не было и намека на гений, величие и вдохновение. Театральные критики новейшей формации, которые не видели прежних гениальных актеров в дни их расцвета и еще не дождались расцвета талантов нарождающихся, приходили в восторг от игры Ким, принимая ее талант, ум, трудоспособность и честолюбие за нечто более крупное. Эти критики имели обыкновение сравнивать с Дузе каждую молодую актрису, которая обладала сценическим чутьем, могла в течение трех актов не сбавить тона, прилично говорила по-английски, умела ходить по сцене и непринужденно сесть в кресло. Через пять лет после того, как Ким окончила Национальную театральную школу, современные Элеоноры Дузе насчитывались дюжинами, а Сары Бернар появлялись на сценах Бродвея несколько раз в сезон.

-- Блестящий спектакль! -- возмущенно повторяла однажды Магнолия, возвращаясь с Ким после первого представления пьесы, в которой дебютировала одна из подруг Ким. -- Но ведь не было игры! Все, что она говорила, и все, что она делала, было совершенно правильно. А между тем я оставалась так же равнодушна, как если бы слушала бой часов. Когда я иду в театр, мне надо, чтобы пьеса и актеры увлекали меня. В прежние времена актеры, может быть, и не знали, что такое темп и ритм, но в зрительном зале мужчины плакали, а женщины падали в обморок.

-- Послушай, Нолли, дорогая! Артистка твоего времени не продержалась бы в наших театрах и несколько дней! Нам постоянно ставят в пример Клару Моррис, миссис Сиддонс, Моджеску и Сару Бернар. Если бы эти

милые сентиментальные старушки вздумали выступить сейчас на сцене и какой-нибудь добрый гений вернул бы им молодость, современная публика все-таки пришла бы в ужас от них.

Актеры новой школы посещали шикарные кафе, потягивали коктейли, ходили по художественным выставкам, позировали для портретов, никогда не проводили ночей в клубах, не употребляли румян и белил иначе как на сцене, не помещали своих имен в книгу телефонных абонентов Нью-Йорка, носили ботинки на низких каблуках и шерстяные чулки и любили симфонические концерты. Их частная жизнь лишена была романтики и блеска. Игра их была ясной и добросовестной, продуманной: темп, тон, настроение, характер -- все было точно, как чертеж. И современный зритель мог не опасаться, что у него пульс участится.

Брак Ким с Кеннетом Камероном был удачным и счастливым. Отдельные спальни. Прелестные бархатные пеньюары с отделкой из венецианских кружев. Отношения между мужем и женой прекрасные. Ничто не омрачало их супружеской жизни, построенной на принципе абсолютной личной свободы. Магнолия часто удивлялась супругам, но избегала высказывать свое мнение. Ведь ее собственный брак отнюдь не являлся образцом, достойным подражания. И все-таки, наблюдая жизнь Ким, такую спокойную и безупречную, она часто думала о том, что чего-то не хватает ее дочери. Неужели она сама не чувствует этого? Неужели жизнь с любимым человеком -- как и всякая жизнь -- не становится скучной, пресной и пустой, когда она так размеренна, так упорядочена? Неужели брак -- и жизнь -- не становится прекраснее, богаче, ярче от смешения в них низкого и высокого, грязи и звездного света, земли и цветов, любви и ненависти, слез и смеха, красоты и уродства? Кен был всегда вежлив, нежен, предупредителен по отношению к Ким. Ким была всегда вежлива, нежна, предупредительна по отношению к Кену. "Свободна ли ты в следующий четверг, дорогая? У Пайнов соберется очень интересное общество... Нет? Очень жаль..." Нежный и безразличный голос. Такие голоса часто приходится слышать в кафе, на премьерах, в антикварных магазинах на Медисон-авеню, где изящные молодые люди продают старинный фарфор, картины и бронзу.

Нет в Ким нет ничего от Миссисипи. Ким похожа на реку Иллинойс, которую так не любила в детстве Магнолия. Среди приветливых, ровных зеленых берегов жизнь Ким течет спокойно и безбурно.

-- Да что с вами, Магнолия Хоукс? Вы еще все сидите на том же месте! Уже больше трех. Скоро обед! -- сказала появившаяся Элли Чиплей. -- Сидит на самом солнце! Вы гораздо больше нуждаетесь в уходе, чем ваша покойная мать.

Элли была права. Ночью Магнолия страдала от жестокой головной боли.

Ким и Кен приехали неожиданно, второго июня. Пристань зашаталась под тяжестью чудовищного форда, которым управлял статный негр в костюме цвета хаки.

Ким была измучена, но весела.

-- Он говорит, что ездил на этой машине во Францию, в семнадцатом году. Охотно верю! Ручка, дверцы, стенки, сиденья так гремели и болтались из стороны в сторону, что мне все время приходилось их придерживать. Нолли, дорогая моя, как ты могла выдержать столько времени в этой дыре!.. Кен, милый, прими аспирину и полежи немного... У Кена страшно разболелась голова... Мы едем обратно десятичасовым. И, ради самого неба, Нолла...

Начался разговор. Из-за этого разговора обед на "Цветке Хлопка", обычно подаваемый в четыре часа, состоялся только в пять. Втроем они сидели в прохладной комнате с белыми покрывалами на постели и кисейными занавесками, вернее, сидели Магнолия и Ким, а Кен лежал на кровати, весь пожелтевший от жары и мигрени. А на кухне, на сцене, в маленьких комнатах с окнами на реку, на палубе, в классе -- актеры и служащие плавучего театра "Цветок Хлопка" тосковали и ждали, играли в карты и ждали, шили, читали, говорили и ждали.

-- Не может быть, чтобы ты серьезно думала об этом, Нолли! Плавать вверх и вниз по этим грязным, ужасным рекам! Да еще в такую жару! Ты могла бы жить на даче с Энди. Или поехать в Лондон со мной и Кеном. Кен, скажи же ей, чтобы она ехала с нами! Ну а если тебе это больше улыбается, можешь ехать в Нью-Йорк, в нашу просторную и уютную квартиру, где никогда не бывает такой духоты.

Магнолия подошла к ней.

-- Слушай, Ким. Я люблю все это. Люблю реки. Люблю прибрежных жителей. Люблю плавучий театр. Всю эту жизнь люблю. Почему -- сама не знаю. Должно быть, это врожденное. Я думаю, все это от твоего дедушки. Но ты его не помнишь. Теперь поговорим о другом. Вы сегодня же уезжаете. Мне нужно сказать вам кое-что. В Фивах, после похорон мамы, у меня был разговор с нотариусом и банкиром. Твоя бабушка оставила большое состояние. Конечно, я была уверена, что ей удалось скопить несколько тысяч долларов. Оказывается, доходы от плавучего театра за последние двадцать пять лет были так велики, что наследство исчисляется в полмиллиона. Эти полмиллиона я дарю тебе, Ким, и Кену.

Само собой разумеется, отказ. Горячие протесты. Уговоры. Колебания. Согласие. Благодарность. Все еще бледный, Кен встал с постели. Ким ударила в лирику:

-- Полмиллиона! Мама! Кен! Это значит, что я могу играть где и как мне угодно! Это значит, что Кен может писать! Боже мой, ведь при желании мы можем открыть собственный театр в Нью-Йорке. Я сыграю, наконец, те роли, которые так давно привлекали меня. Ибсен, Гауптман, Верфель, Шницлер, Мольер, Чехов и даже Шекспир. Мы назовем наш театр "Американским театром", правда, Кен?

-- Американский театр! -- задумчиво повторила Магнолия. И улыбнулась: -- Американский театр!

Ей было ясно, что никто, кроме нее, не понял, какая ирония звучит в этих словах.

Раздался громкий, протяжный звонок к обеду.

Ким и Кен делали вид, что не замечают жары, мух и талого неаппетитного масла. Они перезнакомились со всеми, начиная от повара и кончая капитаном, начиная от инженерю и кончая барабанщиком.

-- Это великая честь для нас, мисс Равенель... То есть миссис Камерон... Ведь мы так много о вас слыхали!

После обеда Ким и Кен осмотрели весь плавучий театр. Кен все еще чувствовал себя неважно. Но восхищение его театром было так велико, что даже он стал экспансивен.

-- Смотри, Ким! Ведь это просто замечательно! Знаешь, мы непременно должны остаться на представление. Нет, кто бы мог подумать! Эти уборные, которые в то же время играют роль жилых комнат!.. Черт возьми!

Элли Чиплей гримировалась в своей уборной, помещавшейся над самой сценой. Она должна была играть в этот вечер в "Дочери плантатора" роль важной дамы, в черном платье и кружевном чепце. Высоких гостей она приняла довольно сдержанно, явно давая им понять, что она не нуждается в их покровительстве. Наклонившись к зеркалу, Элли внимательно изучала свое морщинистое лицо. "И что она может находить в себе хорошего?" -- с удивлением думала Ким.

-- Мама рассказывала мне, что вы играли когда-то Джульетту?

Элли Чиплей энергично кивнула головой:

-- Да, сударыня! Я играла Джульетту. Весь Запад знал меня! Неужели вы думали, что я всю мою жизнь прозябала в плавучих театрах?

-- Играть Джульетту в юности -- редкая удача. Большинство актрисы добиваются этой чести годам к пятидесяти. Скажите, дорогая мисс Лавери... -- Ким твердо решила смягчить сердце этой старой куклы и была поэтому изысканно вежлива: -- Скажите, кто был вашим Ромео?

Но тут судьба посмеялась над Элли Чиплей (Ленорой Лавери), и над вежливостью Ким, и над сценой. Элли задумчиво провела пуховкой по щекам, прищурила свои старые глаза, скривила поблекший рот, погрузилась в раздумье и, наконец, покачала головой:

-- Мой Ромео?.. Позвольте-ка... Позвольте-ка... Я не помню, кто был мой Ромео.

Наступил момент отъезда.

-- О Нолли, дорогая, полмиллиона!

-- Нет, мама, очень страшно оставлять тебя в этом забытом Богом и людьми местечке. Мухи, негры, грязь... И эта ужасная желтая река, которую ты любишь больше, чем меня! Стой на верхней палубе, мамочка, чтобы мы могли видеть тебя как можно дольше!

В плавучем театре стали зажигать лампы. На берегу, как всегда, собралась толпа зевак. Наступали сумерки. На пристани, на крутом берегу, на дороге -- всюду виднелись негры, фермеры, рабочие, горожане. Любопытство и жажда развлечений толкали их к "Цветку Хлопка". Где-то зазвучала песня. Раздался громкий топот шагов по деревянным сходням. Тихонько зазвенело банджо.

До железнодорожной станции Ким и Кен ехали на этот раз не в автомобиле, а в прекрасной карете, которая принадлежала Партинье Энн Хоукс, а от нее перешла по наследству к Магнолии.

-- Мама, дорогая моя, ты ведь приедешь к нам в Нью-Йорк, как только у тебя закончится сезон, не правда ли? В октябре или ноябре. Да? Ты обещаешь? Ты приедешь?

Ким расплакалась.

-- О Кен, я не могу расстаться с нею! -- сказала она сквозь слезы.

-- Ей будет хорошо здесь, дорогая. Посмотри на нее! Что за молодец!

На верхней палубе плавучего театра "Цветок Хлопка" стояла Магнолия Равенель. Изящный силуэт ее четко вырисовывался на фоне догоравшего заката. Она как будто выросла. Неистощимая сила чувствовалась в ней. На губах ее играла улыбка, но выражение глаз было суровым и решительным. Она пристально, не мигая, смотрела на залитую солнцем воду. Правая рука была поднята в знак прощального приветствия.

-- Она великолепна, Кен! -- воскликнула Ким, заливаясь слезами.

-- Какая неукротимая мощь! Миссисипи и мама -- родные сестры.

Крутой поворот. Маленькая роща. Река, плавучий театр, стройная величавая фигура на палубе -- все осталось позади.

Примечания

Первое издание перевода: Плавучий театр. Роман / Пер. с англ. М. Г. Волосова, М. Е. Левберг; Под ред. А. Н. Горлина. -- Ленинград: ГИЗ, 1927. -- 339 с.; 20х14 см. -- (Библиотека всемирной литературы).